

ББК 65.04 65.050 65.23 65.9(2)

Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Пере-
загрузка». Том 1 / Сборник пленарных докладов Санкт-Петербург-
ского международного экономического конгресса (СПЭК-2017) /
Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб., 2017. 310 с.

В марте 2017 года в Санкт-Петербургском научном центре РАН состоялся III Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2017) «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перезагрузка», организованный Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте под эгидой Отделения Общественных наук РАН.

В работе Конгресса приняли участие крупные ученые научно-исследовательских институтов РАН, ведущих университетов страны, депутаты Государственной Думы ФС Российской Федерации, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества России, зарубежные коллеги. В конгрессе приняло участие более 500 человек из 48 городов России, ученые и эксперты из Белоруссии, Казахстана, Азербайджана, Эстонии, Германии, Китая, Франции, Великобритании, Австрии, Греции, США.

В первом томе опубликованы доклады пленарных докладчиков Конгресса СПЭК – 2017.

Тексты, графики и таблицы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-902764-92-2
© Коллектив авторов, 2017
© ИНИР им. С.Ю. Витте, 2017

Содержание**Раздел I. Джон Кеннет Гэлбрейт.
Возвращение II**

Предисловие	5
<i>Бодрунов С.Д. Возвращение индустрии – возвращение Гэлбрейта: новое индустриальное общество – НИО.2 – нооцивилизация</i>	13
<i>Воейков М.И. Политэкономические основания государственной политики новой индустриализации.....</i>	29
<i>Городецкий А.Е. Планирующие системы Дж.К. Гэлбрейта и российская современность.....</i>	51
<i>Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество: 50 лет спустя</i>	77
<i>Колганов А.И. «Новое индустриальное общество» Гэлбрейта как отправная точка анализа противоречий современного капитализма</i>	83
<i>Пороховский А.А. Исследовательская традиция Дж.К. Гэлбрейта и современные экономические проблемы России.....</i>	91
<i>Рязанов В.Т. Новое индустриально-технотронное общество: грядущее под вопросом</i>	111
<i>Цаголов Г.Н. Революция Гэлбрейта.....</i>	129

Раздел 2.

Новая индустриальная экономика: Россия и мировой контекст 147

<i>Аганбегян А.Г.</i> Как возобновить социально-экономический рост в России?	151
<i>Белоусов Д.Р.</i> Операция «Развитие»: как преодолеть долгосрочную стагнацию	173
<i>Лайбман Д.</i> О сложных и противоречивых последствиях роста производительности труда в современной экономике	187
<i>Нигматулин Р.И.</i> Необходимые условия экономического роста в России	201
<i>Смолин О.Н.</i> Негативная конвергенция и новая индустриализация: прогнозы и реальность.....	219
<i>Хубиев К.А., Айдинов Х.Т.</i> О качественном подходе к роли государства в экономическом развитии	249
<i>Шульце П.</i> Будущее промышленности: четвертая революция – функции государства и общества	271
<i>Эпштейн Д.Б.</i> Экономическая политика России – пути обеспечения устойчивого индустриального роста	287

Предисловие

В марте 2017 года в Санкт-Петербургском научном центре РАН состоялся III Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2017) «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перезагрузка».

Организатор конгресса – Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте под эгидой Отделения общественных наук РАН, превратил его в научно-общественное событие международного уровня.

В работе конгресса приняли участие крупные ученые научно-исследовательских институтов РАН, ведущих университетов страны, депутаты Государственной Думы РФ, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества России, зарубежные коллеги. В конгрессе приняло участие более 500 человек из 48 городов РФ, ученые и эксперты из Белоруссии, Казахстана, Азербайджана, Эстонии, Германии, Китая, Франции, Великобритании, Австрии, Греции, США.

В рамках Конгресса состоялся международный мемориум памяти выдающегося экономиста с мировым именем – Джона К. Гэлбрейта, основоположника концепции нового индустриального общества, в связи с 50-летием выхода в свет (в т. ч. – в СССР) его фундаментального труда «Новое индустриальное общество».

Работа Конгресса была очень насыщенной. В ходе пленарной сессии, трех крупных пленарных конференций, десятка семинаров и круглых столов обсуждались пути развития российской

промышленности в сложившихся экономических условиях, осуществления международной индустриальной кооперации, выхода российской экономики на траекторию устойчивого экономического роста. Была подчеркнута и всесторонне рассмотрена существенная роль интеграции производства, науки, образования и культуры для обеспечения нового качества индустриального производства.

Именно вопросы направлений индустриализации, путей и средств обеспечения прорыва в новое состояние материального производства, стояли в центре внимания Конгресса. На первой пленарной сессии в постановочном докладе д.э.н., профессора, директора ИНИР им. С.Ю. Витте Бодрунова Сергея Дмитриевича был развернут тезис о необходимости перехода российской экономики на новое качество индустриального производства (новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2)).

В ходе Конгресса и другие ведущие экономисты-теоретики и практики страны представили собственные точки зрения по ключевым темам Конгресса. Основными спикерами Конгресса стали:

- Аганбегян Абел Гезевич, Москва, д.э.н., профессор, академик РАН, зав. кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
- Гэлбрейт Джеймс Кеннет, США, профессор Университета Техаса;
- Гринберг Руслан Семенович, Москва, д.э.н., профессор, чл.-корр. РАН, научный руководитель Института экономики РАН и Института нового индустриального развития (НИИР) им. С.Ю. Витте – модератор Конгресса;
- Белоусов Дмитрий Рэмович, Москва, к.э.н., Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования;
- Нигматулин Роберт Искандерович, Москва, д.ф.-м.н., профессор, академик РАН, директор Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН;
- Смолин Олег Николаевич, Москва, д.ф.н., профессор, академик РАО, Первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы ФС РФ.

Фронтменом-докладчиком Конгресса стал Джеймс К. Гэлбрейт – известный американский экономист, профессор Техасского университета, один из лидеров научного экономического сообщества США, сын Джона К. Гэлбрейта. Он рассказал о том, какие изменения коснулись теоретического наследия Дж. К. Гэлбрейта и насколько они актуальны в сегодняшних реалиях. По его мнению, идеи Гэлбрейта-старшего применимы не только к анализу нынешних проблем, но и истории. «Проблемы в Советском Союзе заключались не в отсутствии свободного рынка, а в том, что система производства была недостаточно гибкой. И потом, когда появился так называемый свободный рынок, все рухнуло вместо того, чтобы улучшиться», — пояснил Джеймс Гэлбрейт. А мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г., со всей убедительностью показал, что экономике для её эффективного функционирования необходимы государственное регулирование и директивные плановые механизмы.

Важную роль нового качества индустриального производства в современной мировой экономике подтвердили и многочисленные иностранные участники СПЭК-2017: профессора Кембриджского университета Сиддхарт Саксена и Дэвид Лайн, профессор Университета Париж 12 Жан-Луи Трюэль, профессор кафедры политических наук университета им. Георга Августа (Геттинген) Петер Шульце, главный редактор научного журнала *Science and Society*, профессор университета Бруклин Дэвид Лайбман, профессор Университет Висконсин – Милуоки Джеффри Соммерс и др.

Доклады многих из вышеперечисленных докладчиков представлены в настоящем сборнике.

IO

II

Раздел I.
Джон Кеннет Гэлбрейт.
Возвращение

I2

С.Д. Бодрунов¹

Возвращение индустрии –
возвращение Гэлбрейта:
новое индустриальное общество –
НИО.2 – нооцивилизация

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, д.э.н., профессор.

I4

Сегодня, по прошествии полувека после выхода книги Дж.К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», мы можем утверждать, что многие идеи, высказанные им накануне широкого распространения постиндустриальных концепций, находят свое подтверждение. *Индустрия возвращается, и вместе с ней возвращается Гэлбрейт.* Впрочем, точнее было бы сказать, что возвращается не индустрия, – она никуда и не исчезала, – возвращается широкое понимание ее основополагающего значения для современной экономики.

I.

Что же касается теорий постиндустриального общества, то, несмотря на целый ряд метких наблюдений и предсказаний, в целом они не подтвердились.

Постиндустриальные концепции отталкивались от внешне совершенно верного наблюдения за снижением стоимостной доли материального производства (и его индустриального ядра) в валовом внутреннем продукте. Но за этой внешней стороной они не увидели истинных причин этого явления, подтверждающих сохраняющуюся и даже возрастающую роль современных индустриальных технологий во всей системе общественного воспроизводства (рис. 1).

Истинные причины снижения стоимостной доли индустриальных продуктов в ВВП развитых индустриальных стран

- развитие индустриальных технологий, подразумевающих снижение доли материальной части в индустриальном продукте;
- удельное снижение энергоемкости индустриального производства;
- резкое снижение удельной себестоимости затрат на удовлетворение потребностей людей в рамках индустриального производства;
- физическое перемещение высокозатратных компонент индустриального сектора в страны с низкой стоимостью труда и ресурсов;
- «лукавство» традиционной статистики и учетной политики экономических ведомств, неадекватность архаичной концепции учета новым парадигмальным изменениям в мировом воспроизводственном процессе;

...

Рис. 1.

К примеру, о драматическом снижении себестоимости индустриальной продукции в ВВП при наблюдении т.н. синергии технологий мы можем говорить, взглянув хотя бы на любой гаджет (рис. 2).

Кроме того, на руку «постиндустриальному тренду», вводя исследователей в заблуждение, играет и учетная политика статистических ведомств, когда многие, связанные с чисто индустриальным производством, работы относят к некоторым «услугам», без четкого выявления их сути.

Подчас за падение роли индустрии принималось лишь географическое перемещение ее из развитых стран в новые индустриальные страны, в то время как в мировой экономике в целом никакого падения роли индустриального производства не наблюдается (довольно странная слепота в эпоху глобализации...). (рис. 3)

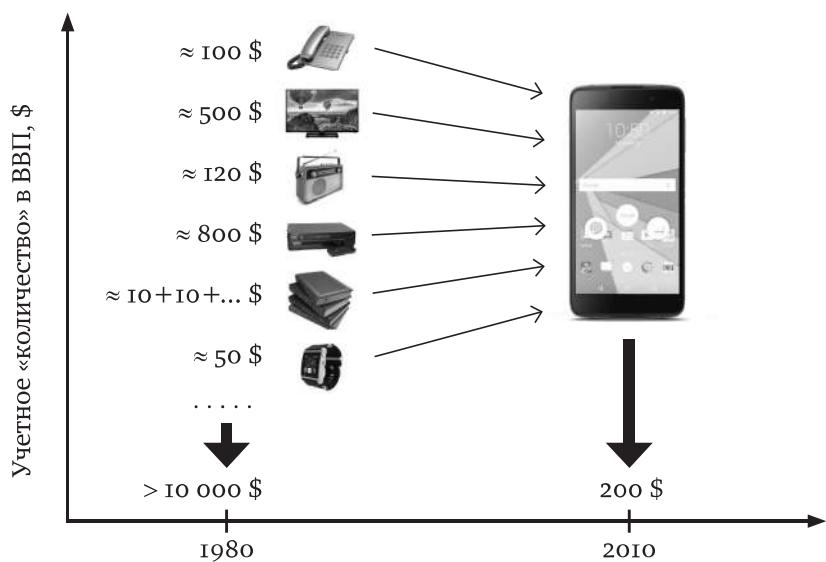


Рис. 2.



Рис. 3.

Правильно фиксируя возрастание значения знаний и информации в производстве, адепты теорий постиндустриального общества ударились в иллюзию, что знания и информация могут сами по себе заменить материальное производство, вытеснить его, низведя его роль до ничтожного значения.

Но действительно происходящий переход к новому состоянию общества основывается не на падении роли материального производства, ибо заменить его ничто не может, так как производство материальных условий жизни и деятельности человека было и остается необходимым основанием существования человеческого общества.

2.

Мир не переходит к постиндустриальному обществу (хотя зарождение некоторых «постиндустриальных» тенденций отрицать было бы неверно). Напротив, сейчас, как мы видим, формируется новое качество индустриального производства, открывается путь к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2). Об этом я, коллеги, детально пишу в книге «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка», которую желающие могут получить сегодня; она издана на русском и английском языках.

Суть этих изменений – в обретении нового качества самим материальным производством, становящимся знаниеинтенсивным производством знаниеемких продуктов, в которых технологические знания получают превалирующее значение – как в смысле обеспечения принципиально иного качества продукта с точки зрения возрастающих возможностей удовлетворения соответствующих человеческих потребностей, так и с точки зрения доли затрат в производстве такого продукта.

При этом, изменения свои параметры, материальное производство остается по своей технологической основе индустриальным. Все передовые технологические уклады материального

производства (и пятый, и шестой) остаются основанными на тех или иных разновидностях индустриальной, машинной техники. Что меняется, так это облик самих индустриальных технологий – они становятся по преимуществу не механическими, а основанными на контролируемых человеком физических, химических, биологических, информационных и когнитивных процессах, составляющих основу нового технологического уклада и обеспечивающих в материальном базисе общества наступление 4-й индустриально-технологической революции.

Тут есть множество принципиальных новаций.

Можно, например, сослаться на то, что прежние субтрактивные (вычитающие) технологии базировались на механических процессах резания, спиливания, стачивания и т.п., а современные аддитивные (технологии послойного добавления материалов) базируются в значительной мере на иных физических процессах – «складывании», наплавлении, спекании, напылении и т.п.), в сочетании с современными информационными технологиями (3D-принтирование).

Но главный качественный скачок заключается не в тонкостях самих индустриальных технологий, а в том, что сделало возможным вовлечь в индустриальное производство широчайшую гамму контролируемых и направляемых человеком природных процессов различного содержания.

Это стало возможным благодаря тому, что современное индустриальное производство базируется на масштабном и все ускоряющемся технологическом применении новых знаний. (рис. 4)

Как такое оно ознаменуется (точнее сказать – в наиболее передовых сферах уже ознаменовалось) тем, что материальная составляющая продукта все более сокращается. Удельная материалоемкость, капиталоемкость, трудоемкость изготовления изделий испытывает тенденцию к снижению, а составляющая применяемого человеком знания растет. На слайде, в графическом выражении это явление отражается как некий «кривой крест».

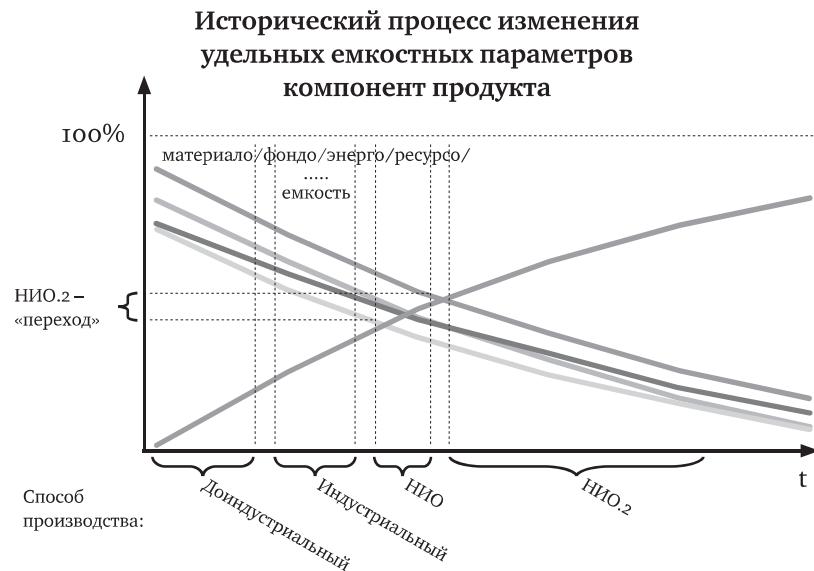


Рис. 4.

Этот рост приобретает все более интенсивный характер, производство постепенно переходит в режим непрерывной технологической инновации, а сами инновации распространяются в пространстве нового поколения индустриального производства в режиме «ускорения ускорения». При этом мы находимся сейчас в самом центре этого «креста», в начале перехода к новому индустриальному обществу второго поколения.

3.

Такая перспектива заставляет нас вновь и вновь ставить острые и актуальные для мира и нашей страны вопросы. Среди них – вопрос о необходимости преодоления Россией тяжкого наследия деиндустриализации последних десятилетий, о реиндустриализации нашей экономики.

Речь, однако, идет не о возврате к прежней структуре экономики, а о новой индустриализации, базирующейся на технологиях самого передового рубежа наших знаний. Эта задача определяется не только обрисованными выше современными тенденциями эволюции материального производства, но и необходимостью обеспечить нашей стране подлинную экономическую самостоятельность. А такая самостоятельность невозможна без наличия крепкого научно-технологического ядра, опирающегося, с одной стороны на высокотехнологичное индустриальное производство, и являющееся, с другой стороны, базой его развития.

Новую индустриализацию, в свою очередь, невозможно реализовать при следовании в русле унаследованных от 90-х годов прошлого столетия стереотипов экономической политики «рыночного фундаментализма» и неолиберальных идеологических штампов. Прорыв в новое индустриальное будущее второго поколения требует соответствующего изменения экономической модели России (рис. 5).

Реиндустриализация экономики, восстанавливающая в качестве базовой ее компоненты – промышленность, а приоритета развития – индустриальное развитие, и новая индустриализация, понимаемая как интенсивное накопление потенциала индустриального развития на основе знаниемкого производства, на новейшей технологической базе, до уровня, необходимого для перехода к новой индустриальной экономике, требует изменения установок, государственных решений в сфере экономики, госпрограмм, реорганизации соответствующих институтов и т.д.

Рис. 5.

Резюмируя, подчеркну – необходима активная промышленная политика, опирающуюся на использование широкого спектра методов государственного регулирования экономики, вплоть до стратегического планирования, а также развитие государственно-частного партнерства, одной из главных задач которого станет реинтеграция производства, науки и образования. Потребует она и действительного, а не словесного, перехода к социально-ориентированной экономике, потому что без этого невозможно эффективно пустить в ход главный ресурс инновационного, знанийинтенсивного производства – образованного, культурного, способного к творческой деятельности человека. (рис. 6).

Новая экономическая политика – XXI:

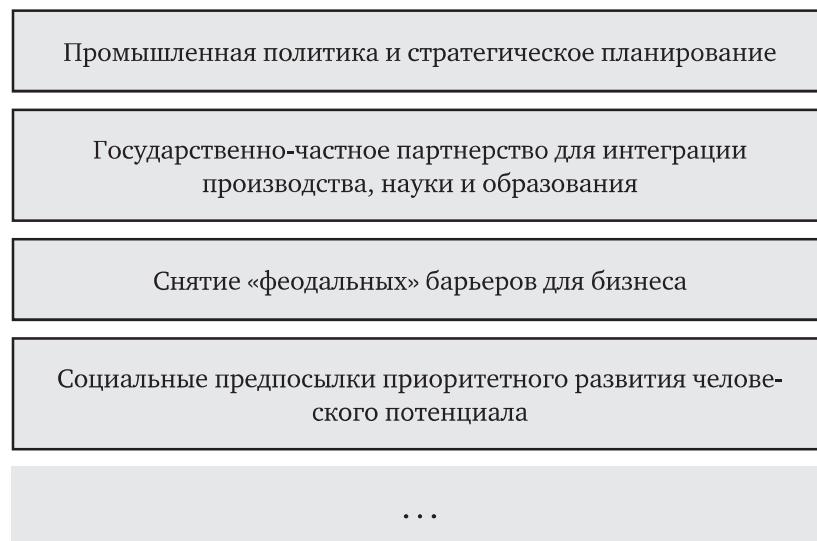


Рис. 6.

Набор требуемых изменений в экономической политике хорошо известен, но нам все еще их приходится повторять, ибо то, что овладело умами ученых, еще не стало практикой, а «идей, –

как хорошо известно, – становятся материальной силой, когда они овладевают массами».

4.

Но, не забывая об этих насущных задачах, мы не можем себе позволить не задумываться о *стратегической перспективе*, о более отдаленном будущем. Куда приведет нас поток индустриального производства новой генерации – производства, в котором главную роль будет играть технологическое освоение новых знаний? Подобным вопросом задавался Дж.К.Гэлбрейт применительно к своей эпохе. Обязаны задуматься над этим и мы, принимая во внимание те огромные изменения, которые произошли за полвека, прошедшие после выхода в свет его книги.

Мы четко осознаем, что вслед за новой индустриально-технологической революцией неизбежно последует изменение общественного устройства, всего облика общества.

Это общество и те технологии, на которые оно будет опираться, создадут несравненно более высокие возможности удовлетворения человеческих потребностей, нежели сегодня. Широкое распространение знаниеемкого материального производства, сопровождающееся прогрессирующими снижением материальных издержек и взрывообразным ростом инноваций, вскоре сможет удовлетворить потребности людей в реально необходимых им материальных благах.

При этом, добавим, современные знаниеемкие продукты, как часто мы видим, становятся способны удовлетворять настолько широкий спектр потребностей, что сами человеческие потребности подчас не поспевают за открывающимися возможностями. Как я уже показал, один лишь современный смартфон способен удовлетворить те потребности, для которых ранее требовалась телефон, радиоприемник и радиопередатчик, телевизор, видеомагнитофон, фотоаппарат, часы, будильник, записная книжка и авторучка,

почтовая служба, куча разных справочников – и это еще не весь перечень. Более того, современный смартфон может удовлетворять и такие потребности, о которых 30 лет назад писали разве что фантасты. А кто может с уверенностью сказать, что он использует технические возможности своего смартфона на все 100%? Что знает, какие еще «неоткрытые» возможности в нем таятся?

А теперь – другой вопрос. Только ли блага в виде возможности максимально простого удовлетворения возрастающих потребностей человека несет нам такой путь развития? Или по-другому – какие вызовы мы можем видеть?

5.

И сможем ли мы достойно ответить на вызовы такой – новой, *технотронной* – цивилизации? Будет ли это общество гуманизма и широчайшего распространения «знаниетворящей» человеческой деятельности, общество гармонии с природой и преодоления социальных конфликтов, где человек будет занят главным образом освоением новых знаний? Будет ли это общество, где материальные возможности и ограничения будут играть не главную роль, поскольку вместе со все возрастающей доступностью удовлетворения материальных жизненных потребностей утратит свое нынешнее первенствующее значение и частное присвоение материальных благ? Или нас ждет нечто противоположное?..

Да, мы понимаем, что есть угроза иного пути.

Об этом можно долго говорить. Но – не сейчас. Об этом я планирую говорить через два дня на МЭФе. Там есть такая тема, в главной сессии. Сегодня же отмечу лишь, что перед человечеством стоит дilemma стратегического характера: или превращение человека в придаток технотронной системы, или – ноосферная цивилизация. Да, такое название я бы ей дал.

В развитых странах, упоенный почти безграничными возможностями наращивания уровня удовлетворения своих потребностей,

человек может впасть (и частью уже впадает) в соблазн сверхпотребления. В странах менее развитых, в силу прежнего хронического недопотребления у миллиардов людей, в таких условиях возникает угроза обращения новых технологических возможностей на безудержный количественный рост производства материальных благ, выходящий за рациональные пределы.

Эти тенденции чреваты раздуванием нерациональных, фиктивных, симулятивных потребностей. В первом случае это будет погоня за престижным потреблением все более и более изощренных и технологически-продвинутых симуляков благ, удовлетворяющих симулятивные потребности людей. Во втором – бездумное нагромождение растущего объема традиционных предметов потребления в погоне за примером более развитых стран и включение, в конечном счете, в их гонку за удовлетворением симулятивных потребностей.

В этом случае давление на ресурсы Земли будет возрастать, несмотря на возможности существенного снижения ресурсоемкости производства. Безудержное потребительство грозит поглотить любое количество природных ресурсов и завалить Землю отходами, а то и ввергнуть человечество в пучину конфликтов за материальные блага и скучдающие ресурсы для их все возрастающего производства...

6.

Возможность избежать такого исхода потенциально заключена в самом процессе освоения человеком новых знаний. Следует заметить, что имеющий широкое хождение тезис о том, что современное производство основано, прежде всего, на производстве новых знаний, строго говоря, неверен. Происходящее по нарастающей, с ускорением, приращение человеком знаний при этом не есть их производство. *Знание существует объективно, и, в этом смысле, оно существует абсолютно.* Никто не производит

знаний, происходит лишь открытие того, что уже существует: Ом не создал закон Ома, он всего лишь открыл для людей уже существующую в природе связь. Деятельность по «добыыванию» знаний – это не «создание», не «производство» знания, а осознание, открытие конкретных его частей, шаг за шагом, расширение пространства знаний, доступного в каждый конкретный момент человеку и человечеству в целом, но – это не «придумывание» новых знаний, никак не «создание» их. Человек не производит знания, а открывает их в предметном мире, «распредмечивая» его, «добывая» из него заложенное в нем знание.

В то же время следует помнить, что человек – это единственное существо, способное преобразовать материальный мир, окружающий его, в нематериальный мир знаний. Познавая мир, человек способен лишь приблизиться к заложенному в нем абсолютному, неисчерпаемому знанию. Но в процессе познания мира человек также познает и себя, как часть мира, познает интересы окружающих людей, как и вещного мира, и те связи – общественные связи, – которые между ними наличествуют. В процессе обретения новых знаний человек устанавливает и совершенствует определенные критерии своего общественного бытия, проверяя их, обновляя и рационализируя, формируя культурно-цивилизационный код. Подчеркну – вместе с этим он познает себя как часть (но особую, способную к самопознанию часть) этого мира.

7.

Но и на этом пути нас подстерегают ловушки: новые знания означают в тоже время и новые потребности, как вполне рациональные, так и симулятивные, избыточные, или вообще являющиеся порождением фантазии, либо – тупиковых (с точки зрения прогресса человеческих качеств) ветвей технологического прогресса. При этом сложность в том, что граница между разумными,

рациональными, с одной стороны, потребностями, и симулятивными, с другой, динамична. То, что избыточно сегодня, становится рациональным завтра, и симулятивные потребности в этом смысле, как и обычные, играют по отношению к производству стимулирующую роль. Однако многие симулятивные блага являются не просто относительно избыточными – некоторые из них дают лишь иллюзию полезного эффекта (к примеру, немалая часть косметической или медийной продукции), а другие обладают и побочными вредными эффектами.

Еще одна проблема – в том, что вследствие действия закона возвышения потребностей растет и пространство симулятивных потребностей, и ресурсов, необходимых для их удовлетворения. Каким же образом человек может предотвратить разбухание мира симуляков?

Ответ на эти сложные вопросы, как это ни покажется странным, в принципиальном плане – прост.

Все проблемы, возникающие перед человечеством, оно решало, используя знания, находя решения в пространстве знаний. Самопознание – часть такого пространства, дающее ключ к решению этой проблемы.

Именно на основе самопознания, рационализации критериев, по которым человек оценивает собственную жизнь, формирующих осознанное самоограничение, можно поставить барьер на пути безудержной погони за симулятивным потреблением и – тем самым – выйти на путь ноовариантного развития нашей цивилизации, о котором более полувека назад писал великий российский ученый Владимир Вернадский.

И, наконец, еще один важный аспект – особую роль будет играть в этом движении феномен культуры. Культура – особый вид знания, реализованный в поведенческой парадигме его носителя; она возникла в историческом процессе как раз в рамках самоосознания человеком себя как личности, развиваясь в процессе самопознания, познания себя, своих интересов, интересов других членов сообщества, общества в целом.

Углубление самопознания будет означать одновременно и развитие мира человеческой культуры, ибо лишь соединение в одном лице человека «знания» и человека «культуры» – т.е. осознающего мир и себя в единстве – открывается путь к подлинно человеческому отношению к своим потребностям, к другим людям, к окружающему миру (и, в первую очередь – к природе). Этот путь, на котором будет доступно достижение принципиальной парадигмы разумного самоограничения симулятивных потребностей, будет вместе с тем и дорогой, идя по которой мы – люди, создающие новое качество материального производства и индустрии, сфер, в которых главную роль играет опредмеченное знание, – реализуем вместе с тем и те императивы, немалый импульс которым дал 50 лет назад великий ученый Джон Кеннет Гэлбрейт.

М.И. Войков¹

Политэкономические основания
государственной политики
новой индустриализации

¹ Михаил Илларионович Войков, заведующий Сектором политической экономии Института экономики РАН, д.э.н., профессор.

30

Московский экономический форум, а также Санкт-Петербургский международный экономический конгресс проводятся уже несколько раз. Эти форумы собирают многих общественных деятелей, ученых, публицистов, да и всех людей, которым не безразлична судьба России, положение трудящихся классов, развитие образования, науки и культуры. Почти 25 лет либеральных экономических реформ в стране показали и доказали свою полную несостоятельность. Ни одна из целей реформ не была достигнута. За эти годы страна не смогла осуществить модернизацию, не перешла на инновационный путь развития, не смогла осуществить структурную перестройку и перестать быть сырьевым придатком более развитых стран. И в результате страна оказалась по существу в доиндустриальном состоянии.

У сегодняшнего правительства никакой членораздельной экономической политики нет. Есть некоторые высказывания, некоторые пожелания, некоторые попытки что-то сделать, но ничего путного не получается. Правительство постоянно уверяет всех, что оно «мониторит» инфляцию и будет удерживать ее на минимальном уровне. Однако мы имели инфляцию часто в двухзначных цифрах. Если это политика, то иначе как антигосударственной и антнациональной ее не назовешь. Если это не сознательная политика, а просто так сложились обстоятельства, то правительство показывает себя полностью не компетентным и не состоятельным государственным органом.

Конечно, есть некоторые объективные основания для современной печальной ситуации в российской экономике. Страна не смогла осуществить структурный поворот, остается заложницей сырьевого экспорта, сказалось также ухудшение мировой экономической конъюнктуры, в частности, падение цен энергоносители. Но все это было известно давно. Более того, либеральные экономические реформы и начинались в целях преодоления этих объективных обстоятельств, сдерживающих экономическое развитие страны. Но за все эти годы ничего не было сделано. Отсутствие действий тоже действие, только со знаком минус.

Есть ли альтернатива теперешней российской экономической политике? Да, конечно, и многие ее аспекты уже обсуждались на многих экономических форумах и в научной печати [1, 3, 4, 11 и др.]. Прежде всего, нужно управлять экономикой. В такой громадной стране как Россия с очень разными условиями жизни и деятельности, сложным климатом, многообразным и разнообразным населением нужна направляющая и цементирующая все это разнообразие централизованная стратегия развития. Рынок сам по себе может привести только к развалу страны. Рыночному механизму много больших стран не нужно. Он выделяет центр, который живет за счет эксплуатации периферии. Но вокруг России такие центры уже есть, которые стремятся разорвать ее на периферийные куски. Ибо целиком Россию проглотить невозможно.

Таким образом, нам нужен мобилизационный сценарий структурного поворота с хорошо продуманными и просчитанными этапами. И в этом сценарии центральное место должна занять концепция нового индустриального общества, ибо без развития материального производства и индустриализации на новой основе страна развиваться не может². На первых этапах жесткая централизация управления с концентрацией всех ресурсов на

² Эта концепция в последнее время получила развитие в серии работ С.Д. Бодрунова [см.: 1].

приоритетных направлениях. Эти направления (например, высокотехнологические производства) должны быть выведены из под рыночного саморегулирования. Производство предметов массового потребления, мелкий бизнес должны наоборот максимально регулироваться рынком. Государством в этом случае действительно может перейти на роль «ночного сторожа». Но сторож этот должен быть умным и умелым. Нужно сохранять социальную стабильность в обществе, не допускать резкого разрыва между бедными, средними и богатыми. Нужно способствовать развитию среднего класса, понимая под ним не только предпринимателей, но и специалистов народного хозяйства, врачей и преподавателей, деятелей культуры и науки и даже государственных служащих и т.п. Такой структурный поворот должен опираться не на очень узкий слой богатых и сверхбогатых людей, а на масштабную поддержку рядовых трудящихся.

Говоря об экономической политике государства, что является предметом обсуждения на многих экономических форумах, хотелось бы остановиться на некоторых вопросах этой темы.

Что не так с экономическим механизмом экономической политики государства? По большему счету никакого механизма экономической политики в российской экономике попросту нет. Последняя, напоминает разболтанный грузовик, который кое-как передвигается по российскому бездорожью, рискуя завязнуть в непроходимой грязи или потонуть в болоте. Поневоле растерянный водитель, хватаясь за руль, в последнюю минуту с трудом пытается вырулить на современное шоссе модернизации и инновации. Но не получается. Ручное управление экономикой не предполагает наличие какого-либо механизма. В управлении экономикой отсутствует стратегическое видение, осознанная постановка целей экономического развития, расчет адекватных средств достижения даже объявленных намерений, сбалансированность и пропорциональность в развитии. И что очень опасно, вымывается индустриальное ядро экономики, разрушаются современные отрасли машиностроения, приборостроение, электронная

промышленность и другие высокотехнологичные отрасли. Так долго страна не протянет.

Что нужно сделать. Нужно управлять экономикой. Для предотвращения этого «инерционного сценария» нужно сделать, по крайней мере, две вещи.

А) Восстановить народнохозяйственное планирование, не сводя все к директивному планированию. Основной упор нужно сделать на индикативное и программно-целевое планирование, в чем в СССР был накоплен колоссальный опыт. В пример можно привести так называемые «контрольные цифры Госплана» середины 1920-х гг., разработанные выдающимися советскими экономистами под руководством В. Громана. Это был блестящий образец индикативного планирования, теоретически разработанный и практически осуществленный задолго до западных аналогов в этой области. Индикативные планы должны разрабатываться как текущие (годовые), среднесрочные (трехлетние и пятилетние) и перспективные.

Особое значение должно придаваться программно-целевому планированию. Национальные проекты, которые были 3-4 года назад объявлены, должны были осуществляться как раз в формате такого планирования. Но этого не произошло, видимо, потому что испугались слова «планирование». От того эти проекты не были детально просчитаны и сбалансированы во всех частях, это не были планы развития. Они так и остались намерениями, о которых сегодня мало кто вспоминает.

Б) Необходимо восстановить пространственное планирование и регулирование экономики, что раньше называлось «рациональным размещением производительных сил». В противном случае все население страны будет жить в Москве (тем более, что ее уже расширяют), а колоссальные территории России будут пустеть.

Какая государству нужна экономическая философия? Сегодня вообще никакой официальной хозяйственной философии нет, как и нет осмысленной экономической политики. Говоря о фило-

софии экономического развития, следовало бы различать философию желательного и философию возможного. Конечно, очень хотелось бы, чтобы кругом все цвело и благоухало, а все начальники были мягкими и пушистыми. Т.е. чтобы страна процветала, и весь народ был бы здоров и благополучен. Но этого сразу или быстро достигнуть невозможно. Есть ли шансы на успех новой философии экономической политики, каковы шансы на ее успех? Этот вопрос сливается с вопросом существования России. Никакого свободного выбора у страны сегодня нет. Она обречена на мобилизационный сценарий с жестким централизованным управлением экономикой (и не только ей). Многие страны второго эшелона экономического развития (Южная Корея, Боливия, Бразилия, сегодня Китай и т.д.) проходили или проходят этот сценарий. Мы тоже его проходили в довоенный период, создали мощную индустриальную базу, и страна превратилась во вторую сверхдержаву мира. Будем надеяться, что сегодня мы стали мудрее и сумеем избежать многих ошибок, издержек и жертв того времени. Сегодня необходимо опять взяться за индустриализацию, но уже на новой технологической базе. Это то что С.Д. Бодрунов называет новым индустриальным обществом. «Речь идет, – пишет С.Д. Бодрунов, – о неизбежности перехода общества к новому этапу развития, следующей генерации индустриально общества, которое автор назвал новым индустриальным обществом второго поколения – НИО.2» [1, с. 6]. Другого способа возрождения экономики и культуры у России просто нет.

О новой индустриализации и постиндустриализме

Конечно бесспорно, что нам нужны новые технологии. Но для начала нам надо по крайней мере восстановить то, что мы потеряли за последние 25 лет. А потеряли мы в индустрии очень много. Но что-то восстановить можно. Еще сохранились некоторые производственные мощности, рабочие кадры, и главное,

инженерный состав, и технологический потенциал. Конечно, все это в известной степени изношено, но все-таки еще есть. Восстанавливать проще и легче, чем сразу переходить к новым технологиям почти с нуля. Сегодня Россия оказалась в доиндустриальном состоянии. Конечно, восстанавливать промышленное производство вчерашнего дня никакого смысла нет. Но использовать промышленное оборудование и предприятия, которые могут быть экономически оправданы, есть прямой резон. К тому же это даст дополнительные рабочие места.

Возьмем отраслевую науку, которой ныне почти нет. Кстати, нет и системы отраслевых промышленных министерств. Академик Ж.И. Алфёров назвал уникальной эту систему, которая в советское время «дала возможность в международном окружении, очень жестком, создать по-настоящему конкурентоспособную экономику. И вот решили разрушить ее!» [5, с. 171]. А в каждом промышленном министерстве была так называемая отраслевая наука. Я приведу дальше некоторые личные наблюдения об этом феномене.

После окончания вуза я три года работал в отраслевом институте министерства приборостроения. На мой взгляд, это был очень большой институт – почти 2000 человек там работало. Я удивлялся – что они все делают, когда я их видел, они в основном пили чай и немного копались в своих бумагах. Но зато часто ездили в командировки. Потом через несколько лет до меня дошло, что они ездили по разным заводам и там проверяли контрольно-измерительные приборы. И когда у нас стали закрывать отраслевые институты, то и приборостроение у нас вообще закрылось. Кто мог стали покупать импортные приборы, кто не мог, жили так без всяких приборов. В нашей промышленности начались техногенные катастрофы: там взрывается, тут что-то не работает. Т.е. мы остались без приборостроения и без некоторых других высокотехнологичных отраслей промышленности. А без таких продвинутых отраслей индустрии, которые по концепции С.Д. Бодрунова, составляют новое индустриальное общество, Россия просто не выживет.

Конечно, в отдельных отраслях у нас что-то есть. Когда мы запускаем ракету, так называемые «калибр», которая с Каспийского моря попадает в Сирию в форточку, – это очень высокие технологии. Там и знаний много, и много новых технологий. Но... сколько там ракет пустили? 6, 7 и все. А вся остальная страна остается на уровне вот почти доиндустриального уровня. Поэтому следует поддержать концепцию С. Д. Бодрунова, отраженную в его новой книге и в других текстах, где он пишет, что «материальное производство остается основой самого существования экономики» [1, с. 324]. Это совершенно правильно. Высокоразвитая страна с мощным экономическим потенциалом должна иметь развитую промышленность. А без промышленности, без индустрии Россия вообще-то просто не выживет.

Вместе с тем к некоторым частям концепции С.Д. Бодрунова имеются вопросы. Это естественно, всякая пионерная, творческая постановка научной проблемы вызывает вопросы. Плохо когда вопросов нет. С.Д. Бодрунов в одном из текстов пишет «впереди – снижение потребности мирового производства в материалах, сырье, ископаемых, энергии (как удельное, так и в целом для мировой экономики)» [1, с. 327]. Однако если производство материальных благ в мире увеличивается, если увеличивается численность населения, растут их потребности, то и материалов и сырья надо больше. Возьмем производство кирпича, под словом кирпич я имею в виду строительные материалы, бетонный блок и т.п. Его при Иване Грозном производили и сейчас производят. А без кирпича, без тканей и других материалов человечество жить не может. Потому что нельзя жить в одних знаниях – надо что-то одевать, кушать, где-то спать. А как в производстве кирпича снижается потребность в сырье? Ну, может быть статистически можно посчитать, что сегодня на производство единицы кирпича пошло меньше материалов и материалоемкость этого вида производства снизилась. Но это не очевидно. Возможно и то, что в производстве кирпича удельный вес знания со времен Ивана Грозного как-то вырос. В другом месте С.Д. Бодрунов специально

акцентирует этот момент: «В сегодняшнем кирпиче знаний гораздо больше, чем в том, который делали 300 лет назад. Кстати, «поэтому» тот, старый, кирпич более долговечен, чем сегодняшний. Вы, наверное, слышали, что в Италии землетрясение разрушило все, кроме старой церкви, построенной на старых технологиях (кирпич – старый, цемента не было, был яичный порошок и т.д.)» [2, с. 34]. Однако, как признает сам С.Д. Бодрунов, качество кирпича стало хуже. Кирпичные постройки времен Ивана Грозного стоят до сего дня, а современные периодически разрушаются. Знаний в кирпиче стало больше, а качество хуже. «Знаниеемкость» кирпича сказалась на снижении издержек его производства и росте производительности. Современную индустрию невозможно развивать на технологическом уровне строительной промышленности времен Ивана Грозного. Другое дело, сложные приборы и вещи, которые нас окружают и в которых действительно аккумулируется много знаний. Возьмем мобильный телефон – да, там знаний больше, чем в кирпиче. Но вообще-то без мобильного телефона можно спокойно жить. Никто не звонит и не дергает. А вот без костюма и ботинок нельзя ходить, холодно очень. Да и жить надо в доме, сделанном из кирпичей. Поэтому все-таки человек живет в мире вещей, в материальном мире. Хотя, как справедливо считает С.Д. Бодрунов, потребность в «натур-продуктах» будет снижаться не абсолютно, но «относительно объемов выпуска продукта» [2, с. 34].

Теперь насчет постиндустриального общества. Можно полностью согласиться с тезисом и пафосом С.Д. Бодрунова о том, что постиндустриальное общество это пока еще слова. Это красивые слова и радужные перспективы [см.: 1]. Возможно, постиндустриальное общество и будет таким «хорошим обществом», но как туда попасть, что для этого надо делать – все это не есть простые вопросы. И будет наивно полагать, что правящий слой, даже обеспокоенный интересами страны и народа, знает туда дорогу. Хорошие руководители страны как раз опираются на науку, советуются с учеными. Я бы привел такой пример. Когда 16 января

1922 г. Г.Я. Сокольникова назначают фактическим руководителем Наркомфина РСФСР, он через 10 дней собирает крупнейших буржуазных ученых в области денежного обращения и финансов, с которыми обсуждает основные контуры будущей денежной реформы. Это марксист, большевик, революционер Сокольников опирается в создание червонца на буржуазную науку и достигает блестящего результата. Руководители России начала 1990-х годов сделали как раз наоборот: отстранили крупнейших ученых экономистов от проведения экономических реформ и устроили в стране шокотерапию. Т.е. повальный разгром производства и страны, что и сегодня еще в полной мере восстановить не удается.

Вот в этом и сказывает роль науки. Тут важна постановка теоретического знания на первое, главное место в развитии общества. Т.е. общество должно развиваться не само по себе, как растет трава или куда указывает «невидимая рука рынка», а сознательно и целесообразно. И, стало быть, переходить к постиндустриальному обществу без четкого теоретического представления об основных характеристиках этого общества, не получится. И такие характеристики будущего общества должны разрабатываться научно. Кстати, после разгрома отраслевой науки правительство стало громить академическую науку. Академик Ж.И. Алфёров по этому поводу сказал так: «Только глупостью, а возможно и чем-то хуже, можно объяснить ведущуюся у нас уже более 20 лет кампанию против Российской академии наук и противопоставление вузовской и академической науки» [5. С. 152]. Но ведь должно быть понятно, что «возрождать экономику, основанную на высоких технологиях, без научных учреждений страны, и прежде всего Российской академии наук, невозможно» [5. с. 55]. Видимо, кому-то в российском правительстве это не понятно.

Теперь относительно постиндустриального общества. Об этом обществе пишут и говорят много. Даже создается впечатление, что многие авторы считают, что в развитых странах Запада уже такое общество как бы есть. И называют, к примеру, США, где

почти 80 % работающих занято в сфере услуг. Действительно, в США в материальном производстве (сельское хозяйство, промышленность, строительство) было занято менее 20 % от всей численности занятых. Все остальное услуги. Причем, в отрасли «торговля, гостиницы и рестораны» занято 21,5 %, в финансовой деятельности – 6,3 %, прочие услуги (куда попадает управление, правительство, «шоу-бизнес» и т.п.) – более 20 % [см.: Г. С. 31-32]. И спрашивается, какое отношение к постиндустриальному обществу имеют: торговля, рестораны, финансы и «шоу-бизнес»? Никакое. То, что можно отнести к отраслям постиндустриального общества (наука, образование, информация и т.п.) охватывает в США около 15 % занятых [см.: Г. С. 31-32]. По этому показателю превосходят США только некоторые страны Северной Европы. Так, в Швеции на эти отрасли приходится 27,4 % от всех занятых в экономике. Но не будем забывать, что в этой стране многие годы правящий класс состоит из социал-демократической партии, которая поначалу была партией рабочего класса. Но и в Швеции нет еще постиндустриального общества. Так что, пока еще ни одна страна не может быть названа постиндустриальной. Все это еще впереди.

Вернемся к теории постиндустриального общества. Некоторые авторы обсуждают пути формирования постиндустриального общества следующим образом. Будет беспрепятственно развиваться самодеятельность трудящихся, так сказать, «живое творчество масс», постепенно все станут «креативным классом», творцами и изобретателями и т.д. Например, рабочий будет не просто механически закручивать гайку, а придумает новую, улучшенную и он уже не просто рабочий, творец нового. Но такая схема не реальна. Возможно, на ранней стадии индустриализации рабочее изобретательство имело некоторое значение. Так еще А. Смит писал, что в его время часто можно было встретить мануфактуры, где были весьма хорошие машины, «изобретенные самими рабочими в целях ускорения и облегчения выполняемой ими специальной работы». Было это явление, конечно, и в России, возможно

в период индустриализации. Но уже в позднесоветское время движение рационализаторов и изобретателей показало свою полную непригодность. Скажем, инженерный проект машины в определенном месте предполагал три гайки строго рассчитанного размера и прочности. Рабочему выгоднее было крутить одну гайку, а не три. Вот он и предлагает «рационализаторское предложение» по замене трех средних гаек одной, но большой. Инженеры годами разрабатывали конструкции сложных машин, рабочий своим изобретательством, своим «креативным творчеством» быстро доводил машину до поломок и т.п. Отсюда большая проблема – кто в постиндустриальном обществе будет действующим лицом: профессионал или дилетант, который лезет во «все дырки»? Кажется, ответ очевиден.

Таким образом, создание хорошего общества, а тем более нового индустриального общества-2 должно быть уделом профессионалов, а не любителей. Если в области технических проблем любители сегодня уже ничего путного сделать не могут в отличие от XVII века, то почему для социальных проблем должно быть исключение. Разве устройство общества намного проще, чем пылесоса?

Конечно, правящий слой или класс всегда был и долгое время еще будет. Но если этот слой или класс делает что-то полезное для благополучной жизни народа, для процветания страны, то очевидно его положительное значение. Если же правящий класс довел народ до нищеты, страну до национального унижения, материальное производство сократилось почти вдвое, как все это было в России в 1990-е годы, тогда ни о каком положительном значении правящего класса говорить не приходится. Социальная наука, а мы все занимаемся именно этой наукой, приходит в столкновение с такими руководителями страны, уходит в оппозицию. Ибо общественная функция социальной науки состоит не в обслуживании личных интересов правителей страны, а в создании «хорошего общества» для всех людей. Что, например, надо сделать, чтобы жизнь значительного большинства людей стала лучше. Все это задача социальной науки.

Экономическая теория, социальная демократия и опыт России

Сегодня научное и предпринимательское сообщество активно обсуждают иную концепцию экономического развития России, чем пробовали страна до сих пор. Эта стратегия направлена на качественное изменение сложившейся экономической, социальной и политической системы, ибо в рамках инерционного сценария решение проблем качественного улучшения жизни российского народа невозможно. Действительно, всех волнует вопрос: какая экономическая теория подходит сегодня для России, согласно какой экономической теории российская экономика может развиваться наилучшим образом? До сих пор нам навязывают американализированную либеральную неоклассическую тенденцию в современной экономической науке, которая заполонила все наши учебники и университеты.

Многие экономисты [см.: 1, 6, 7, 8, 9 и др.] признают неизбежность рыночной экономики и не выступают против нее в целом. Более того, во многих местах указывается, что нам нужна планово-рыночная модель экономики и к ней мы, видимо, должны были переходить в свое время. Но перешли к либерально-рыночной модели, которая за последние 25 лет продемонстрировала неспособность развития российской экономики.

Я не думаю, что какое-либо правительство в своих практических действиях когда-либо руководствовалось указаниями конкретной экономической теории. И не только потому, что теоретические модели слишком абстрактны и не пригодны для практического использования. Правительства, прежде всего, действуют исходя из экономических интересов того класса или группы людей, которые создали эти правительства. Экономические теории используют ученые для понимания реальных процессов и объяснения чего и как. Западная экономическая наука в силу своей позитивистской направленности стремится объяснить мир, не переделывая его. Это советская наука как носящая в целом нормативный

характер стремилась изменить (или улучшить) экономику в интересах процветания всей страны. Но пока еще ни наука, ни общество не достигли такого состояния, когда можно руководствоваться рекомендациями науки в экономическом развитии. И любое правительство, что на Западе, что у нас использует разные экономические теории лишь для прикрытия, идеологического оправдания тех или иных действий.

Мы имеем опыт советской экономики как положительный пример бескризисного развития. И жили лучше, чем сейчас. Советская политэкономия, несмотря на свою догматичность была все-таки отражением нашей ситуации и для ее понимания давала определенные ориентиры. Более того, у нас был вполне успешный опыт смешанной экономики первой половины 1920-х годов. Действительно, у нас самих накоплен колоссальный опыт регулирования экономического развития. Вспомним нашу систему народнохозяйственного планирования. Да, там было много не-лупостей и дурости. Но сам принцип планового начала (в виде индикативного планирования, векторного, программно-целевого) являлся большим достижением советской экономической науки и экономической практики. Да и наши крупные экономисты об этом писали и пишут постоянно. В последней своей книге академик Л.И. Абалкин прямо сказал: «Страну спасет плановое хозяйство» [см.: 10]. Академик Ж.И. Алфёров также указывает, что для формирования стратегии развития страны «нужен настоящий Госплан» [см.: 5, с. 52].

Отечественные ученые неоднократно высказывали соображения о несостоятельности неоклассической теории и либерально-проводильных реформ. Вспомним многих ученых Российской академии наук, которые громко и открыто говорили в самом начале 1990-х гг. о пагубности курса экономической политики того времени. Вспомним «Программу Абалкина» перехода к рынку, да и все выступления Л.И. Абалкина, как и многих других экономистов, предостерегающих от неверной экономической стратегии «шоковой терапии». Именно «с самого начала» экономических

реформ и именно профессиональные экономисты в своем большинстве были против «шоковой терапии» и дальнейшего курса реформ в духе рыночного фундаментализма.

Иногда считают, что все умные экономисты располагаются только на Западе. И вот наши экономические неудачи связаны с тем, что мы почему-то слушали (или читали) не тех экономистов. А вот если взять других, но тоже западных экономистов (в первую голову, конечно, Кейнса), то у нас бы получилось все прекрасно. И эти авторы обильно цитируют этих других экономистов, которые действительно работают в иной парадигме, чем неоклассическая. При всем уважении к этим экономистам и их научному творчеству, оказывается, что многие их мысли давно известны отечественному читателю. Возьмем того же Хьюмана Мински, необычайно популярного сегодня в гетеродоксальных кругах западной экономической науки и его следующий капитальный вывод: «Нестабильность является результатом внутренних процессов в капиталистической экономике» (12, р. 114). Все правильно. Но об этом давно (лет на 50 раньше) много и аргументировано писали советские экономисты. Возьмите книги Е. Варги, Э. Брегеля, Л. Мендельсона, И. Трахтенберга, наконец, Н. Цаголова и многих других, все это там есть. Для нас положение о нестабильности капитализма – совершенно банальная фраза, сотни раз прописанная в любом советском учебнике политической экономии.

В чем отечественная экономическая наука отстала от западной, а она в чем-то действительно отстала, это интересный и специальный вопрос. Но то, что неоклассическая теория нам не подходит – это мы знали намного раньше даже умных западных экономистов. Да, мы отстали от западного, точнее, американизированного «экономикса», который ныне массированно преподается во всех наших университетах. Его, конечно, надо знать, но можно ли его класть в основу нашей экономической политики? Поэтому и об отсталости российской экономической мысли от западной надлежит говорить осторожно и продумано. Соревноваться

с американским «экономиксом» нам совсем не к чему, ибо он сам – вчерашний день мировой экономики.

Поэтому мы сами должны думать и идти правильным путем. Конечно, надо пользоваться «жемчужинами западной экономической мысли». Но главное – это разработки и достижения нашей собственной экономической науки. И на это не следует жалеть сил и времени. Возьмем в пример политическую экономию, которая более 200 лет является важнейшей частью российской интеллектуальной традиции. В этой связи С.Д. Бодрунов пишет: «Политическая экономия – это наука, которая позволяет доказать, что при всех изменениях, которые произошли и происходят на протяжении последнего столетия в материальном производстве (включая сокращение его доли в ВВП развитых стран, «информационную революцию» и т.д.), именно материальное производство остается основой самого существования экономики» [см.: 1. с. 324].

Итак, политическая экономия. Для начала разберем, что же такое политическая экономия. К сожалению, политическая экономия сегодня в России как-то заглохла. В вузах многие кафедры политэкономии теперь переименованы и преподают в основном макро или микроэкономику с начатками “общей теории”. Политэкономический подход по сути своей есть осмысливание и объяснение определенных экономических явлений и процессов с точки зрения политических интересов народа отдельных его слоев и классов. Именно это дает понимание объективных закономерностей экономического и социального развития общества. Нам сегодня очень не хватает именно политэкономического самопонимания самосознания России.

Тут важен еще один аспект. За все годы советского периода у нас определенные экономические события и сюжеты не анализировались, не осмысливались с политико-экономической точки зрения. Это означает что то или иное историческое событие интерпретировалось только в угоду одной концепции, одной формулы. Весь прогресс политэкономического осмысления исторического

опыта сводился к динамике правящей партии, а точнее, ее вождю или группе вождей, соцолигархам. А вот политическая экономия особенно в историческом смысле обязана вскрывать экономическую сущность определенного исторического явления, выявлять экономические закономерности и, главное, отвечать на вопрос: кому, в конечном счете, экономически выгодно то или иное историческое или хозяйственное событие.

Советские политэкономы не решались заниматься историческими сюжетами, отдав последние исключительно на откуп профессиональным историкам. Если политическая экономия изучает объективные законы материального производства и экономические отношения, складывающиеся в этом процессе, то историческая политическая экономия выявляет и объясняет исторические особенности действия этих экономических законов и отношений. В советский период именно этот аспект политико-экономических сочинений совершенно отсутствовал. И это было очень плохо. Таким образом, к сегодняшнему дню у нас нет определенного развития политэкономического анализа отечественного исторического опыта. А без этого Россия попросту рискует превратиться в полуколониальную страну, даже хорошо не понимая этого. Сегодня, к сожалению, отсутствует не только политико-экономическое понимание собственного исторического опыта, но даже понимание этого непонимания.

Еще об одном отличии политэкономического анализа надоально сказать. Политэкономическое исследование это не просто и даже не столько сугубо экономическое исследование материального процесса. Этим занимаются конкретные экономические дисциплины. Политическая экономия изучает преимущественно идеологию этого процесса, то есть различные концепции и воззрения, которые интерпретируют живую материю экономического процесса и служат основой для формирования той или иной экономической политики. Политическая экономия это идеологическая и политическая наука. Если выхолостить из политической экономии идеологические и политические сюжеты по необходимости

все сводится к «экономиксу». Так оно и получилось. Вернее почти получилось, если бы не мешали этому процессу зубры политической экономии. Но ведь всех нас загнали в резервацию. Экономическая политика государства также есть выражение определенной экономической идеологии, тех или иных теорий и концепций, сформулированных в научных или политических трудах. Или просто в головах государственных деятелей там, где общественная наука развита слабо, и правящие деятели опираются, главным образом, не на результаты науки, зафиксированные в монографиях и учебниках, а на собственное понимание и интуицию, но прежде всего на житейский опыт и национальные традиции. Справедливо такое общество называют традиционным. Политическая экономия предполагает изучение и анализ теорий и концепций, которые уже стали историей и в той или иной мере воздействовали на формирование определенной экономической политики.

Сегодня в России нет устоявшихся теоретических положений, значит, нет и науки. Сегодня нам подсовывают дешевые западные учебные пособия для домохозяек на тему как уйти от налогов и стать богатым. И это объявляется современной экономической теoriей. Только немногие выступают против “экономикса” а точнее говоря против разидеологизации экономического мышления нации. Собственно говоря, против ликвидации политической экономии. Ибо устранение политической экономии из нашей системы высшего образования автоматически делает невозможным понимание идеологии экономического процесса, уничтожает экономическое самосознание нации.

Все дело в том, что мы в начале 1990-х гг. обезьянничали у американцев, перенимали их манеру интеллектуальной жизни и много чего другого без всякого разбора. У них нет политэкономии как научной и учебной дисциплины, нет преподавания политэкономии и кафедр политэкономии в Америке нет. В Европе кое-где есть. А в Америке нет. Конечно, что-то есть и в США. Есть, например, журнал – «Journal of Political Economy» или

«радикальная политическая экономия», есть что-то еще. Но как системы науки политэкономии там нет, и нет там политэкономов. И вот это мы стали перенимать, т.е. собезьянничали. Кто-то у нас хотел подстраиваться под США. Скажем, Министерство образования в начале 1990-х гг.

Иногда нам говорят, что отменили политэкономию, потому что она была пропитана марксизмом. Но русская традиция политэкономии зародилась задолго до появления марксизма на русской почве. Да и сам марксизм входит в мировую экономическую мысль на равных правах с другими научными направлениями. Марксистская политическая экономия изучается во всех значимых университетах мира, это непременная составляющая современной экономической теории. Даже в США есть достаточно авторитетное направление экономической мысли, которое называется «аналитический марксизм». Так что, дело при отмене политической экономии у нас, думается, не в марксизме, а в американализме.

Но сегодня, когда правительство США вводит экономические санкции против России, когда ведет по существу холодную войну против нашей страны, продолжать проводить проамериканскую политику в области высшего экономического образования становится по меньшей мере странно. Сохранение отмены политической экономии как учебной и научной дисциплины со стороны Министерства образования следует расценивать как проамериканскую политику, направленную против национально-государственных интересов России.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.
2. Ответы С.Д. Бодрунова на вопросы участников семинара. // Экономическое возрождение России, 2016, № 4(50).

3. Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики. Сб. материалов Международного конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: ЛЕНАНД, 2015.
4. Экономическая система современной России: Анатомия настоящего и альтернативы будущего. / Под ред. С.Д. Бодрунова, А.А. Пороховского. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2015.
5. Алфёров Ж.И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. – М.: Алгоритм, 2012.
6. Абалкин Л.И. Россия: Поиск самоопределения. Очерки. – 2-е изд. – М.: Наука, 2005.
7. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века. / Вопросы экономики, 2016, № 1.
8. Глазьев С.Ю. Новый курс: стратегия прорыва. / Экономические стратегии, 2014, Т. 16, № 1(117).
9. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские со-блазны ложного выбора. – М.: Магистр: ИНФА-М, 2012.
10. Абалкин Л.И. Проблемы современной России. – М.: ИЭ РАН, 2011.
11. Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики. Т. 1. Сб. Пленарных докладов Санкт-Петербургского экономического конгресса (СПЭК-2016). / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2016.
12. Mynsky H. Stabilizing an Unstable Economy. – New Haven: Yale University Press, 1986.

50

А.Е. Городецкий¹

Планирующие системы
Дж.К. Гэлбрейта и российская
современность

¹ Андрей Евгеньевич Городецкий, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН, д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

О роли научных идей планирования Дж. Гэлбрейта. Уроки и выводы из современного прочтения Дж. Гэлбрейта. Джон Кеннет Гэлбрейт в ставшей знаменитой книге «Новое индустриальное общество» выдвинул целый комплекс новаторских идей, центральной из которых стало понятие «индустриальная система». Роль его научных идей состоит в следующем.

Введены в научный оборот понятия «техноструктура», «зрелая корпорация», основной целью которых вместо роста прибыли становится высокий темп производства.

Показано, что развитие техники и сопутствующий ему характер использования времени и капитала приводят к тому, что фирма закономерно вынуждена ставить на место рынка планирование. Риски рынка возрастают, безальтернативность планирования превращается в очевидный факт. Планирование заменяет стихийные цены и рынок авторитетным управленческим решением, устанавливающим, что будет произведено и потреблено и по каким ценам.

Промышленное планирование укореняется в управлении крупными корпорациями, распространяется по всему спектру крупных и крупнейших корпораций, которые объективно взаимодействуют друг с другом, образуя целостную планирующую систему.

Дж. Гэлбрейт по новому поставил проблемы регулирования сбережений, их взаимосвязи с инвестициями, а также с циклическими колебаниями предложения капитала, характером циклического

движения производства, где также налицо провалы рынка. Как следствие:

– планирование осуществляется также государством, оно не менее тесно взаимодействует с планирующей системой корпораций, соответственно, планирование становится системообразующим элементом национальных систем государственного регулирования;

– развеяны либеральные и консервативные предубеждения о том, что любое сотрудничество государства и частных организаций есть аномалия и социализм.

Дж. Гэлбрейт научно обосновал, что сложившееся в индустриальной системе планирование есть факт и результат, прежде всего, объективного индустриального развития, формирования национального альянса государства и техноструктуры, согласующих стратегические цели, приоритеты и интересы по всем принципиальным вопросам экономического развития участников этого альянса.

Сегодня страна решает наиложнейшие задачи восстановления индустриальной мощи. Реиндустриализация, и это достижение научной школы, возглавляемой С.Д. Бодруновым, – понимается не просто как физика и материя восстановления заводов и фабрик, утраченного в 90-е реального сектора экономики. Это:

- воскрешение духа и веры в индустриальный прогресс;
- ренессанс русско-советской-российской методологической культуры;
- осознание преобразующей и созидательной мощи производительных сил,
- понимание индустриальных систем как сущности современного производства;

Эти процессы идут параллельно и на Западе и в России. Там, – переосмысливаются доктрины «постиндустриализма» как радикального сокращения сферы материального производства в национальных экономиках, идет репатриация промышленного производства из развивающихся стран. У нас – возрождается почти убитый в 90-е годы реальный сектор экономики и приходит горькое

осознание того, сколь дорого обходится пренебрежение технологической и экономической независимостью страны, императивами индустриального прогресса. Но и там и здесь, – это новая индустриализация, современные индустриальные системы на основе новых и новейших технологических укладов.

Система советского народнохозяйственного планирования, созданная в СССР обеспечившая его превращение во вторую сверхдержаву XX века, была полностью разрушена в ходе рыночных реформ. Утерян уникальный и бесценный опыт общественного управления. Восстановление идет трудно. Но возрождаются фундаментальные научные основания планирования уже в новых условиях (см. Планирование: перезагрузка. / Под редакцией А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция. 2016. – С.389)

Апробирован опыт стратегических национальных проектов, государственных и федеральных целевых программ, бюджетного 3-х-летнего планирования, и, наконец, принят закон о государственном стратегическом планировании (**Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»** (с изменениями и дополнениями). Он заменяет **Закон о госпрогнозировании и программах социально-экономического развития страны**).

Но налицо и беспощадные войны, которые арьергард «разрушительных 90-х» в лице соответствующих политических и управлеченческих элит ведет против государства и государственного регулирования, укрепления стратегических и проектных начал в экономике, их ядра – стратегического планирования и стратегического плана.

Для чиновника всегда налицо конфликт между сиюминутными и долгосрочными, стратегическими интересами. В силу этого он склонен уклоняться от исполнения предписанных функций, вплоть до скрытого саботажа. Сегодня, несмотря на ключевые государственные решения, принятый Закон, по сути, не имплементирован в экономическую политику и государственное управление. Аппараты Минфина РФ, Минэкономики РФ, Минпромразвития РФ

не спешат создавать его полноценную правовую и организационно-управленческую инфраструктуру. Механизмы прогноза не дают точных и достоверных ориентиров развития. За их обоснованность никто не отвечает. Отсутствует научная и нормативно-методическая база планирования, соответствующие методические документы. Хроническими недостатками отличается разработка и управление Государственными программами.

Объективными факторами, препятствующими развитию государственного стратегического планирования, являются дисфункции государственного управления, проявившиеся в ходе реформы государственного управления. Часть из них обусловлена ошибками в выборе модели реформ, их незавершенностью, недостатками в механизмах осуществления. И это можно трактовать как провал государства. Но имеет место и собственно управленческий провал.

«Управленческий провал» чреват как избыточным и вредным вмешательством государства в экономику, так и отсутствием необходимой его активности, из-за непоколебимой веры во всемогущество рынка (Кролье, 1994, с. 432; Кролье, 1997, с. 699). Кроме всего прочего, это приводит к утрате способности гибко реагировать на новые вызовы, цели, задачи и условия развития (Василенко, 2001).

Управленческий провал выражается в *непрофессионализме и некомпетентности*, связанных с отсутствием соответствующего образования, опыта, навыков работы у государственных служащих, архаичности кадровой работы (отбора).

Искажается система мотивации, связанная со стремлением приватизировать (монополизировать) власть, которую олицетворяет чиновник, в целях извлечения личной выгоды. Служебные функции, персональные обязанности и профессиональный долг замещаются личным материальным (коммерческим интересом), что порождает и воспроизводит коррупцию. Выгоды, извлекаемые из такого поведения, составляют административные (коррупционные) ренты, которые превращаются в негативные, и, тем не менее, главные стимулы деятельности.

Чиновничеству свойственно плодить функции (дублирующие, избыточные) путем их передачи новым чиновникам, искусственно усложняя и обременяя иерархию власти и структуру управления. В том числе и по соображениям избавления от «излишней» (по их мнению) личной ответственности. Плодя себе подобных, оно увеличивает масштабы и проблемы некомпетенции, неэффективности, коррупции, дефицита ответственности. (Сирилл Н. Паркинсон, 1957 г.; Dr. Lawrence, J. Peter. The Peter prescription. (How to make things go right). 1972).

Устремления бюрократического класса к концентрации и централизации властных полномочий, а также к величине распределемого в свою пользу «бюджетного пирога», ведут к неправомерному захвату чужих, несвойственных для отдельных институтов и органов власти функций. Образцы подобной административной экспансии легко обнаруживаются в деятельности ряда органов финансового и экономического управления, культуры, науки, в работе правоохранительных органов. Аналогичным образом происходит вторжение системы исполнительной власти в сферу деятельности и полномочий местного самоуправления.

Административно-правовой и организационно-структурный хаос, возникающий вследствие доминирования образцов иррационального поведения госслужащих, и есть «след» управленческого провала в политике и экономике.

Действующая система государственного управления в нашей стране сформировалась в основном, в ходе административных реформ 2005–2012 гг. Причем сам выбор вектора реформ, обусловленный не вполне верными нормативными установками, был осуществлен элитами посредством трансплантации институтов, характерных для развитых стран, и, которые в нашей стране не могли «прижиться», порождая известный феномен «ловушек» (Полтерович, 2001, с. 24-50). Оторванная от реальных политических, экономических и организационных условий, эта реформа уже в зародыше содержала будущие дисфункции государства. И в этом смысле она является собой типичный пример патерналистского

провала, ставшего следствием необоснованных версий *пресловутых оптимизации государственного управления, его deregулирования и децентрализации*.

И, несмотря на призывы к сокращению управляемого аппарата, реформирование системы управления не остановило процессы увеличения бюрократической нагрузки на экономику, неконтролируемого роста чиновничьего класса и расходов на его содержание. Более того, к числу негативных последствий указанных реформ следует отнести и тот факт, что доходы госслужащих стали принимать всё более изощренный, иррациональный и даже гротескный характер (Калабеков, 2010, с. 334–354), увеличивая и без того высокий уровень неравенства в стране.

Существующее расстройство механизмов определения стратегических целей, приоритетов и нормативных установок, сопровождается очевидными провалами в исполнении государственных решений. Это сказывается на всей системе целеполагания, определения государственной экономической политики, применяемых инструментах и способов её реализации (Городецкий, 2016, с. 426–437). Особо заметны дисфункции государства в методах антимонопольного регулирования и создаваемых институтах поддержки добросовестной конкуренции.

В качестве распространенного и очень болезненного для экономики примера, можно назвать последствия отстраиваемой Контрактной системы. По мнению ряда экономистов, ущерб, наносимый данной системой бюджету и экономике в целом, превышает все мыслимые пределы (Тенишев, Хамуков, 2016; Тенишев, Бандурина, 2016; Франскевич, 2017)². Кроме многих негативных

² В Российской Федерации ежегодно раскрывается все большее количество картелей. Анализ статистики возбужденных антикарельных дел в 2015 году (409 дел) показывает прирост на 68% по сравнению с 2014 году (243 дела). При этом более 80% дел по картелям (232 дела) –говоры на торгах. Отметим, что картели с целью поддержания цен на торгах видоизменились качественно. Если до 2014 года деятельность одного картеля, как правило,

см. на следующей странице

последствий этой системы, возникающие под ее завесой антисовокупные соглашения и сговоры имеют своим следствием широкомасштабный процесс теневого перераспределения ресурсов, бюджетных денег, доходов бизнеса, граждан, они постоянно воспроизводят коррупцию.

В целом же наличие патерналистского и управленческого провалов требует скоординированных реакций государства и общества, где государства, осмыслия и обобщая ошибочные установки, вносит корректизы в стратегию реформ и государственную экономическую политику, а общество, в порядке общественного контроля и на основе диалога с властью, вносит свою лепту и в концептуальное, политическое, правовое и институциональное планирование социально-экономического развития, и в управленческие действия властных элит, и в кадровую политику власти.

см. на предыдущей странице охватывала от одной до десяти закупочных процедур, то в 2015–2016 гг. это обычно десятки и сотни закупок. В частности, наиболее масштабный картель по поставкам медикаментов и изделий медицинского назначения действовал на протяжении нескольких лет и охватил 718 аукционов. Следствием таких действий участников размещения государственного заказа является неэффективное расходование бюджетных средств и снижение (либо отсутствие) всякой экономии при проведении торгов. Так, в 2015 году по 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (от 05.04.2013 г.) было размещено более 3 миллионов извещений на общую сумму более 6 триллионов рублей. По 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (от 18.07.2011 г.) – более 1 миллиона 200 тысяч извещений на общую сумму более 23 триллионов рублей. В суммарном отношении в Российской Федерации в 2015 году закупки проведены на сумму более 29 триллионов рублей (Тенишев, Бандурина, 2016, с.57-62). Практика последнего десятилетия свидетельствует, что картели ограничивают или полностью устраняют конкуренцию в различных отраслях экономики. В случае сговоров на торгах фирмы, вместо того, чтобы конкурировать между собой, договариваются и делят лоты, чтобы получить максимальную цену за свой товар (услугу).

Табл.1. Истоки дисфункций управления, институты и механизмы их преодоления.

Патерналистский праваз	Формирование ошибочных нормативных установок государства	Государственные реформы, Гражданская активность, направленная на демократизацию выбора патерналистских установок и снижение рисков потери благосостояния
	Нерациональное поведение исполнительской власти – дисфункции государства	
Управленческий праваз	Ошибочные установки в реформировании госуправления	Государственные реформы, Гражданская активность.
		Скоординированное воздействие институтов общественного контроля, саморегулирующих организаций бизнеса на установки реформационных инициатив государства; политику политических и кадровых назначений при формировании правительства и органов государственной власти и управления.

О создании стратегического каркаса социально-экономического развития и планирование. В основе стратегического планирования лежат стратегические цели и приоритеты, формирующие научное представление о будущем экономики. Без

него планирование лишается знания об образе будущего, производных от него ориентирах и сценариях развития. К таким сбоям можно отнести:

- перерывы в 3-х летнем бюджетном планировании под предлогом неопределенности в условиях стагнации в 1915–1916 годах (возобновлено лишь в конце 2016 года);
- пробуксовка в разработке Стратегии социально-экономического развития до 2030 года (теперь уже, видимо, до 2035 года) по тем же мотивам;
- задержки и запаздывания в разработке Стратегии пространственного развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу, Стратегии экономической безопасности до 2030 года;
- неопределенность перспектив создания Государственного стратегического плана, сопряженного с временными горизонтами, приоритетами, и индикаторами базовых стратегических документов.

В итоге стратегический каркас планирования превращается в классический долгострой.

Общий контур государственного стратегического планирования. Стратегический фундамент и каркас государственной стратегического планирования, экономической политики и государственного управления, составляют ряд стратегических документов, которые включают:

- Стратегии социально-экономического развития на 10-15-20-25 лет;
- Стратегия пространственного развития на долгосрочную перспективу;
- Стратегии и программы антикризисного регулирования;
- Стратегия внешней политики и экономической дипломатии;
- Стратегия национальной безопасности;
- Стратегия экономической безопасности;
- Государственное стратегическое планирование и Государственный план;

- Трехлетнее скользящее планирование госбюджета;
- Возможно, Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на три года.

Ядро основных стратегий может быть дополнено Стратегиями развития особо важных стратегических отраслей, регионов, экономико-географических зон (Арктическая зона; Сибирь; Дальний Восток), территорий опережающего развития.

В системе государственного стратегического планирования необходимо четко обозначить его опорные элементы: макроэкономическое планирование; определение долгосрочных трендов структуры и пропорций экономического развития, возвращение на новой основе балансовых методов; управление государственным имуществом.

Они должны объективно определять облик и парадигму государственного управления, перечень его задач и функций, структуру и механизмы его функционирования. Это повлечет за собой изменения в структуре (иерархии) органов федеральной исполнительной власти, имея в виду логику формирования и принятия экономических решений. На первый план выходят планирующие структуры, определяющие стратегические цели и приоритеты. Они и должны ставить соответствующие обеспечительные задачи монетарным властям и другим органам государственного управления.

О политико-правовом и властно-административном статусе органа стратегического планирования. Необходимо внести ясность в отношении института, способного осуществлять функции общегосударственного, без перекоса в сторону ведомственных и региональных интересов, стратегического планирования.

Совет по стратегическому планированию и проектам при Президенте РФ не может заменить собой орган власти с соответствующими компетенциями и полномочиями. Он является в большей степени экспертно-аналитической структурой и не в состоянии выполнять властные и административные функции.

Значит, нужен реальный орган власти и управления и он, наряду с ключевыми структурами внутренней и внешней политики, – институтами верховной власти, – должен входить в состав министерств и федеральных служб, подчиняющихся непосредственно Президенту РФ.

Политическая блокада усилий по воссозданию государственного стратегического планирования грозит самыми серьезными экономическими последствиями: мы и дальше будем провоцировать состояние управленческого хаоса и неуправляемости как первоочередных вызовов и угроз экономической безопасности и ставших привычными срывы исполнения важнейших политических и экономических решений из области фундаментальных стратегических перспектив развития страны.

Нам уже приходилось писать о ключевых векторах реформирования государственного управления, которое должно создать режимы наибольшего благоприятствования для развития стратегических и проектных начал в экономике, конституирования государственного стратегического планирования как ядра системы государственного регулирования экономики. Хотелось бы отметить и то, в каком направлении необходимо продолжить реформы государственной, службы, которые выдохлись также как и реформы госуправления, вошли в полосу торможения в и в силу внутренних причин, и по причинам непрекращающихся в последние восемь лет кризиса и стагнации.

О реформе государственной службы. Нейтрализация субъективных факторов может потребовать серьезных политических и административных мер в системе и структуре исполнительной власти, своеобразной кадровой революции. Но в любом случае, необходима глубокая реформа государственной службы.

В основе новой модели должна стоять прозрачная система конкурсов и срочных контрактов, в систему которых должны вписываться институты общественного контроля (общественные советы, общественные объединения, саморегулирующие

организации, неправительственные организации социальной направленности).

Необходимо четко сформулировать перспективный облик (идеал) государственной службы как поприща общественного служения, очищенного от мотиваций и интересов по образцам политики, бизнеса, криминала. В центре такой модели должен быть желаемый облик (идеал) государственного служащего, работающего на благо государства и общества. Для этого, в частности, необходимо ввести в реальный оборот понятия чести и профессионального долга госслужащего.

Основные черты такого идеала в развернутом виде формулируются в Этическом кодексе, определяющем профессиональные качества и образцы поведения государственного служащего. Соответствие принципам и положениям Кодекса должно стать основой кадрового отбора и ориентирами в деятельности общественного контроля.

Какая реформа государственной службы нужна России? Ясно, что решение надо искать между моделью жесткой иерархированной административно-командной системы (она никуда не делась и только глубоко муттировала) и коммерциализированной и децентрализованной англо-саксонской моделью, которая и на Западе продемонстрировала серьезные системные недостатки.

В основе новой модели должна стоять прозрачная система конкурсов и срочных контрактов, в систему которых должны вписываться институты общественного контроля (общественные советы, общественные объединения, саморегулирующие организации, неправительственные организации социальной направленности).

Образцы иррационального поведения чиновников, проанализированные выше, регулируются различными институтами. Часть из них является объектом трудового и административного законодательства. Коррупционная деятельность попадает в сферу действия уголовного права. В частности, реформами 2000-х годов введены так называемые административные регламенты, –

исполнения функций государственного управления и функций предоставления государственных услуг. Они регламентируют сугубо служебные функции и должностные обязанности государственных служащих.

Вместе с тем, как уже отмечалось, существуют эмпирически подтверждаемые и измеряемые связи между институтами, экономическими решениями и феноменом культуры которые оказывают непосредственное влияние на поведение чиновников. Государственная служба немыслима сегодня вне развитой культуры общественного диалога, традиций уважения взаимных прав и свобод, интересов, взглядов и мнений.

Бюрократия, напротив, как социально-профессиональная элита объективно склонна к обособлению своих узких партикулярных интересов, жестко иерархическим отношениям, образованию внутренней, особой корпоративной (клановой) этики, которые могут быть и, как правило, являются препятствием для подобного диалога в русле взаимопонимания, взаимоуважения, договороспособности.

Философия политического консенсуса требует иного отношения к культуре, морали, этике всех его (диалога) участников. Именно в силу этих обстоятельств, говоря о партнерстве власти и общества, диалоге политиков, управленцев с одной стороны, и представителей гражданского общества, – с другой, во весь рост встает вопрос о культуре, нравственности, в том числе политической и профессиональной культуре, этике и профессиональной, управленческой, служебной этике. Уважение к традиции, понятиям гражданского и служебного долга, становятся равноправными факторами качества, эффективности государственного управления и государственной службы (Филиппов Г.Г. 2008. 131 с.).

Этическая норма адресована личности государственного служащего, взыывает к его личной морали и этике, профессионально-му долгу, гражданской, политической и профессиональной ответственности. Этическая норма для государственного служащего

превращается в конституирующий, мотивирующий, регулирующий и стимулирующий фактор.

Эволюция институтов госуправления изменила взаимоотношения государственного управления с властью, политикой, бизнесом. Происходило взаимопереплетение интересов, образцов профессиональной этики, типов мышления, мотивации, стимулов, в конце концов, технологий деятельности. (В.Н. Лавриненко. 1997. – С.203-205; А.В. Оболонский. 1999. С.31; Худ К. 1995. – С.102-103).

Это имело следствием размытие сущности государственной службы как института общественного служения, стоящего выше партикулярных интересов отдельных политических групп и личностей, тем более, частных материальных и коммерческих интересов (Теобальд Р. 1998. – С.15.)

Отсюда – вызревание объективной потребности в обновлении профессиональной этики (морали), формировании соответствующего этического кодекса как кодифицированного свода идеалов, норм, принципов, а также форм практического поведения. Этот кодекс включает и институты, гарантирующие жизнь и воспроизведение этических ценностей через ритуалы, обычаи, обряды, традиции и т.п. Общие определения этического кодекса могут быть увязаны с формами ответственности, прежде всего, за качество и результаты труда, исполнительской дисциплины, функциональных обязанностей.

Это явится исходной базой для устранения дефицита культуры и этики как факторов воспроизводства бюрократизма и коррупции, поскольку появляются ясные и прозрачные критерии для оценки профессиональной пригодности человека к деятельности в государственных органах, учреждениях, возможностей служебного роста чиновника.

Для самого же служащего они выступают как стандарт и ориентир, моральная и нравственная рамка, за которые он не имеет права выходить в своей профессиональной деятельности.

Кроме того, создается возможность социально-профессионального мониторинга служащего, – т.е. непрерывного анализа

и оценки работника с целью выявления уровня его общей, профессиональной и морально-нравственной культуры, перспектив профессионального роста. Он является крайне важным инструментом в работе по кадровому отбору, текущей и долгосрочной (плановой) кадровой деятельности.

Проблема существует не только у нас в России, но и в благополучных, с длительной историей совершенствования госслужбы европейских странах. (Южаков В.Н. «Кодекс поведения государственных служащих Российской Федерации». Свод правил антикоррупционного поведения чиновников. // «ЧиновникЪ». – 2001 Выпуск №1(17) 2002 г. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2002/01/14/>).

Есть и ряд актов межгосударственного уровня. Показательно, что в мае 2000 г. Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию европейским странам «О кодексах поведения для государственных служащих».³ Тогда же, на страницах журнала «ЧиновникЪ», коллективом авторов был опубликован один из первых проектов «Кодекс поведения государственных служащих Российской Федерации». Свод правил антикоррупционного поведения чиновников»

³ «Комитет министров /.../ будучи убежден, что коррупция представляет собой серьезную угрозу /.../, напоминая /.../ о важности участия государств, не являющихся членами Совета Европы, в мероприятиях Совета Европы по борьбе с коррупцией /.../, будучи убежден, что привлечение внимания общественности и продвижение этических ценностей являются важными средствами по предупреждению коррупции/.../ рекомендует правительствам/.../ при соблюдении национального законодательства и принципов, регулирующих деятельность государственной администрации, содействовать принятию национальных кодексов поведения для государственных служащих, руководствуясь Модельным кодексом поведения для государственных служащих, прилагаемым к настоящей Рекомендации».

В заключение цитированного документа Комитет министров Совета Европы «...Поручает Группе государств против коррупции – ГРЕКО – следить за выполнением данной Рекомендации».

С учетом этих объективных запросов практики разработан и одобрен **Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих** (Решение президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол N 21)). В нем учтены, в частности, рекомендации научного и экспертного сообщества в части необходимости санкций за нарушение его положений. Они включают не только меры морального осуждения, но и, при определенных обстоятельствах, меры юридической ответственности.

Не лишним будет отметить, что в традициях военной и правоохранительной службы имеется исторических опыта так называемых офицерских собраний, судов чести, которые всегда являлись эффективными институтами реализации норм профессиональной этики. В советской практике действовали товарищеские суды, которые, несмотря на ироничное отношение к ним в позднесоветском обществе, являлись достаточно действенным способом морального воздействия на нарушителей служебной дисциплины, профессиональной этики. Эти формы, как инструменты моральной ответственности могли бы быть переосмыслены и адаптированы к современным проблемам морально-этического облика современного российского чиновника.

К слову сказать, показателен и зарубежный опыт. Там в практику профессионального этического воспитания входит создание так называемых этических ассоциаций⁴, неправительственных организаций.

⁴ Примеров действия Общественных институтов по этике и антикоррупционной борьбе очень много. Например, в Швеции наиболее крупным и значимым из них является образованный ещё в 1923г. «Институт против взяток», состоящий при Стокгольмской торгово-промышленной палате.

Представляет интерес опыт Ирландии по использованию в практике антикоррупционной борьбы независимых трибуналов (общественных комиссий по расследованию). см. на следующей странице

Широко распространяется практика разнообразных инструкций, памяток, в которых обращается внимание на возможные отступления от этических стандартов, которые могут быть совершены

см. на предыдущей странице В 2003г. во Франции была создана ассоциация «Антикор». В 2004г. членами этой ассоциации уже были около ста депутатов местных собраний. В том же году ассоциация вручила свой первый «Оскар» за вклад в борьбу с коррупцией. Важную роль играет французское отделение неправительственной организации «Transparency International», которое возглавляет бывший крупный правительственный чиновник и банкир Д. Лебег. Стоит также отметить работу отраслевых ассоциаций и объединений, и, в первую очередь, «Движение предприятий Франции – МЕДЕФ» (его аналогом можно считать РСПП в России) и объединения торгово-промышленных палат Франции, которые активно взаимодействуют с профильными государственными ведомствами, занимающимися борьбой с коррупцией, и проводят пропагандистско-разъяснительную работу со своими членами, в том числе разрабатывая и внедряя отраслевые этические нормы и стандарты предупреждения и борьбы с коррупцией на предприятиях.

В Нидерландах по инициативе Объединения предпринимателей были разработаны «Правила поведения». Контроль за соблюдением Антикоррупционного закона предприятиями осуществляют специально созданная в Объединении предпринимателей служба. В случае нарушения предприятием установленных правил дело передаётся в нидерландские судебные органы.

В настоящий момент в США исторически сложилась сильная система парламентского контроля в сфере коррупции, индивидуальная гражданская активность в русле противодействия коррупции. Но также действуют десятки неправительственных организаций («Judicial Watch», «Project on Government Oversight», «Global Integrity», «Government Accountability Project» и др.), главная задача которых – разоблачение коррупции. Львиную долю интересующих их сведений они получают с помощью закона «О свободе информации». См. **Опыт законодательного обеспечения общественно-го и парламентского антикоррупционного контроля в некоторых государствах мира.** URL: <http://www.jk.ru/analiticheskaja-informatsija/antikorruptionnyjj-kontrol-v-nekotorykh-gosudarstvakh-mira/>

случайно, по недооценке психологии работающих, по невозможности отслеживать новейшие данные гуманитарных и обществоведческих дисциплин.

Всё это нуждается в тщательном анализе и адаптации для российской практики.

Вместе с тем, и сегодня этот документ пока ещё не трансформирован в стандартную нормативную практику, регулирующую деятельность государственных служащих. Пока в нашей системе государственной службы нормы профессиональной (административной) этики внедряются медленно, с большим трудом. Многие из них подвергаются деформации, порождают дисфункции в управлении. Инерция наследия прошлого велика. Поэтому сегодня, как никогда, необходимы целенаправленные и последовательные усилия по очищению морально-психологической атмосферы в аппаратах власти, оздоровлению профессиональной среды деятельности госслужащих, разработке системы норм и стандартов, образцов поведения для тех, кто гражданами напрямую отождествляется с государством и властью.

Об институтах антикоррупционных расследований. Длительное развитие государственной службы в условиях культа ценностей рыночной культуры и рыночного успеха, привнесение в среду госслужащих элементов политических и корпоративных интересов, имплантация моделей реформирования государственной службы на основе её приближения к принципам корпоративного менеджмента, сформировали устойчивые предпосылки для коррупции в среде чиновничества. Государство не смогло противопоставить этим тенденциям действенных антикоррупционных институтов. С другой стороны, и гражданское общество оказалось неготовым к тому всплеску коррупции, который произошел за годы рыночных реформ.

Поэтому сегодня вопрос об институтах противодействия коррупции стоит крайне актуально.

Начинать надо с пересмотра результатов и исходных моделей реформ государственной службы.

Одной из стратегических целей реформы госслужбы должно стать встраивание в её структуру антикоррупционных институтов и регуляторов.

Часть из них связана с государственными институтами. Но архиважна система общественного антикоррупционного заслона. Было бы целесообразно активизировать деятельность Общественного антикоррупционного комитета.⁵ В этой связи было бы чрезвычайно полезным создать механизмы координации его деятельности с действующими общественными советами, общественными объединениями, саморегулирующими организациями, так или иначе нацеленных на борьбу с коррупцией. Отсюда логически вытекает следующая идея: конституировать *Общероссийский координационный совет (общественный комитет) по борьбе с коррупцией*.⁶ Цели: объединить силы и институты граж-

⁵ Межрегиональная общественная организация развития антикоррупционных программ «Общественный антикоррупционный комитет» зарегистрирована Министром Российской Федерации 28 мая 2004 года (р/с №16 416). Будучи институтом гражданского общества, «Общественный антикоррупционный комитет» ставит перед собой целью участие в построении современной демократической модели государства через формирование антикоррупционных барьеров, что особенно важно в связи с проводимой в настоящее время административной реформой. Источник: URL: <http://www.stopcorruption.ru/projects.htm>

⁶ Вот лишь неполный открытый список общественных, антикоррупционных организаций: Горячая линия «Стоп коррупция» Общественной палаты РФ; Межрегиональная общественная организация «Общественный антикоррупционный комитет»; Общественная организация «Национальный антикоррупционный комитет»; Межрегиональная Общественная Организация «Центр противодействия коррупции в органах государственной власти»; Автономная некоммерческая организация «Союз экспертиза» Торгово-промышленной палаты Российской Федерации; «Ассоциация адвокатов России за права человека»; Общероссийская общественная организация «Общественная комиссия по борьбе с коррупцией»; Департамент экономической безопасности и противодействия коррупции см. на следующей странице

данского общества, сделать борьбу с коррупцией в государственной службе широко освещаемой публичной деятельностью с возможностью вынесения общественных вердиктов по общественным коррупционным расследованиям и выявленным коррупционным преступлениям. Легитимизировать сам институт общественных антикоррупционных расследований.

Новый институт общественных антикоррупционных расследований мог бы на равных вести диалог с такими структурами власти, как Совет при Президенте по противодействию коррупции, Национальный антикоррупционный совет РФ, парламентские комитеты и комиссии по борьбе с коррупцией.

Список литературы

1. The New Industrial State, Houghton Mifflin, 1967; 3-е изд., 1978; Penguin 1969).
2. Дж. К. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. «Транзиткнига». М., 2004. – 602 с.
3. Гэлбрейт: Возвращение. / Под редакцией С.Д. Бодрунова. Культурная революция. М. : 2017. – 424 с.
4. Планирование: перезагрузка / Под редакцией А.В. Бузгалина М.:Культурная революция, 2016. – 389 с.

см. на предыдущей странице Торгово-промышленной палаты Российской Федерации; Общероссийская Общественная Организация «Комиссия по борьбе с коррупцией»; Российское Антикоррупционное Партнерство; Национальный рейтинг прозрачности закупок; Фонд «ИНДЕМ»; Межрегиональное Общественное Движение «Против коррупции»; Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернейшнл - Р». И это не считая региональных центров и организации антикоррупционной направленности. Источник: официальный сайт специализированной организации Национальный Антикоррупционный Совет Российской Федерации URL: <http://www.korupci.net/index.php?s=9>

5. Городецкий А.Е. Государственное управление и экономическая безопасность. О дисфункциях государственного управления. //Аудит и финансовый анализ. № 6, 2016. С. 426-437.
6. Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. Москва: фонд «либеральная миссия», 2011.
7. Постановление Правительства РФ от 1 сентября 2012 г. № 877. URL: <http://www.garant.ru/news/417716/#ixzz4SSw4cCga>
8. Психология и этика делового общения. Под ред. В.Н. Лавриненко. – М.: Культура и спорт. ЮНИТИ, 1997. – С.203-205.
9. Государственная служба: учебное пособие./ Отв. Ред. А.В.Оболонский. – М. Дело. 1999. С.31.
10. Крозье М. Современное государство – скромное государство // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 9-15.
11. Crozier M.: On ne change pas la société par décret. Paris, Fayard, 1979.
12. Спиридонова В. И. Бюрократия и реформы (Анализ концепции М. Крозье). М., 1997.
13. Тенишев А.П., Хамуков М.А. Роль экономического анализа при доказывании картелей // Вестник АКСОР, 2016, №1 (37), с. 214-218
14. Тенишев А.П. и Бандурина Н.В. «Картелизация как фактор снижения эффективности государственных расходов в сфере закупок»//Вестник АКСОР, №4/2016(40). С. 57-62.
15. Интернет-интервью с Андреем Тенишевым (04.05.2016 | 17:26) URL: <http://fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=14611>. Антиконкурентные соглашения и слово-ры имеют свои следствием широкомасшабный процесс теневого перераспределения ресурсов, бюджетных денег, доходов бизнеса, граждан, они постоянно воспроизводят коррупцию.

16. Теобальд Р. Этические принципы в государственных учреждениях // Государственная служба. Проблемы профессиональной этики. Зарубежный опыт. Реферативный сборник. № 2 (22), 1998. – С.15.
17. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.) (протокол №21) Система ГАРАНТ. URL:<http://base.garant.ru/55171108/#ixzz4VH988XkA>
18. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // «Российская газета». – URL: <http://www.rg.ru/2014/07/23/zakondok.html>.
19. Филиппов Г.Г. (Общ. ред.) Этические аспекты функционирования государственной службы как социального института. Материалы к курсу лекций «Этика и культура управления». – Санкт-Петербург: СЗАГС, 2008. – 131 с.
20. Франскевич О.П. «Классификация антисоциальных соглашений при проведении торгов (на примере закупок для нужд здравоохранения) Статья//Юрист №1/2017. URL: <http://fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=15044>
21. Худ К. Изменения в оплате труда государственных служащих Великобритании. // государственная служба. Вопросы совершенствования работы с кадрами. Зарубежный опыт. Вып.7 – М. «РАГС», 1995. С.102–103.
22. Василенко И.А. Административно-государственное управление в странах запада: США, Великобритания, Франция, Германия. Учебное пособие. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 200 с.
23. Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах (справочное издание). М.: РУСАКИ, 2007 с. 288. ISBN 978-5-93347-302-2

24. Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства: реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии / – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2011. – 444 с. – (Исследования фонда «Либеральная миссия»). – ISBN 978-5-903135-22-6).
25. Оболонский А.В. Государственная служба (комплексный подход). Учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Дело, 2000. – 440 с.
26. Опыт законодательного обеспечения общественного и парламентского антикоррупционного контроля в некоторых государствах мира. URL: <http://www.jk.ru/analiticheskaja-informatsija/antikorruptionnyjj-kontrol-v-nekotorykh-gosudarstvakh-mira/>
27. Официальный сайт специализированной организации Национальный Антикоррупционный Совет Российской Федерации. URL: <http://www.korupcii.net/index.php?s=9>
28. Смирнов С.Н. Российская бюрократия и её роль в процессах модернизации России. Мир России. Т.18, № 4. 2009. – С.115-139.
29. Рациональный выбор в политике и управлении Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб С. 675),
30. Шпакова Р.П. Макс Вебер, прочитанный сегодня, СПб., 1997. – 543 с.
31. Южаков В.Н. «Кодекс поведения государственных служащих Российской Федерации». Свод правил антикоррупционного поведения чиновников. // «ЧиновникЪ». 2002. Выпуск №1(17) URL: <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2002/01/14/>)

Дж. К. Гэлбрейт¹

Новое индустриальное общество:
50 лет спустя

¹ Джеймс Кеннет Гэлбрейт, профессор Техасского университета в Остине, д.э.н.

Для меня, моей жены и дочери большая честь присутствовать на мероприятии, посвященном 50-летию публикации главной работы моего отца Джона Кеннета Гэлбрейта – «Новое индустриальное общество». Я согласен с оценкой этого труда, высказанной профессором С.Д.Бодруновым: идеи, представленные в этой книге, как никогда актуальны, и их следует развивать с учетом ситуации в мировой экономике. Важнейшая мысль, сформулированная в монографии, – это «концепция уравновешенной власти», в соответствии с которой успешная экономика, каковой на момент выхода книги являлась экономика США, основана отнюдь не на рынках как панацеи от всех бед. Она основана на эффективных организациях широкого профиля, способных внедрять передовые технические, финансовые и маркетинговые нововведения и действовать в условиях внешних ограничений при сохранении регулирования со стороны общественных организаций, правительства, профсоюзов, обществ потребителей, научного сообщества и других институтов гражданского общества.

Проблема СССР заключалась не в отсутствии рынков, а в отсутствии регулирования со стороны упомянутых инструментов и как следствие – в неспособности адаптироваться к изменениям производительных сил. Поэтому введение свободных рынков привело не к улучшению ситуации, а к коллапсу с рядом негативных последствий, включая разграбление страны (как из вне, так и изнутри). В США введение систем внешнего планирования

(иногда более современных и развитых, адаптированных к новым мировым условиям и апробированных в Японии, Корее и других странах), а также значительное расширение сферы влияния финансовой олигархии и крупных банков привели к выделению технологических компаний в независимые единицы, ориентированные на рост капитализации, что способствовало разрушению традиционных промышленных отраслей и во многом обусловило рост популярности таких одиозных политиков, как Дональд Трамп, на региональном уровне.

К странам, экономика которых наиболее близка моему представлению о новом индустриальном обществе, я отношу Германию и Японию. Идеи моего отца в той или иной степени были востребованы в обеих странах, и его влияние там остается весьма значительным. Отец считал, что плановая система не может функционировать без наличия хорошо обученного, устойчивого, стабильного, продвинутого и разнообразного по своему составу класса инженеров, менеджеров, дизайнеров, юристов и пр., работающих на условиях относительного равноправия и коллективной ответственности. При этом гипертрофированное развитие какого-либо сектора (например, финансового или высокотехнологичного) с перераспределением доходов в значительной степени в пользу данного сектора является предвестником упадка, подрывает основы эффективной и сбалансированной экономики и тормозит процессы ее обновления и реформирования. Этот феномен четко прослеживается в американской и других экономиках и, помимо всего прочего, сказывается на состоянии нашей системы высшего образования.

Плановая система нуждается в компетентном и автономном органе управления, способном осуществлять регулятивные функции – устанавливать стандарты и обеспечивать их соблюдение. Основное различие между развитыми и развивающимися странами, по-моему, заключается не в уровне образования и не в применении продвинутых технологий (по крайней мере, не только в этом), и даже не в развитости инфраструктуры, хотя она тоже

очень важна, а в способности устанавливать и поддерживать эффективные стандарты. Именно в сфере разработки стандартов для потребительских товаров социалистические системы испытывали значительные трудности. Китай частично решил эту проблему путем импортирования стандартов с Запада (не затронув экологические аспекты). Рост экономики скандинавских стран на протяжении XX в. во многом обусловлен улучшением промышленных технологий, которое опиралось на введение стандартов, регулирующих размер заработной платы, и развитую систему профсоюзов.

Когда корпоративное или иное лобби получает контроль над регулирующими органами и начинает диктовать свои правила, происходит деградация системы, поскольку в данном случае основная цель – извлечение краткосрочной прибыли. Эффективное движение вперед невозможно без планомерной и тяжелой работы. Что делать в таком случае? Я думаю, что и США, и России нужно определить приоритеты развития, выработать соответствующую стратегию и приступить к ее реализации. Изучение комплексных организаций и их взаимодействия с государством, рабочей силой, наукой, технологиями и финансами является сегодня фундаментальной задачей. Решив ее, мы сможем перейти от бесплодной экономической модели к конструктивной, базирующейся на полезных знаниях, а не на пустых измышлениях и заумных экзерсисах, которые долгое время являлись основой карьерного роста в экономике и определяли вектор развития нашей науки.

Кроме того, каждой стране следует провести открытые, публичные консультации, чтобы оценить стратегии развития без вмешательства банкиров, олигархов, государства и выбрать базу, на которой широкие слои гражданского общества могут прийти к консенсусу. Это возможно только при устраниении проблем, обусловленных ярко выраженным социальным неравенством и концентрацией власти в одних руках. Главный вопрос заключается в том, сможет ли общество достичь консенсуса по целому ряду

проблем и сбалансированных требований или мы обречены руководствоваться узкими интересами конкретной группы лиц. Мои исследования показывают, что в мировом масштабе успешными являются демократические общества, которые относительно эгалитарны, открыты и не управляются миллиардерами и генералами.

И, наконец, мысль, которая была важна для моего отца и очень близка лично мне. На протяжении 20 лет я как председатель организации «Экономисты за мир и безопасность» сотрудничаю со многими российскими коллегами из среды экономистов и исследователей. И понимаю – в отсутствие мира все остальное теряет смысл: «Война, – как писал Джон Мейнард Кейнс, – главный пожиратель надежд, мечтаний и возможностей». Мы все взаимо связаны и находимся в зоне риска, и сегодня, возможно, в большей степени, чем когда бы то ни было. Нам необходимо научиться уважать личное пространство, различия, преодолевать недоверие и, самое главное, осознать, что каждый народ имеет право решать свои проблемы самостоятельно. Это относится ко всем странам, но я в первую очередь имею в виду отношения между нашими двумя державами.

И в заключение позвольте процитировать слова моего отца, прозвучавшие в инаугурационной речи президента Джона Кеннеди в 1961 г.: «Не стоит договариваться из страха, но давайте не будем бояться вести переговоры».

A.I. Колганов¹

«Новое индустриальное общество»
Гэлбрейта как отправная точка
анализа противоречий
современного капитализма

¹ Андрей Иванович Колганов, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор.

Четыре направления исследования из работы Дж.К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» представляют в настоящее время наибольший интерес: ключевая роль развития индустриальных технологий в эволюции экономической системы; способность крупных корпораций оказывать регулирующее воздействие на рынок и на поведение потребителей; возникновение «планирующей системы»; особая роль слоя специалистов и управляющих (названного Гэлбрейтом «техноструктурой»), обеспечивающих функционирование крупных корпораций. Именно эти четыре направления указывают нам путь продолжения и развития идей, заложенных в книге этого ученого. По каждому из этих четырех направлений необходимо проанализировать те сдвиги в экономической жизни, которые произошли после издания книги Гэлбрейта.

Его вывод о ключевой роли индустрии и развития индустриальных технологий, несмотря на появление разного рода пост-индустриальных концепций, подтвердил свою актуальность. Более того, исследование современных тенденций в индустриальных технологиях оказалось тем фундаментом, который позволяет прогнозировать переход индустриального общества на новую ступень своего развития. Эта ступень характеризуется резко возросшим значением производства и технологического применения новых знаний, в связи с чем на передний план выходит значение таких сфер, прежде считавшихся неэкономическими, как

образование, наука, культура. Именно в этих сферах формируется главная производительная сила нового индустриального уклада – творческий человек.

Однако технологические развитие в условиях современного капитализма все больше обнаруживает скрытые в нем противоречия, которые имеют целый ряд проявлений. После «информационной революции» больше не появлялось технологий, которые преобразовывали бы все или хотя бы большую часть общественного производства. Основная масса технологий, применяемых сегодня в промышленности, на транспорте, в строительстве была разработана не позднее, чем полвека назад. Хотя внешне современное производство приобретает облик непрерывного потока инноваций, в этом потоке значительный удельный вес занимают незначительные, частичные улучшения, основной эффект которых состоит в придании продукту черт, позволяющих выделить его из массы конкурирующих товаров. Нередко новизна носит вообще фиктивный характер, не добавляя к продукту новых полезных для потребителя свойств, и лишь симулируя такие свойства, а иногда и нанося потребителю вред. Наконец, тот социальный слой, который является носителем инновационных процессов (и который во многом совпадает с описанной Гэлбрейтом «техноструктурой»), практически перестал расти – социальная база инновационной экономики более не расширяется.

Способность крупного и сверхкрупного капитала регулировать рынок и воздействовать на поведение потребителей нашла свое развитие, с одной стороны, в колоссально выросшем влиянии транснациональных корпораций, зачастую по своей экономической мощи превосходящих национальные государства и навязывающих им свои «правила игры». С другой стороны, крупные корпорации не только навязывают потребителю разного рода фиктивные потребности, что отмечал еще Дж.К. Гэлбрейт. В погоне за расширением сбыта корпорации создали целый спектр инструментов манипулирования рынком, куда входят и методы формирования спроса, манипулирования предпочтениями потребителя

и т.д., причем эта манипуляция становится вездесущей. На нее работают средства массовой информации (или, точнее было бы сказать – дезинформации?), массовая культура, в особенности медийные продукты, распространяемые по своевременным телекоммуникационным сетям, а не только методы маркетинга и рекламы. Фактически крупный корпоративный капитал целенаправленно формирует весь образ жизни человека так, чтобы тот ориентировался на ценности и потребности, подсовываемые ему крупными корпорациями. Это взращивание бездумного потребителя подкрепляется вовлечением его в порочный круг потребительского кредита, обслуживание которого грозит поглотить все будущие доходы человека, превращая его в пожизненного должника, своего рода современного пеона.

«Техноструктура» в этих условиях оказывается отнюдь не самодовлеющей социальной группой, занимающей ведущее положение в крупной корпорации. Как и обнаружил Дж.К. Гэлбрейт в своих последних работах, «техноструктура» превратилась в инструмент власти элиты крупного капитала, в то самое орудие, при помощи которого крупнейший транснациональный капитал манипулирует рынком (включая сюда и манипуляцию потребителем). Сама «техноструктура» оказалась отнюдь не однородным слоем – с одной стороны, она представлена научно-техническими специалистами, подлинно креативным классом, а с другой – менеджерами, финансовыми аналитиками, маркетологами, брокерами, PR-специалистами и т.д. Первые, творческая часть «техноструктуры», создают интеллектуальную ренту, которую присваивает крупный капитал. Вторые обеспечивают крупному капиталу разнообразные каналы рыночного манипулирования. Господство элиты крупного капитала, корпоративной олигархии подкрепляется сегодня процессами финансализации, начавшими бурно развиваться вскоре после выхода в свет книги «Новое индустриальное общество». Те, кто контролирует основные потоки финансового капитала на мировом рынке, и манипулирует их движением, фактически контролируют и мировую экономику.

Наконец, возникновение «планирующей системы», на которое указывал Гэлбрейт, в настоящее время оборачивается острой постановкой вопроса о пределах вмешательства государства в регулирование экономической жизни с целью преодоления кризисного наследия эпохи «дерегулирования», и о пределах манипулирования рынком крупными корпорациями в условиях этого «дерегулирования».

А как смотрится экономическое положение России под углом зрения отмеченных выше тенденций?

С точки зрения технологического развития налицо потеря имевшегося научно-технологического потенциала как в промышленности, так и в сфере НИОКР. Усилия по активизации инновационных процессов дали очень небольшие результаты, и технологическое отставание России от наиболее развитых стран (да и от новых индустриальных) продолжает нарастать. Экономика России находится в глубокой зависимости от импорта зарубежных технологий, машин и оборудования.

Беда не в том, что мы торгуем нефтью, газом, лесом и т.д. – беда в том, что мы не используем полученные от экспорта природных ресурсов доходы для инновационного прорыва, для возрождения высокотехнологичных секторов экономики.

«Техноструктура» российских корпораций в значительной степени сведена к «эффективным менеджерам». Российские корпорации обходятся без присвоения интеллектуальной ренты – им хватает других, не инновационных источников дохода. Поэтому спрос на инновации как со стороны корпораций, так и со стороны обслуживающего их интересы государства крайне узок.

Поэтому активная промышленная политика, нацеленная на технологическую модернизацию экономики, встает в повестку дня для России, где ее актуальность усиливается необходимостью обеспечить реиндустириализацию страны после глубокого промышленного спада. Технологическое перевооружение промышленности создаст спрос на инновации, обеспечит рост производительности труда и высвобождение рабочей силы, которая может

быть направлена в новейшие высокотехнологичные сектора экономики, на укрепление кадровой базы сферы НИОКР, образования и здравоохранения.

Россия сейчас не может быстро занять сильные позиции на мировом рынке высокотехнологичных изделий (слишком сильны позиции конкурентов). Поэтому стратегия импортозамещения и ориентации на внутренний рынок выглядит правильной. Однако эффективность такого производства должна проверяться способностью выхода продукции на внешний рынок. Подлинное же завоевание внешнего рынка возможно только путем продвижения в незанятые еще ниши, в сферы развития новейших нетрадиционных технологий. Для того, чтобы захватить соответствующие позиции, нужно продвижение по широкому спектру научных исследований и технологических разработок.

В качестве наиболее отдаленной стратегической цели можно рассматривать формирование экономической модели, где НИОКР из захиревшего ныне сектора превратится в институт, пронизывающий своей активностью все сферы экономики, и где подобным же образом разовьются и другие сектора, обеспечивающие развитие человеческого потенциала экономики. В качестве отправной стартовой точки для движения к такой стратегической цели необходимо повышение в 2-2,5 раза удельного веса расходов на НИОКР, образование, культуру и здравоохранение по сравнению со сложившимся сейчас нетерпимо низким уровнем, не обеспечивающим даже простого воспроизведения кадрового потенциала этих секторов.

Все эти тенденции раскрывают перед нами как противоречия современного капитализма (и в странах «ядра» мировой капиталистической системы, и в такой полупериферийной стране, как Россия), так и признаки рождающихся способов преодоления этих противоречий.

А.А. Пороховский¹

Исследовательская традиция
Дж.К. Гэлбрейта и современные
экономические проблемы России

¹ Анатолий Александрович Пороховский, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

Современная Россия испытывает немалые трудности и вынуждена решать многочисленные проблемы на пути своего социально-экономического развития. В последние десятилетия наши соотечественники, исходя из принципа «нет пророка в своём отечестве», предпочитают зарубежных светил экономической науки и бизнеса. Однако до сих пор заимствованные из другой среды рекомендации, внедряемые в практику государственных и банковских структур, не приносят ожидаемых результатов.

Дело не в том, что Россия настолько особенная страна, что не вписывается в исторический процесс рыночной цивилизации. Суть состоит в том, что каждому отрезку времени соответствует конкретная национальная модель развития, которая становится эффективной, если опирается на общие закономерности, но реализует их не на основе догматических теоретических постулатов, а исходя из прагматического подхода к достижениям приоритетов национальных интересов данного времени. Как раз в этом русле проводит работу Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, исследования и рекомендации которого становятся всё весомее, приобретая широкую известность в российском обществе [2, 3].

В свете решаемых в России проблем особое внимание вызывает к себе научное наследие видного американского ученого Джона Кеннета Гэлбрейта (1908–2006). Дж.К. Гэлбрейт не находился в пленах никаких догм. Вместе с тем его взгляды сохраняли

устойчивый характер, опиравшийся как на глубокие теоретические познания, так и на насыщенную реальность повседневной меняющейся жизни.

Не могу не отметить неизгладимые впечатления от встреч с Дж.К. Гэлбрейтом, первая из которых состоялась в его доме рядом с кампусом Гарвардского университета в г. Кэмбридж в 1980 г. Подкупала простата и элегантность обращения с собеседником, когда профессор изящно излагал свои идеи и высказывал свое мнение по самым актуальным вопросам развития теории и экономики. При этом он не навязывал своих подходов, но ясно показывал их отличие от позиций других учёных или политиков. Каждый раз Дж.К. Гэлбрейт подчёркивал, что недопустимо подгонять реальные факты под какую-либо теорию. Важно, чтобы теория развивалась вместе с развитием экономики и общества при сохранении базовых ценностей человека. По его мнению, оторванность теории от жизни нередко приводит не к решению существующих экономических проблем, а загоняет их в тупик.

Каждый, кто знаком хотя бы с одной из многочисленных научных работ Дж.К. Гэлбрейта, знает, что автор не отходил от своих принципов при рассмотрении как крупных проблем, так и частных случаев. В результате сформировалась исследовательская традиция Дж.К. Гэлбрейта, которая вполне может быть продолжена и современными учёными, в том числе и в России для анализ отечественных проблем.

Уникальность научного наследия Дж.К. Гэлбрейта

Среди многочисленных трудов великого учёного особое место занимает монография «Новое индустриальное общество», изданная впервые в США в 1967 г. и вышедшая на русском языке в Москве в 1969 г. [4]. Являясь свидетелем растущей экономической мощи большого бизнеса, автор пришёл к выводу, что при всеобщей рыночной основе крупные корпорации укрепляют своё

влияние, развивая внутрифирменную «индустриальную и планирующую систему», не игнорируя «невидимую руку» рынка, но больше ориентируясь на «видимую руку» государства. Так называемая «корпоративная линия» проходит так или иначе через все труды Дж.К. Гэлбрейта. Тем более, что и в XXI веке с его бурным технологически прогрессом разного рода противоречия как внутри отдельных стран, так и во всём мировом хозяйстве автоматически не разрешаются. Не случайно поэтому даже специалисты МВФ начали высказывать сомнения в господствующей на Западе и во всём рыночном мире мейнстриме – неоклассической теории экономики [1, 12]. О необходимости реагирования экономической теории на происходящие процессы в экономике ещё в 1976 г. обратил внимание Дж.К. Гэлбрейт в своей стартовой передаче на телеканале Би-Би-Си из цикла «Эпоха неустойчивости»: «в последнее столетие мы отмечаем контраст между незыблемой устойчивостью экономической мысли и громадной неопределенностью проблем, встреченных нами в наше время» [23, р. 7]. По итогам телевизионного цикла вышла книга с тем же названием где анализ корпораций занимает не последнее место [23, р. 257-279].

Уже в 2012 г. родоначальник новой институциональной теории, лауреат Нобелевской премии по экономике Р. Коуз отметил в журнале деловых кругов “Гарвард бизнес ревью”: «Сегодня экономическая наука уделяет мало внимания производству, сосредоточившись на вечном вопросе распределения ресурсов ... Инструменты, которыми пользуются экономисты для анализа предприятия, слишком абстрактны и умозрительны ... Отделение теории от реальности нанесло урон и деловому сообществу, и самой дисциплине...» [8].

В монографии «Экономические теории и цели общества» Дж. К. Гэлбрейт разделяет национальную экономику на две части – рыночную и планирующую системы, приводя дополнительные аргументы в пользу нерыночных внутрифирменных связей и особых межкорпоративных отношений [7, с.347-517]. Позже в своих

воспоминаниях автор отметил: «В «Экономических теориях и целях общества» я столкнулся с глубоким продолжающимся противоречием в современном индустриальном обществе, но не разрешил его. Цели общества и корпораций расходятся. Общество должно рассчитывать только на государство в утверждении общественных интересов. Государство же, однако находится в значительной мере под властью корпораций... То, что считается общественным мнением, в каждый данный конкретный момент является лишь отражением нужд и интересов техноструктуры корпораций...» [7, с. 1026].

Разработка Дж.К. Гэлбрейтом теории корпораций и «планирующей системы» происходила практически при уточнении и развитии его взглядов по общей экономической теории. Так, в предисловии к третьему изданию «Нового индустриального общества» в 1978г. он указал: «Существует жизненное различие между двумя типами планирования. Первый способствует рынку быть более эффективным. Второй заменяет рынок». А в конце предисловия подчеркнул, что «мир, без сомнения, продолжает развиваться более быстро, чем экономикс интерпретирует и описывает его» [24, pp. XV, XIX]. В другой книге, подготовленной вместе с французской журналисткой Н. Салинджер, Дж.К. Гэлбрейт определяет своё отношение к экономикс: «Экономикс – политическая экономия, очищенная от политики». [25, p.5].

Взгляды и теоретические подходы Дж.К. Гэлбрейта не замыкались на экономикс. Один из его биографов обратил внимание, что он изучил классическую книгу А. Маршалла «Принципы экономикс», но также знал историю экономической мысли и читал Веблена ещё до кейнсианской революции. Определённое влияние на научную судьбу Дж.К. Гэлбрейта оказала книга А. Берли и К. Минза «Современная корпорация и частная собственность», вышедшая в 1932 г. В книге рассматривалась концентрация экономической власти 200 промышленными корпорациями со всеми вытекающими последствиями. [29, pp. 91, 93-94]. Дальнейшие исследования уже после второй мировой войны, проведённые

самим Дж.К. Гэлбрейтом, воочию показали, что корпорации стали настоящими хозяевами не только в американской, но и в мировой экономике. К американским корпорациям добавились компании других стран.

Америка сохраняет лидерство и в ходе 4-й промышленной революции [17, 32]. Ещё до господства всемирной паутины Интернета, но при существовании СССР в 1988 г. вышла книга-диалог Дж.К. Гэлбрейта и советского экономиста С.М. Меньшикова «Капитализм, социализм, существование» [6, 26]. В XXI в. выводы диалога перекликаются с соперничеством США и коммунистическим Китаем, официально продолжающим укреплять в своей стране социализм с применением рыночной мотивации, что позволило КНР стать «мастерской мира» на рубеже третьего тысячелетия. Анализируя книгу-диалог, нами была подчёркнута роль «планирующей системы» в развитии производительных сил и человеческой цивилизации вообще [13].

В 1999 г. Дж.К. Гэлбрейт в статье «Вызовы нового тысячелетия» подчеркнул: «Самое большое, что нам необходимо сейчас – это мир и отсутствие новой мировой депрессии». При этом он выступил против термина «глобализация», который нивелирует многообразие экономик и народов, и настаивал на понятии «интернационализация», который предполагает сохранение культурного разнообразия и экономического сотрудничества [26, pp. 2,3; 27]. Выше упоминавшийся Р. Коуз в своем последнем интервью в 2012 г. отметил громадный прогресс экономики Китая и китайской экономической мысли и обратил внимание на то, что «в прошлом экономик имел в основном своим объектом английскую экономику. Теперь доминируют американцы. Но появляется предмет экономики КНР, если китайские экономисты займут правильные позиции» [30, pp. 103, 104]. А в другой книге Р. Коуз, по существу соглашается с подходом Дж.К. Гэлбрейта к глобализации, отстаивая право Китая иметь свою модель экономики, собственности и рынка [9].

Ценность научного наследия Дж.К. Гэлбрейта состоит в том, что в своих многочисленных книгах и статьях он сумел выделить

и охарактеризовать то главное, что и сегодня предопределяет судьбу как американской, так и всей мировой экономики. Им показана и доказана объективность глубинных процессов развития капитализма, который для своего выживания ищет пути владения новыми технологиями для ответа на современные вызовы.

Американское экономическое лидерство в современном мире не оставляет к себе равнодушных никого – ни простых людей, ни специалистов. Немало людей представляют США как земной рай, где даже трудности жизни предстают в розовом свете. Для ученых-экономистов США даже после кризиса 2007-2009 годов – это страна со сбалансированной и относительно стабильной экономикой, жестким конкурентным механизмом, активно отбирающим и внедряющим во все сферы хозяйства новые технологии и другие нововведения. По уровню производительности и общей эффективности, что отмечалось на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., американская экономика давно стала маяком для большинства стран мира. Хотя темпы её роста далеки от желаемых, а сам экономически рост не имеет стабильного стержня [1, 10, 11, 14, 15].

Между тем именно в общей основе американского стремительного взлета в XX в. на вершину лидерства в мировом хозяйстве как раз и кроется одна из разгадок успехов США. Дело в том, что частная собственность и первоначальный капитал наряду с другими специфическими обстоятельствами возникновения страны на североамериканском континенте, с одной стороны, обеспечили удачный старт экономического развития, а с другой – не застыли в своих изначальных формах, а адаптировались к формирующемуся новым условиям. В результате современные США имеют разнообразные формы собственности и капитала, что, в конечном счете, предопределяет *смешанный* характер американской экономики.

Ведущую экономическую роль в США играют корпорации. Однако хотя доля корпораций в общей численности всех видов предприятий сохраняется примерно на одном уровне – 18%, экономический вес корпораций намного превышает соответствующие

индикаторы остальных предприятий. Деловой оборот корпораций колеблется вокруг 82% от общего делового оборота. Такая закономерность характерна для всего периода после второй мировой войны. Отсюда следует, что *корпорации, или акционерный капитал и акционерная собственность со своей «планирующей системой», экономически доминируют в американской экономике*, во многом предопределяя как ее структуру, так и механизм, и параметры развития. Можно даже сказать, что самая либеральная экономика в мире основной потенциал своего функционирования и развития с точки зрения формы капитала и собственности черпает из «планирующей системы». Что же касается индивидуальных предприятий, находящихся в частной собственности их владельцев, то их экономический вес незначителен, но они благодаря своей многочисленности создают общую благоприятную среду для предпринимательской деятельности в целом и для учета всех видов индивидуальных потребностей на различных рынках.

Как выше отмечалось, Дж. К. Гэлбрейт посвятил анализу роли корпораций свою монографическую работу «Новое индустриальное общество», где пришел к выводу о том, что сформировалось «две части экономики – мир корпораций, быстро развивающихся в техническом отношении, обладающих огромными капиталами и сложной организационной структурой, с одной стороны, и сфера деятельности тысяч мелких традиционных собственников – с другой, значительно отличающиеся друг от друга. Это не количественное различие; оно пронизывает каждый аспект экономической организации и деятельности, включая сами мотивы этой деятельности... Было бы целесообразно дать какое-то обозначение той части экономики, которая характеризуется наличием крупных корпораций. Такое обозначение напрашивается: я буду называть ее «индустриальная система» [4, с. 45].

Тем самым Дж. Гэлбрейт подчеркнул, что и среди корпораций выделяются крупнейшие, как, к примеру, «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «АТТ», «ИБМ» и другие, которые как раз и составляют ядро индустриальной системы, а она выступает как

определяющая черта «нового индустриального общества». Как известно, в последующих изданиях этой книги и других работах автор определил «индустриальную систему» как «плановую систему». В XXI век США вступили, опираясь на экономическую мощь корпораций, крупнейшие из которых занимают ключевые позиции в ведущих отраслях.

Табл.1. 500 крупнейших корпораций США в 2015 г.²

<i>Объем реализации</i>	12,0 трлн. долл.
<i>Чистая прибыль</i>	840 млрд. долл.
<i>Рыночная капитализация</i>	17 трлн. долл.
<i>Число занятых</i>	27,9 млн. человек
<i>Доля в ВВП США</i>	67 %

Если же взять только 500 крупнейших американских корпораций, то их экономическая мощь впечатляет как рядового гражданина, так и специалиста. В 2015 г. деловой оборот этих предприятий достиг 12 трлн. долл. и на их предприятиях было занято 27,9 млн. чел. В результате продажи продукции, товаров и услуг на одного занятого составили в среднем 431 тыс. долл. в год. Если же сопоставить эти данные с показателями в целом по стране, то получается примерно следующая картина. ВВП США в 2015 г. достиг 18 трлн. долл., и в стране имели работу 145,5 млн. американцев. Простой подсчет показывает, что в среднем один работающий американец произвел почти 124 тыс. долл. в общий объем валового внутреннего продукта страны. Получается, что на одного работника 500 крупнейших корпораций приходится более чем в 3 раза валового выпуска, чем на одного работающего американца в целом по стране. Более того, легко видеть, что «клуб 500» по общей величине делового оборота занимает в национальном ВВП долю, достигающую 70% (см. табл. 1). Корпорация «Уоллмарт» уже не первый год возглавляет

² Источник: Fortune 500, 2016.

список 500. Её обороты в 2015 г. достигли 482 млрд. долл. [30], что превышает бюджеты и даже ВВП многих стран мира. К примеру, только бюджеты таких стран как США, КНР, ФРГ, Японии, Франции, Великобритании, Бразилии, Канады, Испании, Австралии оказались в 2015 г. больше, чем объем продаж «Уоллмарта».

Конечно, за подсчитанными средними величинами кроются определенные различия. Так, журнал «Форчун», который ведет учет 500 крупнейших корпораций с 1954 г., включает в деловой оборот всю деятельность, в том числе и за пределами США. В то же время ВВП подсчитывается только как продукт, произведенный на национальной территории. Да и сам «клуб 500» – это не монолит, а статистическое «общество» с постоянно меняющимся составом, где каждая корпорация преследует, прежде всего, свои цели и заботится о собственной судьбе. Поэтому «клуб 500» не имеет единой стратегии, да и тактика каждой компании зависит от множества свойственных для каждой фирмы факторов и обстоятельств. Но и при всем этом очевидно и то, что «вес» 500 корпораций в экономике страны и американском обществе соответствует их доле в ВВП по реальному влиянию и на всю структуру власти, и на внутреннюю и внешнюю политику, и на представление самих американцев о себе и о роли США в мире (см. рис. 1).

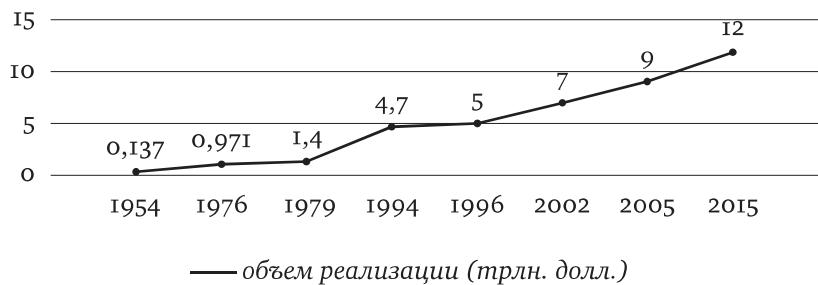


Рис. 1. Объем реализации 500 крупнейших корпораций США³

³ Подсчитано по: Fortune, April, May, 1955-2016; www.bea.gov.

Российский рыночный вектор по Дж.К. Гэлбрейту

Четверть века назад Россия выбрала путь рыночного развития после планового хозяйства СССР. Проведенная приватизация государственной собственности и последующая экономическая политика государства сформировали в стране экономическую структуру на основе частной собственности. В 2014 г. в России насчитывалось почти 5 млн. предприятий и организаций, из которых в частной собственности всех форм оказалось 4,2 млн. или 86,2 %, а в государственной собственности всего 2,3 % [16, с. 317]. Уровень приватизации российской экономики превысил аналогичный показатель многих других стран, в том числе и развитых. Вместе с тем с точки зрения распределения экономической мощи существующих предприятий публичные акционерные общества, или корпорации, заняли ведущие позиции и определили ядро национальной экономики.

Журнал «Эксперт» уже более 10 лет проводит исследования о деятельности 400 крупнейших российских корпораций. Как видно из табл. 2, доля этих компаний в ВВП страны держится на уровне 70 %, а в 2015 г. достигла 76 % [18]. Получается, что уровень концентрации экономической мощи крупной компании в России не уступает такому же уровню в США и других развитых странах. Выражаясь терминами Дж.К. Гэлбрейта, в российской экономике «планирующая система» намного превышает «рыночную систему» малого и среднего бизнеса. Однако формальное сходство не подкрепляется соответствующим содержанием, ибо в России большинство крупных компаний контролируются государством. Тем самым государство разделяет ответственность перед обществом за работу российского «большого бизнеса».

В целом в мировом хозяйстве крупнейшие национальные и международные корпорации задают вектор экономического развития. Как видно из табл. 3, объём реализации товаров и услуг 500 корпорациями достиг в 2015 г. 27,6 трлн. долл. На заводах и организациях этих фирм работало 67 млн. человек, которые производили

37,7 % мирового ВП. В число этих 500 гигантов входили корпорации из 33 стран, но явное большинство принадлежит тем, кто имеет американский «национальный мундир».

Табл.2. Экономическая роль 400 крупнейших компаний России (в текущих ценах)⁴

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
<i>Объём реализации (трлн.рублей)</i>	41,3	43,4	46,2	52,2	61,4
<i>ВВП страны (трлн.рублей)</i>	55,8	62,2	66,2	77,8	80,4
<i>Доля 400 компаний в ВВП (%) страны</i>	74	69,7	69,8	67,0	76,3

Табл.3. 500 крупнейших компаний мира в 2015 г.⁵

<i>Объем реализации</i>	27,6 трлн. долл.
<i>Чистая прибыль</i>	1,5 трлн. долл.
<i>Число занятых</i>	67 млн. человек
<i>Число представленных стран</i>	33
<i>Доля в ВВП мира</i>	37,7 %

Поскольку почти все корпорации из списка 500 действуют во многих странах, постольку можно сказать, что границы между государствами не стали помехой для распространения их «планирующей системы». При этом роль рынка не сокращается, а изменяются его функции.

Корпоративный мир неоднороден. В каждой корпорации есть свои особенности как управленческой структуры, так и внутрифирменного механизма. Однако есть немало и общего, что характеризует

⁴ Источник: Эксперт, №43, 2016, с.78, 80.

⁵ Источник: Fortune 500, 2016.

практически все компании, поскольку они опираются на предпринимательскую деятельность. И здесь не должно быть никаких иллюзий ни у простого человека, ни у академического исследователя. Интересы верхушки управляющих, да и всей корпорации далеко не совпадают с интересами населения, акционеров и общества в целом. Бизнес остается бизнесом.

Жесткая конкуренция держит всех в напряжении. Однако гигантские размеры крупнейших корпораций способствовали созданию в рамках акционерных обществ особого климата и особой корпоративной атмосферы. В разнообразной характеристике современных корпораций выделим лишь две черты. Первая – распыленность акций среди множества акционеров. Вторая – относительная обособленность управляющих от большинства акционеров, что является следствием первой особенности.

Так называемая теория «революции управляющих», констатировала сложившуюся тенденцию поведения управляющих корпораций в собственных интересах, часто не совпадающих с интересами акционеров [28]. Управляющий – наемный работник. Но это наемный работник особого рода. В его обязанности входит управление капиталом и другими ресурсами, собственниками которых являются тысячи и сотни тысяч акционеров. В таких условиях высший слой менеджеров крупной корпорации делает прежде всего то, что обеспечивает его благополучие в данный момент. Дж. К. Гэлбрейт в «Новом индустриальном обществе» подробно анализирует мотивы управляющих, заботящихся о процветании «планирующей системы» и ставящих интересы акционеров не на первое место в приоритетах своей деятельности. И какое бы конкретное лицо ни становилось менеджером крупной фирмы, оно неизбежно является участником коллизии между капиталом-собственностью и капиталом-функцией, а «раздвоение» капитала произошло еще до появления акционерных обществ. Но в корпорациях на базе акционерного капитала собственники и управляющие занимают

свои позиции, исходя из природы акционерных обществ. Иными словами, институциональная форма акционерного капитала отделяет акционеров от управляющих. И хотя порой некоторые управляющие также владеют акциями своей корпорации, по существу это мало что изменяет во взаимоотношениях двух полюсов – акционеров и менеджеров. Это хорошо видно и на примере российских корпораций – публичных акционерных обществ.

Мир бизнеса, мир корпораций – это мир постоянных изменений. Особенno они ощущимы сегодня, когда информационно-коммуникационные технологии, а также другие научные открытия не только произвели информационную революцию, не только изменили роль факторов информации и времени в экономике и обществе. В таких условиях лишь один параметр корпорации может оставаться постоянным – это быть готовым ко всяkim изменениям.

Ни одна компания, в том числе и крупнейшие корпорации, не может почивать на лаврах прежних достижений. Поэтому борьба за конкурентоспособность была, есть и будет главнейшей задачей управляющих корпораций, ибо потеря позиций на рынке, в конечном счете, приводит к потере своей должности, какой бы пост ни занимал тот или иной менеджер. А выбор правильных в данный момент решений определяется многими факторами, среди которых не последнюю роль играют профессиональная подготовка и образование управленческого персонала.

Известный специалист по изучению конкуренции профессор Гарвардской школы бизнеса М. Порттер вместе со своими соавторами из деловой сферы призвал большой бизнес не только понять, что «капитализм должен быть для всех», но и перестраивать управление корпорациями с учетом революции в производстве, где «умные технологии перекраивают компании» [14, 15]. Теперь уже дышит в затылки корпораций 4-я промышленная революция – современная волна нано- и других технологий [17].

Выводы

— Свои научные исследования Дж.К. Гэлбрейт начал в период великого краха мирового капиталистического хозяйства и экономики США в 1929-1933 годах. С самого начала он стремился рассматривать реальные социальные и экономические процессы, не находясь в плену каких-либо теоретических догм. Такой подход предопределил в определенной мере его научную судьбу как объективного исследователя, хорошо знающего возможности всех составляющих хозяйственной жизни – рынка, конкуренции, собственности, государства, технологий, индивидуума, бизнеса, фирм различных форм, уровней и масштабов.

— Будучи свидетелем становления и развития «Нового индустриального общества», а также циклического хода экономического роста и укрепления могущества американских транснациональных компаний, Дж.К. Гэлбрейт не только глубоко описал функционирование рыночной и нерыночной сферы экономики, но и показал перспективы региональной и глобальной интеграции, вскрыв при этом присущие им противоречия.

— Акционерный капитал через акционерные общества как экономически господствующие предприятия укрепил «живучесть» рыночного хозяйства, расширил и углубил его адаптивные возможности к новым условиям развития, к вызовам современности – информатизации, глобализации, высоким технологиям, технологической революции.

— Акционерный капитал расширил сферу рыночных отношений, позволил компенсировать так называемые «провалы рынка» и способствовал становлению смешанной экономики благодаря развитию различных форм собственности, корпоративного управления и органичному сочетанию рыночных принципов и «планирующей системы» с регулированием хозяйственных процессов со стороны государства.

— Акционерный капитал по-своему помирил и скооперировал «рыночную» и «планирующую» системы как в рамках национальной,

так и мировой экономики. Подтверждаются и сегодня выводы Дж.К. Гэлбрейта о «рыночной» и «планирующей» системах.

— По сути корпорации сохраняют все сущностные черты капитала и поэтому сами по себе они не в состоянии преодолеть растущую пропасть между бедностью и богатством как в США, так и во всем мире. Прогресс корпораций — это не прогресс «планирующей системы» в отрыве от рыночного развития. Это сложное, комплексное явление, отражающее в том числе способности человека осваивать новое, не стоять на месте, быть созидателем. Для этого корпорация не должна превращаться в монополию, как это нередко бывает.

— В основном находясь на позициях классического институционализма, Дж.К. Гэлбрейт видел все слабости и ограничения экономикс, понимая его место в общей экономической теории и экономической науке в целом. В этой связи научное наследие Дж.К. Гэлбрейта имеет громадное теоретическое и методологическое значение для характеристики современной российской экономической модели, для выработки решений существующих проблем. Только комплексный, системный подход, в значительной мере свойственный Дж.К. Гэлбрейту, может обеспечить прорыв в подготовке стратегии развития России до 2030 г. В современном развитии национальных и мировой экономики так много неопределенности, что МВФ свое последнее издание в апреле 2017 г. «Перспективы мировой экономики» назвал «Ловим момент?» [32].

Список литературы

1. Адлер Г., Дюваль Р. Пробуксовка на месте. — Финансы и развитие. Март. 2017. С. 10-13.
2. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. — Изд. 2-е, исправленное и дополненное. — СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте. — 328 с.

3. Гэлбрейт: возвращение /Монография/ Под ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. – 424 с.
4. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1969.
5. Гэлбрейт Дж.К. Жизнь в наше время. – М., Прогресс, 1986.
6. Гэлбрейт Дж.К., Меньшиков С.М. Капитализм, социализм, сосуществование. – М., Прогресс, 1988.
7. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Избранное. – М., Эксмо, 2008.
8. Коуз Р. Спасти экономику от экономистов. – Harvard Business Review - Россия. Апрель. 2013.
9. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. – М.: Новое издательство, 2016.
10. Крафтс Н. Куда направлен экономический рост? – Финансы и развитие. Март. 2017. С. 2-6.
11. Мейер К., Кирби Д. Сбой в эволюции капитализма. – Harvard Business Review – Россия, апрель 2012.
12. Остри Дж.Д., Лунгани П., Фургери Д. Не переоценен ли неолиберализм? – Финансы и развитие. Июнь. 2016. С. 38-41.
13. Пороховский А.А. Многоликий мир и сотрудничество. (Заметки по поводу книги-диалога Дж.К. Гэббреята и С.М. Меньшикова «Капитализм, социализм, сосуществование»). – Экономические науки, 1989, № 3.
14. Портер М., Креймер М. Капитализм для всех. – Harvard Business Review – Россия, апрель 2012.
15. Портер М., Хаттельман Дж. Революция в производстве: умные технологии перестраивают компании. – Harvard Business Review – Россия, ноябрь 2015.
16. Российский статистический ежегодник, 2015.
17. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2017.
18. Эксперт, №43, 2016 (Эксперт, 400).
19. Economic Report of the President, 2017. – Washington, January 2017.

20. Fortune, April 16, 2001, p. 227.
21. Fortune 500, May 2016.
22. *Galbraith J.K. Money. Whence it came, where it went.* – N.Y., Bantam Book, 1976.
23. *Galbraith J.K. The Age of Uncertainty.* – Delhi, Indian Book Company, 1977.
24. *Galbraith J.K. The New Industrial State.* 3rd Edition, - N.Y. A Mentor Book, 1978.
25. *Galbraith J.K., Salinger N. Almost Everyone's Guide to Economics.* – N.Y., Bantam Book, 1979.
26. *Galbraith J.K., Menshikov S. Capitalism, Communism and Coexistence. From a bitter past to a better prospect.* – Boston, Houghton Mifflin. 1988.
27. *Galbraith J.K. Challenges of the New Millennium.* – Finance & Development. December. 1999. P. 2-5.
28. *Graham J.R., Harvey C.R., Popadac J., Rajgopal Sh.* Corporate culture: evidence from the field. – NBER Working paper 23255. – Cambridge, March 2017.
29. *Silk L. The Economists.* – N.Y. Avon Books, 1976.
30. Walmart 2015 Annual Report.
31. *Wang N. A Life in Pursuit of "Good Economics". Interview with Ronald Coase. Man and the Economy. 2014. № 1. P. 99-120.*
32. *World Economic Outlook. April 2017.* – Washington. IMF, 2017.

III

B.T. Рязанов¹

Новое индустриально-технотронное
общество: грядущее под вопросом

¹ Виктор Тимофеевич Рязанов, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ, д.э.н., профессор.

II3

Происходящие после мирового кризиса 2007-2009 гг. процессы в мировой экономике, также как и в России, свидетельствуют о масштабном системном кризисе спекулятивно-финансовой модели неолиберального капитализма, которая господствовала в предшествующие десятилетия и все еще сохраняет свои позиции. Если попытаться дать прогноз будущей трансформации и модельной характеристики наступающей фазы в развитии капиталистической системы хозяйства, то в этом случае вполне оправданно утверждать о возвращении ведущей роли индустриальному сектору и соответственно промышленному капиталу в конкурентной борьбе с финансовым капиталом. В случае его победы настанет время для очередного утверждения новой версии «индустриального общества». В этой связи вполне уместно обращение к теории индустриального общества, которая 50 лет назад была представлена в книге Дж.К. Гэлбрейта².

Что же понимал Гэлбрейт под новым индустриальным обществом? Если кратко суммировать, то это достижение капиталистической общественно-хозяйственной системой нового качества – зрелого индустриализма в рамках государственно-капиталистической модели хозяйства. Ее самыми значимыми были выделены следующие признаки. Это: трансформация конкурентно-рыночного капитализма в планово-регулируемую систему, в которой

² Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриально общество. М., 1969.

ведущую роль играют крупные многоотраслевые и вертикально-интегрированные корпорации. При этом объектом регулирования выступают не только издержки и цены, но и спрос. Соответственно изменяется и их мотивация. Не максимизация прибыли, что присуще фирме в конкурентно-рыночной среде, а обеспечение устойчивости и непрерывности развития – вот что характерно для крупных корпораций при условии поддержания гарантированного уровня прибыли.

Сама эта конструкция трактовалась как своего рода результат «технократической революции» в сфере управления и одновременно как альтернатива социальной революции. Важно подчеркнуть, что рождение нового индустриального общества Гэлбрейтом рассматривалась как внутренняя эволюция капиталистической системы хозяйства, но происходящая под влиянием конвергенции двух общественно-экономических систем в условиях их конкурентного взаимодействия. Соответственно и его прогноз строился на предположении завершения процесса конвергенции с образованием нового типа общественно-экономического устройства смешанного характера, представленного многоукладностью, но при доминировании частно-государственного комплекса.

Более того, в своей следующей работе, опубликованной в 1973 г., Гэлбрейтом была выдвинута программа реформирования, конечной целью которой должно было стать выдвижение проекта «нового социализма»³. Он был нацелен на достижение более справедливого общества за счет, в частности, различных программ выравнивания доходов среди разных групп населения, а также планирования и регулирования для крупных фирм с сохранением свободного предпринимательства для малого и среднего бизнеса.

Вот, если кратко, так можно сформулировать главные идеи и прогнозы о возможном перестроении капиталистической системы хозяйства. Естественно, возникает вопрос, почему предложенные

³ Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М., 1976. С.343-356.

оценки и прогнозы не реализовались. Ведь в реальности произошел разворот капитализма в противоположную сторону – в сторону всеобщей либерализации, глобализма и господства финансократии. Это тема требует основательного анализа, отмечу только два важных момента⁴.

Первое – это то, что сдвиг в сторону господства от промышленного к финансовому капиталу соответствует в целом циклической и внутренней природе капитализма, которая относится не только к производству товаров, но и к циклической смене режимов накопления капитала.

Второе обстоятельство имеет внешнюю природу. И оно связано с крушением социалистического хозяйства как мировой системы и СССР как ее центрального звена. Это не только подорвала саму привлекательность идеи планово-регулируемой экономики, но и создало новое пространство для экспансии капитала, его завоевательного броска на последние неосвоенные территории.

И вот после нескольких десятилетий господства спекулятивно-финансового капитала на глобальных рынках произошел масштабный кризис в 2007-2009 гг., который вновь поставил вопрос о новом развороте капиталистической системы хозяйства. Как ему дальше развиваться? Есть ли у него такой потенциал?

В поиске ответа на поставленные вопросы концепция нового индустриального общества полезна с точки зрения обозначения возможных контуров будущего переустройства мирового хозяйства. Если 50 лет назад эта концепция предлагала путь реформирования капитализма в условиях существования и соревнования двух мировых систем через конвергенцию, то сегодня она полезна в целях поиска разумного выхода из того тупика, в который попал современный капитализм, а значит, для снятия

⁴ Подробнее см.: Рязанов В.Т. Теория неоиндустриального общества Гэлбрейта: глобальная финансократия или новая технологическая революция? // В кн.: Гэлбрейт: возвращение / Под ред. С.Д. Бодрунова. М., 2017. С. 328-339.

остроты возникших противоречий и для преодоления пределов в развитии на основе возвращения к модели госкапитализма, сочетающего рыночные и плановые рычаги в экономике и обеспечивающего социальные приоритеты.

Сегодня реалистичность такого варианта развития подтверждают происходящие серьезные события и перемены в мире, которые пока в большей степени затрагивают политическую сферу. Однако на очереди крупные сдвиги в экономической сфере, что представляется неизбежным. Направленность таких перемен уже подтверждается пусть и еще отдельными изменениями и декларируемыми намерениями, но которые указывают на движение в сторону утверждения новой версии «индустриального общества». Проф. С.Д. Бодрунов ее обозначил как наступление НИО.2 – «нового индустриального общества второго поколения»⁵, что вполне оправданно с точки зрения преемственности с предшествующим этапом в развитии капитализма, который не смог ранее реализоваться в полной мере. Сегодня современную версию индустриализма можно определить как переход к «новому индустриально-технотронному обществу».

Что это такое?

С одной стороны, такой тип общественно-хозяйственного устройства продолжает развивать те качества, которые традиционно присущи доминированию материального производства как основы нормального развития и самого существования человеческого сообщества, с другой – для него характерны новые и существенно отличные черты.

Во-первых, ему будет присуще еще более прочное соединение самого производства с принципиально новыми технологиями, что предполагает повсеместное развертывание и полноценную реализацию потенциала четвертой промышленной (технологической) революции, имея в виду массовое внедрение в производство

⁵ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд.2-е. СПб., 2016.

NBIC-технологий, самонастраиваемую робототехнику на основе искусственного интеллекта, аддитивное производство и т.п.

Во-вторых, усиливается стирание границ между производством материальных благ и производством услуг, что приведет к их взаимопроникновению. И уже можно будет их строго не разграничивать.

В-третьих, если «новое индустриальное общество» в своей прошлой фазе развития формировалось в национально-государственных границах и выступало феноменом самой развитой части мировой капиталистической системы хозяйства, то формирующееся индустриально-технотронное общество приобретает черты мирохозяйственного переустройства. По многим параметрам оно выступает как глобально организованное производство, которое уже стало реальностью при сохранении социо-культурной неоднородности мира. Для него станут характерны совершенно иные скорости распространения новых технологий, новой техники и новых продуктов по всему мирохозяйственному пространству. И в то же время противоречия и ограничения, свойственные капитализму по его природе как способу производства, приобретут еще более и по-настоящему глобальный характер.

Глобальная угроза обострения экологической ситуации в мире, уже сегодня дает о себе знать в самых разных негативных проявлениях в природной сфере. Относительно новыми глобальными становятся проблемы занятости и социального неравенства. Если раньше они решались с той или иной степенью успешности в разных странах и регионах, то уже сегодня нарастающий вал миграционных потоков, который обрушился на экономически более благополучные страны, приобретает значение определяющего кризисного индикатора, который может стать неразрешимой проблемой или, напротив, придать дополнительный импульс к мирохозяйственному переустройству. Ведь уже сегодня неуправляемые миграционные потоки, которые сметают границы, порождены сформировавшимися острыми проблемами «глобальной незанятости» и «глобального неравенства».

В этой связи более подробного анализа заслуживает проблема «незанятости». Предварительно отмечу, что использование машин и технологических нововведений с точки зрения их влияния на занятость – это, пожалуй, ключевая проблема в развитии капитализма, начиная с его возникновения и обращаясь к выявлению перспектив современного развития. Стоит вспомнить о массовом движении лuddитов в Англии в конце XVIII веке. (Между прочим, для его пресечения была даже введена смертная казнь за разрушение машин).

Табл.1. Рост производительности за счет новых технологий⁶

<i>Период</i>	<i>Технологические нововведения</i>	<i>Рост производительности труда</i>
1850-1910	Развитие машинного и поточного производства	0,3%
1993-2004	Механизация и ранняя автоматизация производства	0,4%
1995-2005	Цифровые технологии	0,6%
2015-2065	Роботизация производства	0,8-1,4%

По поводу данной проблемы среди экономистов всегда существовало два подхода, отражающие оптимистические и пессимистические версии о последствия научно-технического прогресса. До последнего периода оптимизм преобладал и в принципе подтверждался реальными процессами, которыми завершались очередные волны внедрения НТП и которые меняли облик производства, создавали новые рынки и обеспечивали рост производительности труда. В табл. 1 приведена оценка роста производительности за счет новых технологий. При этом по прогнозу за счет массового внедрения роботизации производства можно ожидать увеличения роста производительности труда в ближайшие десятилетия.

⁶ Источник: McKinsey Global Institute ((<http://www.mckinsey.com/global-themes>)

Табл.2. Структура занятости в трех секторах экономики развитых стран и БРИКС⁷

	1995			2005			2010		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III
США	2,9	24,3	72,9	1,6	20,6	77,8	1,6	16,7	81,2
Великобритания	2,0	27,3	70,2	1,3	22,2	76,3	1,2	19,1	78,9
Франция	4,9	26,9	68,1	3,6	23,7	72,4	2,9	22,2	74,9
Канада	4,1	22,0	74,0	2,7	22,0	75,3	2,4	21,5	76,5
Германия	3,2	36,0	60,8	2,3	29,7	67,9	1,6	28,4	70,0
Япония	5,7	33,6	60,4	4,4	27,9	66,4	3,7	25,3	69,7
Италия	6,6	33,7	59,8	4,2	30,8	65,0	3,8	28,8	67,5
Россия	17,3	33,1	49,6	10,1	28,0	61,9	8,8	25,5	65,7
Бразилия	26,3	19,8	53,9	20,5	21,4	58,1	17,0	22,2	60,9
Китай	52,2	23,0	24,8	44,8	23,8	31,4	36,7	28,7	34,6
ЮАР	14,3	27,9	57,9	7,8	25,5	66,6
Индия	61,9	15,8	22,3	56,1	19,0	24,9	51,2	22,3	26,4

С точки зрения проблемы занятости, то и она достаточно успешно решалась за счет перемещения рабочей силы вначале из аграрной сферы в сферу промышленного производства, а затем и в сферу услуг. Причем важно подчеркнуть, что такое перемещение позволяло обеспечить переквалификацию работников и в конечном счете привело к образованию среднего класса как защитной подушки, уберегающей капиталистическое общество от серьезных социальных потрясений. О том, что собой представляет структура занятости в глобальном измерении можно видеть в таблице 2, в котором приведены данные по занятости в первичной сфере (аграрно-сырьевая сектор), вторичной – (обрабатывающая промышленность и строительство) и сфере услуг.

⁷ Источник: World Bank: World Development Report 2013. Jobs. Washington, 2012. P.352-353.

Как видно, ситуация с этой структурой в мире неодинаковая, но общая тенденция смещения занятости в сферу услуг вполне просматривается.

Собственно вопрос, который в связи с занятостью возникает, касается того, куда может перемещаться высвобождаемые работники по мере развертывания новой промышленной революции. Оптимистический ответ такой: как и ранее технологические нововведения будут по прежнему создавать новые продукты, новые рынки, и значит, новые области занятости. Однако не следует исключать появление качественно новой ситуации в сфере занятости в условиях развертывания четвертой технологической революции. Речь идет о следующих новых чертах:

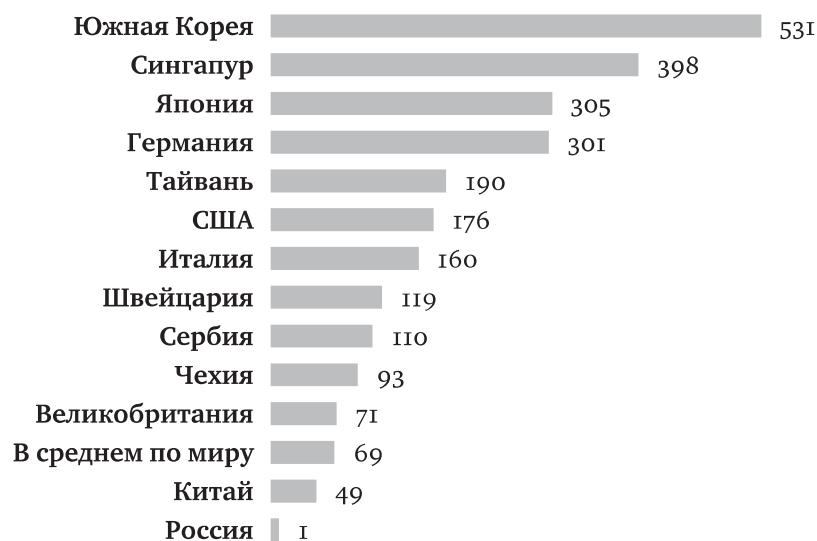
- 1) Существенно возросшая скорость технического прогресса, что снижает возможность своевременной переадаптации сферы занятости.
- 2) Наличие гигантских технологических корпораций (таких как Microsoft, Amazon и т.д.), которые располагают огромными возможностями распространения инноваций по всему глобальному пространству.
- 3) Перемещение процесса трудозамещения за счет действия НТП из сферы производства в сферу услуг.



Рис. 1. Количество эксплуатируемых промышленных роботов по странам (регионам), 2014 г.⁸

⁸ Источник: International Federation of Robotics (IFR).

В качестве иллюстрации ограничусь приведением данных о наращивании процесса роботизации как одного из главных направлений новой промышленной революции. Приведу несколько цифр, касающиеся наращивания процесса роботизации, а для него все более характерным становится широкое использование «умных роботов». На рис.1 приведены данные по наиболее продвинутым странам в использовании промышленных роботов. Всего их в мире в 2015 г. насчитывалось 1,6 млн, а их ежегодный рост прогнозируется с темпом в 12-13%. Отмечу, что в России в 2016 г. насчитывалось 8тыс. промышленных роботов. По данным Национальная ассоциация участников рынка робототехники, среднегодовые продажи роботов в России составляют 500-600 штук, а это всего лишь 0,25% мирового рынка.



*Рис. 1. Количество промышленных роботов на 10 000
работников в 2015 г.⁹*

⁹ Источник: Национальная ассоциация участников рынка робототехники (НАУРР).

Вполне понятно, что степень проникновения роботов (плотность роботизации) в разных странах и отдельных отраслях существенно разнится. На рис.2 представлены соответствующие данные в целом по миру, а это 69 роботов на 10 тыс. работников, а также по отдельным странам. На данный период бесспорным лидером является Юж. Корея. В этой стране на 100 работников приходится 5,3 роботов.

Что касается отраслевого среза в использовании роботов, то это прежде всего автомобилестроение (38%) и электроника (25%). При этом в автомобилестроении США на 1 робот приходится 9 работников. Как показывает практика, внедрение 1 промышленного робота приводит к сокращению 4 рабочих мест.

Если в прошедшем периоде главной областью внедрения роботов и сокращения занятости была промышленность, то уже в последние годы они начинают все более широко внедряться в сервисной сфере. Например, использование банкоматов в США привело к сокращению операционистов в банках с 484 тыс. человек в 1985 г. до 361 тыс. человек в 2010 г. и оно будет нарастать¹⁰.

Или, сфера розничной торговли. Бурное развитие интернет-торговли приводит к массовым сокращениям в этой отрасли, которая отличается наибольшей занятостью в частнопредпринимательском секторе. К примеру, в РФ в торговле занято 12 млн человек. Аналитики, которые изучали статистику американского рынка труда по состоянию на лето 2016 г., сделали прогноз о скором крахе отрасли «классической» розничной торговли. Существующие торговые площади в три раза превышают необходимое сегодня. Интернет торговля уже забрала из розницы не менее 40% реального оборота. При этом онлайн товары в среднем на 30% дешевле, чем в самом супермаркете.

Что касается общих прогнозов по занятости на ближайшие десятилетия, то согласно им почти половина трудовой деятельности в глобальном масштабе может быть автоматизирована с

¹⁰ Ведомости. 2015. 26 февраля.

использованием уже имеющейся технологии и техники¹¹. Причем трудосберегающие технологии получат самое широкое распространение в сфере услуг. Важно выделить и такую деталь: только за счет использования роботов можно будет сэкономить, как дает оценку McKinsey Global Institute, до 15 трлн долл. затрат на зарплату и соответственно обеспечить рост прибылей. Получается так, что главным выгодополучателем от внедрения роботизации становится капитал за счет ущемления интересов наемного персонала. Если не прямая эксплуатация живого труда, так его экономия остается ресурсом для получения прибылей.

Есть еще один пока недостаточно понятный результат развертывания роботизации, который имеет как теоретическое, так и практическое значение. Речь идет о том, что переход к «безлюдной технологии» на основе массового распространения «умных роботов» ставит вопрос об изменении природы экономических отношений. При таком развитии событий можно прогнозировать постепенное вытеснение из системы экономических отношений на периферию такого их звена как отношения по поводу производства благ, а может быть, даже и их исчезновение. Это означает, что новая система экономических отношений будет включать в свой состав в качестве основных отношения обмена, распределения и потребления.

К этому надо прибавить и еще ряд неоднозначных последствий перехода к «безлюдной технологии» в сфере материального производства, связанных с характеристикой стоимости и ее трудовой основой. Если стоимость – это овеществленный в продукте труд, то каким станет механизм формирования цены производимых товаров без участия «живого труда»? Наконец, сами рыночные отношения могут претерпеть существенную коррекцию.

Поставленные вопросы важны для понимания общего контекста назревающих общих перемен в экономике, также как и

¹¹ <http://www.mckinsey.com/global-themes/digital-disruption/harnessing-automation-for-a-future-that-works>.

для характеристики перспектив разрешения проблемы занятости как наиболее острой в составе практических проблем функционирования нынешней хозяйственной системы. То, что ситуация на рынках труда в перспективе может резко обостриться, способна ее подвести к масштабному кризису и даже самому существованию. Не случайно, что опасность «возвышения роботов» сегодня обсуждается не только писателями-фантастами, но об этом уже пишут экономисты¹².

Это означает, что необходимо задуматься о разработке новых и нестандартных путей решения проблемы растущей «незанятости». В ЕС сегодня уровень безработицы около 10%, а в таких странах как Греция, Испания - даже приближается к 25% трудоспособного населения. Опять же по прогнозам в период до 2025 г. ожидается появления 200 млн новых безработных в мире. Острота проблемы занятости не избежать и нашей стране. По некоторым прогнозам, к 2040 г. может произойти сокращение до 20 млн рабочих мест.

Какие сегодня выдвигаются способы решения проблемы незанятости?

Самый оптимистический вариант связан с расчетом на то, что рынок, как и ранее, создаст новые рабочие места благодаря появлению новых продуктов и соответственно рынков и сфер занятости. В его подтверждении обычно приводится оценка последствий внедрения новых технологий в последние десятилетия. Согласно ему, освобождаемое одно рабочее место в сфере материального производства развитых стран сопровождалось созданием дополнительных 3 рабочих мест в производстве развивающихся стран и в обслуживающих сферах. Кроме того, считается, что многоотраслевой состав сферы услуг имеет еще не до конца использованную возможности по перемещению работников внутри нее.

¹² См.: Ford M. Rise of The Robots: Technology and The Threat of A Jobless Future. N.Y., 2015.

Вместе с тем следует признать реальной опасность вытеснения роботами рабочих мест для людей. Одним из подходов в ее снижении предлагается установление налога на роботы, чтобы умерить заинтересованность бизнеса в использовании роботов и в сокращении работников. К примеру, такое предложение высказывал Б. Гейтс. Стоит отметить, что в 2016 г. Европарламент отклонил предложение о введении такого налога, считая, что оплачиваемый налог с прибыли достаточен для воздействия на бизнес. При этом в ЕС разрабатывается нормативный документ о юридическом статуте для роботов, имея в виду определение круга лиц, ответственных в случае причинения ими вреда.

Еще один вариант гашения возможных негативных последствий роботизации производства, как и других трудосберегающих технологий, связан с выдвижением давней идеи, которая в современной версии получила название «безусловного базового дохода для населения». Такой вариант предполагает регулярную выплату установленной суммы всем членам сообщества, вне зависимости от уровня дохода и без необходимости трудоустройства. Его смысл в том, чтобы разорвать жесткую зависимость благосостояния людей от их трудовой занятости. Одновременно его можно рассматривать в качестве альтернативы социалистическим проектам национализации и сворачивания рыночных отношений. О такой целесообразности писал американский экономист Томас Пейн еще в конце ХVIII в., в дальнейшем аналогичные проекты выдвигались в виде организации выплат «социального дивиденда», также как и «социального кредита».

Стоит отметить, что первый общеевропейский опрос, проведенный в апреле 2016 года, показал, что 64 % жителей Евросоюза поддержали бы введение безусловного базового дохода. Хотя в Швейцарии на референдуме эта идея не получила поддержки. С 2017 г. в Финляндии проводится эксперимент с введением базового дохода для 2 тыс. безработных. Вместо пособия по безработице они получают 560 евро в месяц. При этом базовый доход будет выплачиваться, даже если человек устроится на работу.

Наконец заслуживает внимания прогноз Дж.М. Кейнса, который он сделал в 1931 г. в разгар Великой депрессии. Английский экономист прогнозировал, что должно произойти в экономике через 100 лет, т.е. к 2030 г.¹³ Важно подчеркнуть, что в этой статье он особое внимание обратил на трудосберегающий характер НТП. Хотя использование его достижений способно разрешить все проблемы с материальной обеспеченностью населения, но и одновременно он неминуемо будет и дальше обострять проблему занятости. Тем не менее Кейнс доказывал, что ее можно будет разрешить, если рабочий день будет сокращен до 3 часов, а рабочая неделя – до 15 часов. Такое сокращение будет возможно, поскольку развивающееся производство на основе НТП окажется способным удовлетворить потребности всех людей. Тем самым за счет такого сокращения можно будет решить две проблемы: сохранить занятость и переориентировать людей на свободное время как условие их более гармоничного развития. Но чтобы это случилось должна измениться мотивация людей. От накопления материального богатства и потребительской экспансии должно прийти познание «искусства жизни как таковой». Такой был прогноз Дж.М. Кейнса. Осуществится ли он?

Казалось бы, что такое сокращение рабочего дня способно, по крайней мере, смягчить остроту проблемы занятости. Не случайно в ряде стран проводятся соответствующие эксперименты. Так, в Швеции проверяется вариант с переходом на 30-часовую рабочую неделю. Однако при всей полезности сокращения рабочего времени в интересах сохранения рабочих мест важно учитывать такое обстоятельство. Дело в том, что в современной капиталистической экономике свободное время как безусловное благо для обеспечения гармоничного развития человека превратилось в такую же область по существу потребительского манипулирования со стороны «индустрии потребления». Произошло то, чего не предвидел Кейнс.

¹³ Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. №5.

Таким образом, разрешение проблемы «незанятости» в конечном счете заключается в том, в какой системе экономических отношений она будет решаться. Будет ли она подчинена интересам извлечения прибыли или возобладают иные интересы и цели?

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб., 2016.
2. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М., 1969.
3. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества. М., 1976.
4. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 5.
5. Рязанов В. Т. Теория неоиндустриального общества Гэлбрейта: глобальная финансократия или новая технологическая революция? // В кн.: Гэлбрейт: возвращение / Под ред. С.Д.Бодрунова. М., 2017.
6. Ford M. Rise of The Robots: Technology and The Threat of A Jobless Future. N.Y., 2015.

Г.Н. Цаголов¹

Революция Гэлбрейта

¹ Георгий Николаевич Цаголов, профессор Международного университета в Москве, д.э.н., профессор, член-корр. РАЕН.

В науке это был революционер, подвергавший критике старый капитализм и указывавший пути его радикального реформирования в интересах большинства.

Станислав Меньшиков

Биографы называли его «экономистом, держащим зеркало перед обществом». Но он к тому же, как будто обладал ещё и рентгеном, позволяющим видеть то, что скрыто в глубине и неведомо другим.

Мне посчастливилось познакомиться с этим великим человеком в 1990 г. Одной американской консультационной фирмой в Париже был организован международный семинар на тему: «Будущее Советского Союза и Восточной Европы». В числе приглашенных участников, помимо Гэлбрейта и Меньшикова, оказался и я. Высокий, двухметрового роста Гэлбрейт, выступая с докладом и в дискуссии, зажигал аудиторию, искрометно шутил. Вечером организаторы встречи пригласили нас поужинать в известный ресторан «Максим». Находящийся в центре внимания почтенный мудрец держался просто и непринужденно.

Он всегда был непревзойденным оратором, и когда начинал говорить, в зале царила абсолютная тишина. В Гарварде, где он читал лекции после Второй мировой войны, аудитории переполнялись студентами, многие слушали его стоя. Сложные экономические материи с мастерством доносились им до каждого слушателя и перемежались с юмором.

Недавно мне довелось разговаривать с Л.А. Клименко – вдовой С.М. Меньшикова, который написал совместную с Гэлбрейтом книгу: «Капитализм, социализм, сосуществование». М., Прогресс», 1988. Меньшиков был когда-то моим научным руководителем по

кандидатской диссертации, а позже мы стали друзьями. Лариса Александровна просила передать большой привет и благодарность организаторам этой конференции, а я попросил её рассказать о том периоде, когда создавалась их совместная с Меньшиковым работа. Они тогда жили в доме Гэлбрейтов в Вермонте, где стенографистка ежедневно с утра и до обеда записывала их беседы к которым они готовились с предыдущего вечера. Затем они редактировали и переписывали текст. Когда книга была написана и опубликована, их приглашали выступить на презентациях во многих университетах, газетах, радио и телевидению. Встречи проходили так живо, что их называли «экономическими кабаре».

Гэлбрейт был не только великий ученый. Он был дипломатом, послом в Индии, являлся спичрайтером президентов США Джона Кеннеди и Линтона Джонсона, занимал важные должности в госаппарате. Ниже, приводятся некоторые из его афоризмов, ставших достоянием мировой культуры.

Новое индустриальное общество

В связи со столетием Дж.К. Гэлбрейта, не дожившего до юбилея два с половиной года, в 2008 г. в России одним объемистым и красочным томом вышли его сочинения: «Джон Кеннет Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. Избранное». Издатели «Эксмо» в названии выделили главное в его творчестве. Он написал немало и других блистательных работ, но именно эта принесла ему мировую славу. Она появилась одновременно в США и в Англии в 1967 г. – ровно 50 лет тому назад, а через два года вышла и на русском языке.

Книга сразу же стала событием среди экономистов. Помню, как мой отец – Н.А. Цаголов, глава кафедры политэкономии экономического факультета МГУ, руководитель авторского коллектива, создавшего известный «Курс политической экономии», –

как-то в беседе проронил: «Гэлбрейт – гений нашего времени». Отец внимательно следил за новинками западной экономической мысли. Ни о каком-либо другом зарубежном исследователе своего времени он так никогда не отзывался.

Под революцией Гэлбрейта имеется в виду не социально-политическая, а научная революция. Каждый ученый должен вносить какую-то новизну в науку. Но мало кто является в ней революционером. Гэлбрейт им стал. Он перевернул представления о капитализме. Произошло это не сразу и не случайно. Он обладал мятежным духом. У великого человека бывают великие учителя. На пустом месте ничего не возникает. Его кумирами в науке являлись Торстейн Веблен и Джон Майнард Кейнс. Гэлбрейт был влюблён в работу Веблена – «Теория праздного класса». «Влияние Веблена, – писал он, – продолжалось очень долго. Хотелось, чтобы и одна из моих работ вызвала раздражение у тех людей, которые удобно устроились на высоких тепленьких должностях. Только потом я стал понимать, что эти люди вообще редко что-либо читают»².

Суть революции Гэлбрейта состоит в подрыве основного постулата учебников по экономике, в том числе и наиболее известного из них Поля Самуэльсона. На Западе, как известно, утверждалось мнение, что главным регулятором экономики капитализма является рынок, из чего вытекает превосходство покупателя над производителем. Гэлбрейт доказывает обратное. Рыночные отношения остались лишь во второстепенной части экономики. В доминирующем же мире крупных корпораций их вытеснила противоположная рынку «планирующая система». И произошло это в силу целого ряда обстоятельств.

Власть в большом бизнесе перешла от акционеров к группе лиц, включающих управляющих, специалистов, и других носителей знаний, которых Гэлбрейт называет *техноструктурой*.

² Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008, с. 14.

Решения принимаются коллегиально, но не столько в интересах акционеров, сколько в интересах этой корпоративной бюрократии, которая стремится к обеспечению стабильного роста компании, что приносит её членам надежные оклады и бонусы, способствует сохранению должностей и карьерному росту. В случае увольнения для них заботливо готовятся «золотые парашюты».

Стремясь отгородиться от превратностей рынка, техноструктура с помощью рекламы и других средств оказывает на потребителя мощное воздействие, навязывая ему все новые модификации своей продукции и заставляя его покупать то, что её нужно.

Между тем, малый и средний бизнес по-прежнему не располагают такими возможностями воздействия на рынок. Они с трудом выживают в острой конкурентной борьбе между собой и под гнетом большого бизнеса. Таким образом, в экономике, по Гэлбрейту, возникла бимодальная (двойственная) система. Но в учебниках по «экономикс» по-прежнему исходят из доминанты законов рынка, что совершенно неверно и требует пересмотра. Однако, как замечает Гэлбрейт, эти учебники служат самим авторам, но не научной истине.

Итак, рынок «отдвигается», а техноструктура планирует. Хорошо ли это? Не очень. Почему? А потому что эта планирующая система работает на корпоративную бюрократию, в ущерб обществу. И Гэлбрейт показывает как усиливается влияние военно-промышленного комплекса в США, о чем в свое время предупреждал еще президент Д. Эйзенхауэр. В военной сфере, где существует контрактная система, соединяются две бюрократии – частная и государственная. А две бюрократии сильнее и вреднее, чем одна.

Гэлбрейт предлагает национализировать военные концерны, что ограничило бы лоббизм и гонку вооружений. В связи с этим он прямо говорит о том, что «новый социализм... навязывается обстоятельствами». Но к выводу о «новом социализме» подводит не только это. К тому же подталкивает и общая необходимость искоренения пороков, связанных с расширяющейся властью техноструктуры. Поэтому Гэлбрейт призывает к расширению зоны

«нового социализма» и внедрению централизованного планирования, охватывающего основные пласты американской экономики. «Требуется, — пишет он, — планирование, которое отражает не интересы плановых органов, а общественные интересы»³. При этом, считает Гэлбрейт, в этом заинтересована и часть «рыночной системы», поскольку такие её области, как медицина, образование или искусство, нуждаются в защите и государственном регулировании.

Высказанные «социалистические» идеи спровоцировали травлю Гэлбрейта со стороны американского экономического сообщества и политического истеблишмента. Одни тщились отлучить его от экономической науки и заявляли, что «Гэлбрейт не экономист, а социолог». Другие не останавливались перед грубой руганью, не имеющей ничего общего с академическими традициями. Так гарвардский профессор, будущий лауреат Нобелевской премии по экономике Роберт Солоу поместил в университетских ученых записках непристойный пасквиль. Между тем Гэлбрейт лишь беспристрастно констатировал объективные тенденции экономического развития и высказывал вытекающие из этого рекомендации по реформированию американского общества. «Форчун» — журнал, в котором он когда-то работал, — теперь уже предостерегал читателей: «Гэлбрейт подрывает существующее логическое обоснование капитализма». Естественно тем самым он навсегда закрыл себе дорогу в Нобелевские лауреаты.

Особый интерес представляет заключительная часть книги «Новое индустриальное общество» — «Приложение о методе экономических исследований и особенностях дискуссий по социальным вопросам». Она начинается с вопроса о специализации. Гэлбрейт отмечает, что его книга не ограничивается анализом узкого круга вопросов и что при её написании он использовал многие труды в качестве опорных конструкций. «Но все же следует помнить, — замечает Гэлбрейт, — что специализация в науке —

³ Там же. С. 606.

это удобство, а не добродетель»⁴. Конечно, нельзя прийти к верным обобщающим выводам о сути общества и магистральных тенденциях его развития без предварительного исследования и уяснения важнейших сторон современной действительности, глубоких знаний основ философии, экономической теории и истории. Ведь ещё Маркс подмечал: «В науке нет широкой столбовой дороги и только тот может достичь её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым уступам»⁵.

В связи с этим Гэлбрейт высказывает мысль, что исследование крупного пласта изменений предполагает необходимость дополнить, а возможно и по-новому осветить работы узких специалистов. И не без элементов сарказма формулирует следующий вывод: «В экономической науке (и в общественных науках в целом) правомерно проводить различие «между квалифицированными и неквалифицированными работами. Что же касается различия между работами широкого и узкого профиля, то здесь имеется меньше оснований для категорических суждений, понятных только в том случае, когда человеку, восхваляющему свою собственную линию, необходимо поддержать чувство уважения к самому себе»⁶.

В работах Гэлбрейта вообще, книге «Новое индустриальное общество», в частности, читатель не встретит таблиц или графиков, часто находящихся в иных экономических исследованиях. Его труды отличаются на редкость ясным выражением мыслей. Эта непринужденность и раскованность стиля, по словам Гэлбрейта, «приходит, когда я работаю над четвертым или пятым вариантом рукописи»⁷. Задача, связанная с изложением материала, представляется Гэлбрейту ещё более трудной, чем задача

⁴ Гэлбрейт Дж.К. «Новое индустриальное общество», издательство «Прогресс», М.: 1969, с. 465.

⁵ Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т.23. С. 25.

⁶ Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество, с. 468.

⁷ Там же, с. 31.

исследования. «В экономической науке мало имеется (если вообще имеется) таких дальних идей, которые нельзя выразить понятным языком. Неясность изложения редко свидетельствует (если вообще когда-нибудь свидетельствует) о сложности рассматриваемого вопроса и никогда не служит подтверждением недосягаемости учености. Она обычно говорит либо о неумении излагать предмет, либо – что бывает чаще – о путанных или незрелых мыслях»⁸.

О конвергенции

Тезис о конвергенции двух противоположных социально-экономических систем красной нитью проходит через всю книгу Гэлбрейта. В последней главе – «Будущее индустриальной системы» – он объясняет и то, почему эта концепция не будет признана в скором времени: «Из всех слов, имеющихся в лексиконе бизнесмена, менее всего ласкают его слух такие слова, как планирование, правительственный контроль, государственная поддержка и социализм. Обсуждение вероятности возникновения этих явлений в будущем привело бы к осознанию того, в какой поразительной степени они уже стали фактами... Размышления о будущем выявили бы также важность тенденции к конвергенции индустриальных обществ, как бы ни были различны их национальные или идеологические притязания. Мы имеем в виду конвергенцию, обусловленную приблизительно сходной системой планирования и организации... Сказанное здесь о конвергенции двух систем *не скоро получит всеобщее признание* (выделено мной – Г.Ц.) Люди, толкующие о непроходимой пропасти, отделяющей свободный мир от коммунистического мира и свободное предпринимательство от коммунизма, защищены от сомнений столь же догматической уверенностью, что, какова бы

⁸ Там же, с. 469.

ни была эволюция системы свободного предпринимательства, она никак не может стать похожей на социализм. Но перед лицом очевидных фактов эти позиции можно отстаивать лишь временно... Ничто, пожалуй, не позволяет лучше заглянуть в будущее индустриальной системы, чем установление факта конвергенции, ибо в противоположность нынешним представлениям оно подразумевает, что этой системе может быть обеспечено будущее»⁹.

Гэлбрейт оказался провидцем. Теории конвергенции и в самом деле «не повезло». Она долгое время оказывается невостребованной общественной наукой. Главная причина – идеологические и классовые факторы. А в социальной науке они весьма значимы.

Между тем, практические предтечи конвергенции появились ещё в 20-х годах прошлого века. После Октября 1917 года большевики, радикально руководствовавшиеся антикапиталистическими канонами, взяли курс на национализацию. Неготовые к такому повороту событий производительные силы страны заупрямились. Разразился экономический кризис, усугубленный мировой и гражданской войной, интервенцией и прочими обстоятельствами. Возникли голод и реальная угроза падения новоиспеченного режима. Но Ленин не был бы им, если бы не вышел из ситуации. Чтобы не нарушать открытый Марксом закон соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил был введен НЭП. Командные высоты в политике и экономике оставались в руках большевиков, но вместе с тем открыли шлюзы капитализму. В итоге образовалась многоукладная экономика, симбиоз социализма и капитализма, что дало мощный толчок экономическому росту. Будь Ленин жив, кто знает, сколько времени бы ещё продолжался НЭП. Но Ленин умер и вскоре почил и НЭП.

В статье «О кооперации», входящей в так называемое завещание Ленина, высказана загадочная мысль: «Мы вынуждены

⁹ Там же, с 452–455.

признать коренную перемену всей точки зрения на социализм»¹⁰. Что конкретно Владимир Ильич имел под этим в виду остается тайной. Не необходимость ли длительного сожительства разнородных экономических систем под одной крышей?

Подчеркнем, что именно НЭП дал первый пример эффективности, благотворной комбинации социализма и капитализма, плана и рынка. Не будем распространяться о том, почему НЭП был так быстро свернут. На то были свои субъективные и объективные причины. Вытеснившее капитализм «беспримесное» плановое хозяйство несколько десятилетий обеспечивало Советскому Союзу быстрое развитие, но затем привело к упадку и даже краху системы. После этого страна стремительно бросилась в другую сторону – рынка и капитализма, и теперь большую часть времени пребывает либо в кризисе, либо в стагнации.

Между тем знамя конвергенции подхватили другие страны – и на Западе и на Востоке. Опыт канувшего в Лету социализма в нашей стране не прошел даром. Запад впитал в себя ценные социалистические идеи и черты, перенял у него, в частности, централизованное планирование, правда, в более гибких формах. Тем самым он заметно укрепил свои позиции в мире. Практическими шагами в сторону конвергенции были и социал-демократические преобразования в Югославии, ряде европейских, особенно скандинавских странах. Но больше других в этом отношении в последние десятилетия продвинулись Китай и Вьетнам.

К теме о конвергенции Гэлбрейт не раз возвращается и во многих других работах. Так в 1980-х годах он пишет: «Движущие силы организации крупномасштабного производства свойственны не только капитализму. То же касается и побудительных мотивов. Я изучал их в Советском Союзе и пришел к следующему удивительному заключению. Крупным организациям, где бы они ни существовали, свойственны одинаковые движущие силы. Крупная капиталистическая корпорация и крупный социалистический

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 45. М.: Политиздат, 1969 с. 376

комбинат имеют примерно одинаковую организационную структуру; перед ними стоят одни и те же сложности: они предъявляют свои требования и оказывают воздействие на окружающее их общество. Побудительные мотивы – желание получить одобрение коллег, идентификация с задачами организации, стремление приспособить их к своим собственным – похожи, если не одинаковы. Современная капиталистическая организация и развитая социалистическая организация не противостоят друг другу. В широком смысле они движутся друг к другу – не к неизбежной власти рынка, а к установлению общих требований технологии и массового производства, к созданию соответствующей планирующей организации, к аналогичным побудительным силам»¹¹.

Новое интегральное общество

Мысль о конвергенции в работах ряда отечественных и зарубежных ученых получила второе дыхание. Правда, теперь уже акценты расставлены несколько по-другому. Рассуждают о построении оптимальной общественной модели как комбинации преимуществ капитализма и социализма и отсечении или минимизации их пороков. Надо сказать, что мировая практика последнего времени дает немало козырей приверженцам таких взглядов. Вместе с тем признание правоты конвергентных взглядов по ряду указанных выше причин не происходит столь быстро, как бы хотелось. Похоже, что для этого потребуется еще немало усилий, времени, доказательств и обстоятельств.

В связи с непреложными успехами Китая множатся трактовки его «экономического чуда». Некоторые объяснения сводятся к тому, что он совершил переход от плана к рынку, от социализма к капитализму. Но они не верны. На самом деле там

¹¹ Гэлбрейт Дж.К. Избранное, с. 1019.

поддерживается плодотворный симбиоз плана и рынка, социализма и капитализма. Там сформировалось конвергентное, или интегральное общество. И это придает синергетики обществу. Дэн Сяопин и его последователи не разрушали плановое хозяйство, а проводили в нем демократические преобразования и добавляли к нему рыночные регуляторы. Результат: 39-й год подряд, как страна развивается без кризисов, темпы роста самые высокие. По ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, Поднебесная, обойдя США, вышла уже в 2014 году на первое место в мире. Продолжительность жизни превысила 75 лет.

Глава КНР Си Цзиньпин, выступая на Генеральной Ассамблее ООН осенью 2015 года, заявил, что всякая процветающая экономика помимо «невидимой руки» рынка должна использовать «видимую руку» государственного управления. В докладе секретаря ЦК КПК профессора Янг Джинхайя на первом мировом марксистском конгрессе в Пекине в октябре 2015 года, где довелось быть, говорилось: «Суть китайского пути состоит в нахождении правильного баланса между социализмом и капитализмом. В экономике это означает установление разумных пропорций между административными и рыночными отношениями...»¹².

Вьетнам последовал китайскому примеру. Централизованное планирование не ликвидировали, а сделали более гибким. План и рынок совмещали друг с другом, а оптимальный баланс между ними поддерживался руководством страны. Сохранялось планирование важнейших видов продукции, хотя сужался круг устанавливаемых показателей и уменьшался контроль над ценами на базовые виды товаров и услуг. Страна развивается чрезвычайно быстро и также бескризисно.

В Индии наряду с рыночным регулятором действует и плановый регулятор. Возглавляемая премьером страны Плановая комиссия

¹² World Congress on Marxism 2015. Marxism and the Development of the Human Race. October 10 – 11, 2015 Beijing, p. 39.

определяет стратегические цели развития, реализуемые посредством пятилетних планов, носящих преимущественно индикативный характер. В ней работают эксперты высшего класса, опирающиеся на разработки специализирующихся научных учреждений. В основе текущей 12-й пятилетки лежат результаты работ и рекомендаций сети исследовательских организаций, существующих при каждом министерстве, а также Центральной статистической службы. Темпы роста экономики Индии последнее время не уступают Китаю, а временами даже обгоняют их.

На постсоветском пространстве конвергентные тенденции явственно обнаруживают себя в Белоруссии и Казахстане. Лидеры обоих государств не скрывают, что в ходе преобразований они руководствовались идеями ленинского нэпа и китайских реформаторов.

Такая интеграция преимуществ социализма и капитализма наталкивает на мысль о свершающемся переходе человечества к новому интегральному обществу.

Седьмая формация

Спрашивается, каково же историческое место этого общества? На этот вопрос напрашивается ответ: это новая седьмая по счету формация. Почему седьмая? Дело в том, что помимо первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической формации немецкими классиками и многими другими исследователями справедливо упоминалась ещё и азиатская формация. Она, как известно, предшествовала рабству у древневосточных народов, и зиждалась на господстве бюрократии в условиях доминирования общественной собственности на землю и основные средства производства. В годы советской власти о ней особенно не распространялись, так как она чем-то напоминала реально существующий бюрократический социализм.

Высказанный тезис о переходе человечества к седьмой формации не раз уже высказывался автором этих строк¹³. И пока что не встречал сколько-нибудь убедительной критики, как впрочем, и особой поддержки. Таким образом, практика пока идет впереди теории. В этом нет ничего удивительного. Но те, кто игнорируют этот опыт, будут отставать от других. Те же, кто пусть с опозданием, но примут его на вооружение, смогут быстро развиваться, ибо интегральная формация оптимальна с точки зрения комплексного решения важнейших и прочно взаимосвязанных проблем: экономического роста, социальной справедливости, развития личности и свобод человека.

Представляется, что теория седьмой формации особо важна для нашей страны, оказавшейся в итоге ошибочно проведенных реформ в системе координат зависимого от Запада бюрократического-олигархического капитализма. Она служит ориентиром для коренной смены парадигмы общественного развития и оптимальной экономической политики. Возможности движения к этому эволюционным путем пока ещё сохраняются.

Симбиоз капитализма и социализма или наоборот социализма с капитализмом сегодня как правило не вызывает спора у теоретиков. Более того, считается, что смешанное общество идет на смену «доконвергентным» системам чуть ли не в большинстве стран. Логически же следующий из этого вывод о развитии новой седьмой формации пользуется значительно меньшей популярностью. Между тем в пользу такого умозаключения говорит многое. Теоретическая закостенелость вступает в конфликт с неопровергнутыми фактами современности, подтверждающими данный тренд. Оптимальность конвергентной модели для решения задач быстрого экономического роста и социальной гармонии становится все более очевидной.

¹³ См., например, книгу «Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика» под ред. Г.Н. Цаголова. М.: ЛЕНАНД, 2016, с. 117 – 134.

Демонтаж всякой общественно-экономической системы предполагает проект создания новой. Некоторые могут, конечно, сказать (и говорят), что они выступают за нормальный капитализм, или капитализм с человеческим лицом. Мнение других – вернуться к социализму в его обновленном и лишенном прежних недостатков виде. Однако оба варианта представляются не вполне адекватными и конкретными. И в самом деле, где начинается и заканчивается норма? Или каковы гарантии, что во втором случае мы не наступим на прежние грабли?

Когда социализм потерпел поражение, вопрос о конвергенции был отодвинут в сторону и оказался на задворках общественно-политической жизни. К рассуждениям о необходимости оставления или включения хоть каких-то коммунистических начал в развитие общества и экономики по понятным причинам перестали прислушиваться. Многие теоретики избегали называть вещи своими именами, опасаясь быть обвиненными в призывах «вернуться к старому».

Вследствие закрепленной в Новой конституции России «деидеологизации» возвысились приверженцы рыночного фундаментализма. Утвердившийся на долгие годы либеральный мейнстрим неизбежно вел к все большему теоретическому застою. Вместо перехода от бюрократического социализма к интегральному обществу, в нашей стране совершился регресс. Известный мыслитель А.А. Зиновьев неспроста окрестил перестройку «катастройкой». Впрочем, какая-то конвергенция все же состоялась: было взято худшее от социализма и капитализма, а лучшее ликвидировано.

Ключ к новой идеологии

Теория интегрального общества дает и ключ к формированию новой идеологии России. 30 лет назад М.С. Горбачев прокламировал необходимость перестройки и вместо бюрократического социализма поставил цель создать его демократический вариант.

Вместо него мы оказались в системе координат олигархического капитализма. Концепция седьмой формации может явиться трамплином для того, чтобы нам всё-таки найти и выработать свою идеологию. Нельзя же все время оставаться без неё.

Непреложные факты новейшей истории указывают на непреходящую значимость формационного подхода. Современным производительным силам и производственным отношениям требуется сочетание социалистических и капиталистических начал, принципов планового и рыночного хозяйствования. Тезис о «вечности» или «естественности» капитализма, столь же далек от действительности, сколь мнение об «искусственности» или «рукотворности» социализма. Обладая рядом неоспоримых преимуществ, обе формации вполне «объективны» и имеют место в истории человечества не случайно. Однако обе они внутренне противоречивы, неустойчивы и требуют взаимодействия и поддержки. Именно поэтому наиболее быстрорастущие и гармонично развивающиеся страны мира приняли интегральную систему за основу их жизнеустройства.

Признавая принципиальную верность формационного подхода нельзя не отметить и необходимости его развития. Капитализм действительно является исторически преходящим строем. И Маркс был прав, указав на социалистическую тенденцию развития человечества. Однако коммунизм представляется очередной утопией, не подтверждаемой мировой практикой. Да и социализм в чистом, ортодоксальном и изолированном от капитализма виде, терпит крах, увы, не случайно. Те страны, которые продолжают развитие, оставаясь целиком на его платформе, находятся в незавидном положении. Стало быть, прокладывающий себе дорогу симбиоз лучших черт капитализма и социализма есть наиболее перспективная ветвь общественного развития. Интегральное общество приходит на смену и капитализма и чисто социалистической практике. Такая коррекция формационного подхода важна для построения верной экономической стратегии и выработки новой идеологии нашего государства.

Концепция интегрального строя и такое видение будущего расходятся с теориями постиндустриализма и многими другими подобными определениями, характеризующими радикальные сдвиги, совершающиеся в производительных силах общества. Понятия капитализм, социализм и интегральный строй включают в себя, прежде всего, характеристику общественных отношений между людьми складывающихся в процессе производства, распределения и обмена материальных благ на различных ступенях развития человеческой цивилизации. Понятия постиндустриального, технотронного или информационного общества абстрагируются от такой сущностной стороны, подчеркиваемой сторонниками информационного подхода. Если быть последовательным, то им тогда не надо признавать правомерными категории капитализм и социализм. Короче говоря, линия: капитализм, социализм, постиндустриализм – никак не выстраивается.

Движение к седьмой формации в России может обеспечить постепенное введение прогрессивного налога и внедрение планомерности в виде ее инструмента – планового хозяйства. В экономике должны работать два регулятора и требуется к тому же находить оптимальный баланс между ними.

Новый интегральный способ производства должен служить ориентиром и целью демонтажа бюрократическо-олигархического капитализма. В связи с этим необходима коррекция информационного подхода и использование положительных наработок подхода цивилизационного, учитывающего исторические, национальные и прочие особенности нашей страны.

Критики концепции интегрального общества часто указывают на его внутреннюю противоречивость, или как нередко говорят «эклектичность», а отсюда вытекающую из этого неустойчивость, возможность скатывания либо к капитализму, либо к социализму. Что ж угрозы такого рода возможно и существуют. Но ветер времени все же раздувает паруса именно такой формации.

В человеческой природе социальные начала сосуществуют с эгоизмом. Считается, что Адам Смит полагал, что с помощью

«невидимой руки» рынка общество всегда будет двигаться к идеальному состоянию. Правда, такая интерпретация его идей апеллирует главным образом к работе «Богатство народов», игнорируя не менее важный и также основополагающий труд классика – «Теория нравственных чувств». В нем Смит делал упор не только на эгоизм, но и на социальное сознание людей. Эта книга начинается со слов: «Какую бы степень эгоизма мы бы не предположили в человеке, природе его, очевидно, свойственно участие к тому, что случается с другими, участие, вследствие которого счастье их необходимо для него, даже если бы оно состояло только в удовольствие быть его свидетелем»¹⁴. Поэтому неверно сводить мысли Смита к утверждению, что все человеческие особи стремятся лишь к получению выгоды или к максимизации прибыли. Более того, понятие разумный эгоизм включает в себя и вклад в социальное благо. Ведь жизнь человека зависит во многом и от процветания того общества, в котором он живет, а также от судьбы человечества, утратившего в ракетно-ядерную эпоху свою бессмертность.

Немецкие классики и их последователи наоборот делали акцент на справедливости и социальных аспектах, ставили их во главу угла. История показывает, что нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития.

С утверждением этой концепции и принятием её на вооружение российским истеблишментом появляется возможность верной интерпретации нашей экономической истории, понимания допущенных просчетов, видение нашего будущего, императивов и магистральных тенденций развития человечества.

Приведем несколько афоризмов Дж.К. Гэлбрейта, ставших крылатыми фразами:

– В политике нет ничего более достойного восхваления, чем короткая память

¹⁴ Смит А. Теория нравственных чувств. И.: Республика 1997, с. 31.

— «Всякая успешная революция — это удар ногой в прогнившую дверь».

— «В любой крупной организации значительно безопаснее ошибаться вместе, чем быть правым в одиночестве».

— «Совещания незаменимы, если вы решили ничего не делать».

— «Экономическая наука чрезвычайно полезна как форма занятости экономистов».

— «Единственная функция экономического прогноза состоит в том, чтобы астрология выглядела более респектабельно».

— «Самое счастливое время в жизни человека — после первого развода».

Хотелось бы заметить, что сам Гэлбрейт не испытал такого «счастья», у него была одна прекрасная супруга — Китти — и трое замечательных детей, один из которых, — известный американский экономист и общественный деятель, профессор Техасского университета Джеймс Кеннет Гэлбрейт здесь с нами. Джон Кеннет Гэлбрейт прожил долгую и достойную жизнь, он был счастливым человеком. Он тесно общался с главами США и Индии, имел много интересных контактов. Лариса Александровна Меньшикова рассказывает, что когда они жили у них, то комнаты, в которой они находились, называлась «комнатой Джеки» — Джеки Кеннеди. Джон Кеннеди был его студентом, и он со своей женой были частными гостями. Да и она одна, когда приезжала, останавливалась там.

Сергей Дмитриевич Бодрунов сделал хорошее дело, организовав издание работы «Гэлбрейт: возвращение» и собрав всех нас по случаю 50-летия выхода в свет революционного хита Дж.К. Гэлбрейта. Спасибо ему за это. Впереди нас ожидает ещё одна примечательная дата: 15 октября 2018 г исполнится 110 лет со дня рождения Дж. К. Гэлбрейта. Не забудем и этот его день тоже. И отметим его. Либо в России, либо в Америке, если нас туда пригласят.

Раздел 2.
Новая индустриальная
экономика: Россия
и мировой контекст

I50

А.Г. Аганбегян¹

Как возобновить социально-
экономический рост в России?

¹ Абел Гезевич Аганбегян, заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д.э.н., профессор, академик РАН.

I52

Пятый год (2013-2017 гг.) Россия находится в стагнации и рецессии. После двухлетней рецессии в позапрошлом и прошлом годах в 2017 г. мы опять вернулись к стагнации.

В первом квартале этого года ВВП увеличился на 0,5%, промышленность – на 0,7%, строительство, розничный товарооборот продолжает снижаться, так же как и реальные доходы населения. К достижениям относится сокращение инфляции, которая в январе-апреле достигла 4,5% к соответствующему периоду прошлого года. Впервые за последние четыре года в первом квартале выросли инвестиции, – на 2,3%.

Позитивные сдвиги во многом были связаны с повышением цен на нефть, и в связи с этим с приростом экспорта России в первом квартале на 36%. Сократился и отток капитала из России, который происходил в предыдущие девять лет.

Главный вопрос нашей социально-экономической политики сегодня – переход от стагнации и рецессии к устойчивому социально-экономическому развитию с темпом, превышающим общемировой тренд.

Преодоление пятилетнего периода стагнации и рецессии – дело неизмеримо более трудное, чем выход из даже более глубокого кризиса. Ведь в период рецессии ВВП России снизился всего на 3%, а промышленность – на 3,4%, в то время как в кризис 2009 г. это снижение соответственно было 7,9 и 10,8%. Но в тот более глубокий кризис в первый же год после кризиса ВВП поднялся

на 4,5%, в 2011 г. – еще на 4,3%, а 2012 г. превзошел уровень 2008 г. Промышленность в 2010 г. сразу скакнула на 8,2%, и уже в 2011 г. превысила уровень 2008 г. Розничный товарооборот в первый же год восстановил 5-процентное падение и т.д.

Во многом здесь играет роль обычный восстановительный эффект после падения социально-экономических показателей при обычном кризисе, а после стагнации и рецессии такого восстановительного эффекта нет. Скорее, наоборот – продолжают действовать факторы, тянувшие экономику вниз, и их надо преодолевать. Поэтому выход из этого положения бывает постепенным и вялым. И мы видим, что, несмотря на 36-процентный рост экспорта в 1-ом квартале 2017 г., который, казалось бы, сразу должен придать нам хорошую динамику социально-экономического роста, мы приподнялись на доли процента, а ряд важных показателей (объем строительства, розничный товарооборот, реальные доходы) по инерции продолжают падение.

В предыдущие годы страна была обескровлена из-за значительного снижения объема инвестиций в основной капитал. В 2014-2016 гг. они сократились на 13%. Примерно в таких же размерах сократились вложения в отрасль «экономика знаний» (наука, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, здравоохранение) – главную составляющую человеческого капитала. Поэтому доля инвестиций в ВВП снизилась до минимального для нас уровня в 17% в 2016 г. Также до минимальных значений (11% ВВП) снизилась доля «экономики знаний».

При таких размерах этих инвестиций и вложений ожидать экономического роста не приходится, ибо в развитых странах, где эти средства используются более эффективно, при норме инвестиций в основной капитал ВВП – 20% и удельном весе «экономики знаний» - 30% среднегодовой экономический рост составляет 1,5-2%. Так что если мы хотим добиться экономического роста, его главные источники – инвестиции и вложения – должны расти высокими темпами с тем, чтобы повысить их норму в

ВВП, при которой возможен заметный экономический рост. Минимальный рост в размере 2-3% возможен при повышении нормы инвестиций в ВВП до 20-22% и нормы повышения «экономики знаний» здесь хотя бы до уровня 15-20%, как это имеет место в передовых развивающихся странах.

Почему для России столь важны форсированные инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал? – Потому что они являются главными источниками нашего социально-экономического роста, определяющего его, по моему убеждению, примерно, на 80%. Небольшой экономический рост возможен за счет лучшего использования имеющихся ресурсов, прежде всего – основных фондов и факторов, лежащих на стороне труда. Но возможности здесь ограничены из-за наших устаревших фондов, машин и оборудования, средний срок службы которых – около 14 лет, при том 23% из них работают уже выше срока амортизации, и давно должны были быть выкинуты.

При этом в современных условиях мы в основном можем надеяться на внутренние, собственные источники экономического роста, ибо из-за санкций затруднен выход наших предприятий и организаций на мировой финансовый рынок. С другой стороны, вряд ли мы можем надеяться на новый значительный рост экспортных цен на топливо и сырье, из которых в подавляющей части состоит наш экспорт.

Такой рост может быть только временным, при том сохраняется высокий риск возможного падения этих цен из-за продолжающегося расширения добычи сланцевой нефти в США, себестоимость которой ниже нынешней цены на нефть, и сокращающегося с каждым годом потребления нефти из-за стремительного развития электромобилей и новых источников получения энергии, а также из-за сокращающегося роста Китая и освоения им своих собственных ресурсов нефтегазового сырья.

В.В. Путин поставил задачу уже к 2019-2020 гг. достичь экономического роста в России, превышающего общемировые показатели. Для этого надо, скажем, в 2020 г. достичь ежегодного

прироста ВВП в размере 3,5-4%. По нашим расчетам, это возможно, если с 2018 г. инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал ежегодно будут расти по 8-10%. Тогда их доля в ВВП по основному капиталу к 2020 г. поднимется до 22-23%, а по человеческому капиталу – до 17-18%.

В 2016 г. объем инвестиций в основной капитал достиг 15 трлн. рублей. Так что до 2020 г. ежегодно надо изыскивать дополнительно 1,5-2 трлн. рублей. Объем сферы «экономика знаний» составляет около 10 трлн. рублей, и для ее роста дополнительно нужно ежегодно добавлять по 1-1,5 трлн. рублей в ближайшей перспективе.

Такие средства позволили бы нам:

- начать в массовом порядке технологическое обновление действующего производства, где срок службы окупаемости инвестиций – 5-7 лет;
- проводить крупное строительство новых предприятий, ввод в действие новых мощностей в высокотехнологических отраслях народного хозяйства (производство синтетических материалов, самолетостроение, кораблестроение, атомное машиностроение, электрика, фармацевтика и др.) со сроком окупаемости 10-12 лет;
- начать масштабное строительство двусторонних автострад, скоростных железных дорог в России и транспортно-логистических центров по созданию современной инфраструктуры со сроком окупаемости 20-25 лет;
- удвоение жилищного и связанного с ним социально-бытового строительства за 5-7 лет;
- опережающими темпами расширить и развить сферу «экономика знаний», обладающую наибольшим мультипликативным эффектом для стимулирования экономического роста во всех отраслях;

Коренной вопрос: где взять средства для инвестиций и вложений?

Как сказал В.В. Путин, «нам нужны новые источники экономического роста». На наш взгляд, такими источниками являются:

А) Активы наших банков, достигшие около 80 трлн. рублей, из которых только 1,1 трлн. используется в виде инвестиционного кредита в основной капитал и менее 1 млрд рублей используется в виде кредита на образование населения.

Доля инвестиционного кредита отечественных банков России составила 6% в общих инвестициях, в то время как в США, Германии, других развитых странах – 30-40%, а в развивающихся странах во главе с Китаем – 15-20%. Так что можно изыскать дополнительно сначала 1 трлн., а затем – 2 трлн., еще через несколько лет – 3 трлн. рублей на инвестиции и на образовательные кредиты банковских средств, прежде всего, от государственных банков, активы которых составляют около 50 трлн. рублей.

Б) Из 400 млрд рублей золотовалютных резервов используются 100 млрд на возвратные инвестиционные кредиты по 15-20 млрд долларов в год на технологическое обновление действующего производства, прежде всего – на покупку зарубежных машин и оборудование для этой цели, что как раз потребует валютных ресурсов под низкие процентные ставки. При этом 300 млрд золотовалютных резервов останутся в неприкосновенности, как гарантия финансовой безопасности.

В) Трехлетний бюджет, утвержденный Госдумой на 2016–2019 гг., предусматривает снижение расходов в постоянных ценах по физическому объему, что тянет нашу экономику вниз. При этом сокращаются расходы на основные отрасли «экономики знаний» – на образование, и здравоохранение. Чтобы этого не происходило, целесообразно отказаться от сокращения дефицита бюджета, поддерживая его на безопасном уровне в 3% ВВП, как это принято в Евросоюзе и в подавляющем большинстве других стран.

Возмещение этих 3% можно осуществлять долговременными ценными бумагами Казначейства, которые могут покупать Центральный банк, ВЭБ, АИЖК, Сбербанк-«Капитал», ВТБ-«Капитал» и другие крупные инвестиционные фонды, и под их залог они могут выдавать инвестиционные кредиты по низким процентным ставкам предприятиям и организациям.

Г) Больше инвестиций мы могли бы вкладывать в экономику предприятий и организаций, если освободить от налога ту часть прибыли, откуда черпаются инвестиции. Одновременно следовало бы провести амортизационную реформу, сократив сроки амортизации, что будет способствовать технологическому обновлению, и перейти на ускоренную амортизацию. Все это увеличит амортизационный фонд и позволит за счет него тоже увеличить инвестиции.

Д) Более 30 трлн. рублей составляют сбережения населения в России. По оценкам, до 700 млрд долларов составляют средства населения в зарубежных банках. Часть такого относительно за-житочного населения, имеющего сбережения, нуждается в улучшении жилищных условий, покупке автомашин, в приобретении оборудованных инфраструктурой участков для поместий.

Можно было бы с этой целью от имени государства разместить среди них долгосрочный облигационный заём на взаимо-выгодных условиях, и когда семья приобретет размер займа на жилье или на автомобиль, или на поместье до половины стоимости объекта, который они хотели бы купить, он им предоставлялся со значительной скидкой с цены, с последующей уплатой средств с низким процентом. Подобная система предоставления жилья действует в Казахстане и пользуется популярностью у населения.

Е) Большие дополнительные средства государство могло бы получить от приватизации (до 1 трлн. рублей ежегодно). Приватизации должны подлежать предприятия и организации, которые не выполняют каких-либо государственных функций, а занимаются обычной коммерческой деятельностью, самообогащаясь и к тому же пользуясь привилегиями, бюджетными средствами и т.п.

Ведь сегодня предприятия и организации, контролируемые государством, производят до 70% ВВП, в то время как в 2005 г., когда дела в экономике обстояли много лучше, их доля в создании ВВП была вдвое ниже (35%).

Резко выросла доля консолидированного бюджета в ВВП, – с 25 до 37% сегодня.

Еще больше поднялась доля пяти главных корпораций, контролируемых государством: Газпрома, Роснефти, РЖД, Росатома и Ростехнологий.

Кроме того, имеются сотни предприятий и организаций федеральной, региональной и даже муниципальной собственности внебюджетного типа.

1% населения России, как известно, владеет 74% всей собственности. У них сотни миллиардов долларов, а мы говорим, что нет денег для приобретения собственности. Деньги есть, нужно просто заинтересовать этих людей в приобретении этой собственности за счет дополнительных госгарантий и стимулов.

Ж) Если всех этих средств окажется недостаточным, то можно пойти на увеличение государственного долга внешним заемщикам: международным банкам, другим государствам, крупным инвестфондам.

Внешнеэкономический долг нашего государства предельно низок, составляет 3% ВВП против 86% – в Западной Европе, 110% – в США, по 200% – в Китае и Японии (в Китае и Японии вместе с внутренним долгом). Долг нашего государства вместе с внутренними долгом составляет около 15%. Его вполне безопасно довести до 30-40%, поскольку международный норматив безопасного долга – 60%, и многие страны и его не соблюдают, устойчиво развиваясь десятилетиями.

Государство могло бы по 20-30 млрд долларов занимать ежегодно на 15-20 лет и использовать эти средства также в виде возвратных инвестиционных кредитов, согласованных с условиями этих займов, чтобы минимизировать риски их возврата.

Россия имеет высокий рейтинг в мире по надежности возврата кредитов, которые мы в 2000-2008 гг. возвращали досрочно. Если раньше корпоративный долг России, в том числе предприятий и организаций, контролируемых государством, был весьма значителен (730 млрд долларов), то сейчас он опустился ниже

500 млрд долларов из-за финансовых санкций, когда при возврате долга не происходит переаккредитации наших предприятий и организаций. В этих условиях можно пойти на увеличение госдолга.

Разумеется, есть и другие источники средств и возможностей.

Что касается более отдаленного будущего, то России надо создавать небанковские фонды «длинных» денег, существующие в других странах. Речь идет о переходе на накопительные пенсии по опыту других стран и быстром наращивании самых «длинных» пенсионных средств в накопительных фондах; о значительном расширении и углублении страхового дела с обязательным страхованием всех источников опасностей и приоритетном страховании жизни, как альтернативы депозитов в банках. Так что страховые долговременные вклады тоже могут быть источником эффективных инвестиций.

Надо создать преимущества, гарантии вложений средств в паевые фонды, которые у нас совсем не развиты в сравнении с другими странами. Надо создать новую сферу финансов – частные инвестиционные фонды, по значимости сопоставимые с банковскими фондами, как это имеет место в Америке и ряде других стран.

На накопление подобных «длинных» денег потребуется, как минимум, 7-10 лет. Но делать это надо было еще вчера.

Центральный банк, как мегарегулятор, ничего в этом отношении не сделал, и даже не имеет программы. Но к его чести надо сказать, что в своих годовых отчетах он приводит многочисленные иллюстрации, как более отсталые страны, чем Россия, имеют намного большие фонды «длинных» денег – пенсионные, страховые, паевые, инвестиционные, – видимо, намекая, что и нам надо у них учиться, но, не применяя этого к себе.

Говоря о переходе к форсированным инвестициям в основной капитал и вложений в человеческий капитал, я имею в виду ежегодный рост инвестиций и вложений по 8-10%. Именно таким или даже большим был этот рост в тех странах мира, которые

сделали рывок в своем развитии, в разы увеличив свой социально-экономический потенциал.

Речь идет о послевоенном развитии ряда европейских стран, о развитии Бразилии и Аргентины в 1970–1980 гг., об «азиатских тиграх» – Японии, Китае, Южной Корее, Тайване, Сингапуре, Гонконге.

При предлагаемых темпах увеличения инвестиций в основной капитал их доля вырастет к 2025 г. до 27-30%, а к 2035 г. – до 33-35%. Доля сферы «экономика знаний» в ВВП к 2025 г. превзойдет 25-процентный, а к 2030 г. – 35-процентный рубеж.

Это позволит поднять среднегодовые темпы развития России до 3,5-4% к 2020 г., 4-5% – к 2025 г., и 5-6% – к 2030 г. В этом случае уровня развитых стран по экономическим показателям мы достигнем к 2030 г., а по социальным – к 2035 г.. Уровня самых развитых стран (стран G-7) мы в основном достигнем по экономическому уровню – к 2035 г., а по социальным показателям – к 2040 г.

По социально-экономическому потенциалу по объемам ВВП (по паритету покупательной способности) при таких темпах Россия сравняется и обойдет Германию к 2025 г. и выйдет на 5-е место в мире, а к 2030-2035 гг. Россия сможет превзойти Японию и выйти на 4-ое место в мире после Индии, США и Китая. Ее доля в экономике мира поднимется до 5% при численности населения менее 2%.

На наш взгляд, Россия является страной с огромными возможностями, в том числе в самых передовых направлениях развития современной цивилизации. Какую бы даже самую отсталую сферу мы не взяли, у нас повсеместно есть предприятия, организации, работники, имеющие высшие в мире достижения.

Возьмите самую отсталую отрасль в сельском хозяйстве из крупных отраслей – молочное животноводство. Средний надой коров – около 4 тыс. кг, в то время как в худшей европейской стране – 6 тыс. В советское время мы производили 50 млн. тонн молока, а сегодня – около 30 млн. и 9 млн. еще завозим. Сегодня

мы потребляем молока меньше, чем 30-40 лет назад. Когда мы строим новые молочные фермы, то покупаем племенной скот за рубежом, в основном в Германии, часто приглашая немецких специалистов консультировать, направлять нас. А в Ленинградской области, где сосредоточено 70 тыс. коров, в сельхозорганизациях средний надои один из самых высокий в Европе, — 8184 кг в 2016 г., что выше, чем в Германии, не говоря об Италии, Франции и многих других стран. И доля племенного скота в Ленинградской области выше, чем в Германии, не говоря уже о других странах. Есть два хозяйства, где средний надои 12,5 тыс. кг, чего нет в Европе. И самая производительная корова по кличке Пазуха в хозяйстве «Работница» Ленинградской области дает 19,5 тонн молока в год.

Самая худшая, по рейтингам, отрасль нашего народного хозяйства, как известно, — здравоохранение, где по средней продолжительности жизни мы сильно отстаем, поскольку развитые страны Европы прошли ожидаемую среднюю продолжительность жизни (в России сегодня — 72 года) в начале 1970 гг., а сегодня они имеют 81-83 года. Смертность у нас выше на 40%, а младенческая смертность — более чем в полтора раза. Тем не менее, эта смертность в Санкт-Петербурге находится, примерно, на уровне Западной Европы, а в Чувашии — в полтора раза ниже, чем в Западной Европе, и вдвое ниже, чем в США, куда состоятельные россияне, в том числе из шоу-бизнеса, летают рожать.

Больше всего в промышленности, пожалуй, мы отстаем по электронике, — 93% компонентов здесь Россия завозит пока из-за границы. Самая сложная часть электроники — создание суперкомпьютеров, которые могут себе позволить всего несколько стран мира. А чисто российская организация «Т-Платформа» давно производит суперкомпьютеры, является одной из ведущих в мире. Ее суперкомпьютеры покупают американские университеты, организации Западной Европы. Один из лучших в мире суперкомпьютеров «Ломоносов-2» работает в Московском государственном университете. Когда он был произведен, это был 22-ой по мощности суперкомпьютер в мире.

Мы первые в мире сделали крылья из синтетических материалов на наиболее распространенном в мире самолете, – ближнем и среднемагистральном лайнере МС-21. По проектным показателям этот самолет должен стать лучшим в мире. Он на 10% меньше стоит, на 28% имеет ширину фюзеляжа больше, чем «Аэробус», имеет минимальный вес в сравнении с другими в расчете на пассажиров, и поэтому на 5-7% лучше по расходу топлива в сравнении с новейшими моделями Boeing и Аэробуса. Недавно испытан российский двигатель к этому самолету «ПД-14», по основным техническим параметрам не уступающий лучшим двигателям мира.

Мы имеем, пожалуй, лучшие научно-технические заделы в космической области. Известно, что до сих пор американцы покупают наш ракетный двигатель для своих тяжелых ракет «РД-180». Их лучшие фирмы поставили задачу – создать подобный двигатель, но недавно объявили, что им на это потребуется 10-15 лет.

Я мог бы и дальше приводить подобные примеры, но страна, имеющая такие заделы и такие достижения, если сумеет их использовать, распространить, может иметь великое будущее. Главное, что для этого нужно, – улучшить нашу систему управления в народном хозяйстве.

Чтобы использовать имеющиеся заделы и возможности, обучить других ими пользоваться, на наш взгляд, нужно вернуть выдающиеся достижения России в области управления – директивное планирование внутри госсектора, занимающего сейчас 70% ВВП по основным показателям, а по отношению к частному сектору – индикативное планирование. Через планирование нужно поднять роль нашего государства в социально-экономическом развитии страны, которое сейчас минимально, а в последние пять лет – негативно.

Дело в том, что к стагнации мы перешли в 2013 г. после трехлетнего подъема без видимых на то причин – и внешних, и внутренних. Напротив, внутренние причины были благоприятны для дальнейшего экономического роста. Инфляция в годовом выражении в 2012 г. была 5,1%. Ключевая ставка Центрального

банка – 5,5%, и судный процент никогда не имел такой низкой ставки, как тогда. Наш экспорт вырос с 472 до 527 млрд долларов к 2012 г. в связи с повышением цен на нефть с 95 до 110 долларов. Устойчив был валютный курс – 31 рубль за 1 доллар.

Наши предприятия и организации имели полный доступ на мировой финансовый рынок, и они заняли на этом рынке 80 млрд долларов в 2010 г., 100 млрд – в 2012 г., и 90 млрд – в 2013 г., увеличив на эти суммы наш внешнеэкономический долг и доведя его с 460 до 730 млрд долларов.

Мы сумели разогнать инвестиции до 7-8% в год в 2011-2012 гг. На максимальном уровне были все показатели благосостояния. Мы резко прибавили в жилищном строительстве, в реальных доходах, в конечном потреблении домашних хозяйств, в объеме розничного товарооборота. До минимума сократилась численность малообеспеченных.

И вдруг с 2013 г. все покатилось вниз: с первого квартала 2012 г. рост ВВП к соответствующему периоду прошлого года снизился с 4,7 до 0,7 – в первом квартале 2013 г. и до 0,6 – в первом квартале 2014 гг. Все это было до событий на Украине, до присоединения Крыма, до снижения цен на нефть, до девальвации рубля и т.д.

Что произошло в стране, что привело к стагнации 2013 г., которая в 2014 г. ухудшилась в два раза еще до введения санкций? Ведь начали сокращаться инвестиции, в 2014 г. стали сокращаться даже реальные доходы, которые в кризис 2009 г. не снижались. Стал сокращаться в неизменных ценах объем расходов бюджета после 2012 г. и тянуть экономику вниз. Резко сократился финансовый результат деятельности всех предприятий и организаций страны. Встал промышленность, стало сокращаться строительство. Почему?

Главная причина – сокращение инвестиций по всем направлениям государственной деятельности. Резко, на 27%, снизились бюджетные инвестиции с 2013 по 2015 гг. Сократились инвестиции крупнейших государственных корпораций, прежде всего Газпрома, которые контролирует государство. На 25% снизился

инвестиционный кредит в основной капитал со стороны государственных банков.

В 2013 г. инвестиции перестали расти, а с 2014 г. они покатались вниз, хотя частные инвестиции все эти годы росли. Но снижение госинвестиций было столь значительным, что привело к их общему обвалу, и это было главным фактором, который вверг нас в стагнацию, а потом и в рецессию.

Было ли следствием единой экономической политики это 30-процентное снижение инвестиций, контролируемых государством? Нет и нет! Просто не было экономической политики – планирования, контроля за инвестициями; потому что и «ежу ясно», что при таком снижении инвестиций экономического роста в принципе быть не может, что и произошло.

Беда не приходит одна, на это насложился отток капитала, который усилил недофинансирование экономического роста. За 2008–2016 гг. он сократился более чем на 700 млрд долл. А когда цены на нефть со второй половины 2014 г. стали снижаться, то снизились и экспортные поступления. Экспорт упал с 527 млрд долл. в 2012 г. до 282 млрд долл. в 2016 г.

Одновременно по линии госбюджета с 2008 г. сокращались вложения в человеческий капитал, как показывает статистика национальных счетов. Особенно это касается образования, общий расход на которое снизился на 11%. А ведь инвестиции в основной капитал, с одной стороны, и сфера «экономика знаний» – главная составляющая человеческого капитала, с другой, – основные источники экономического роста.

Это были разрозненные действия не координируемых ветвей гос власти, которые подставили подножку развитию нашей экономики и привели к небывалому сокращению доходов и потребления населения и к большому спаду жилищного строительства, ухудшению здравоохранения, сокращению образования и т.д.

Единственный государственный документ, который как-то влияет на экономику, – это федеральный госбюджет, но он содержит только 6% всех инвестиций. 94% инвестиций, в том числе

государственных, идут мимо федерального бюджета, и поэтому он не определяет развитие народного хозяйства. А другого государственного документа нет.

Бюджеты республик составляются ими самими и не корректируются центральной властью. Никакой реальной координации в социально-экономической деятельности нет. В том числе не было единой экономической политики, не было единой инвестиционной программы. Скорее всего, не было и единой социальной политики, потому что показатели реальных доходов и потребления в последние четыре года снизились втрое сильнее экономических показателей. ВВП снизился на 3%, промышленность – на 3,4%, грузооборот транспорта не снизился вовсе, а конечное потребление домашних хозяйств, реальные доходы и розничный товарооборот – три главных показателя, определяющих доходы и потребление всего населения, – снизились на 10-15%. На 5 млн. увеличилось число бедных.

В стране происходили удивительные вещи. – В 2015 г. номинальная зарплата выросла на 4,6% при инфляции 15,5%, в то время как в предыдущие годы при вдвое-втрое меньшей инфляции темпы роста зарплаты были в два-три раза выше. При этом добавочная стоимость предприятий, откуда черпается зарплата, выросла очень сильно: прибыль за вычетом убытка у предприятий и организаций в 2015, худшем году рецессии выросла на 43%. Соответственно вырос предпринимательский доход.

Это что, сознательная социальная политика, когда зарплата растет на 4,6% в номинале, снижается на 9,5% в реальном выражении, а прибыль предприятия растет почти в полтора раза? В какой стране это может быть при трехсторонних соглашениях между профсоюзами, государством и предпринимателями?

Везде регулируется сбалансированность динамики зарплаты и прибыли, кроме нашей страны, которая хочет называться социальным государством. Вряд ли это было сделано осознанно, – просто не было реальной социальной политики. На 5 млн. увеличилось число бедных. На пустом месте! Это больше, чем произошло

в более глубокий кризис, потому что никто не контролировал, не влиял. Ведь когда мы говорим о политике, мы имеем в виду не слова, а дела, результат.

При таком управлении, как мы можем преодолеть стагнацию и рецессию, не имея в руках никакой системы управления. Нужно эту систему обрести в лице трехлетнего плана на 2018-2020 гг. и в виде пятилетнего плана на 2021-2015 гг. Надо координировать региональные бюджеты, сводить их воедино, рассматривать результаты с верху до низу. При такой колоссальной роли государства в экономике не влиять на эту экономику или влиять отрицательно совершенно недопустимо.

Большую лепту в торможение экономики внес, естественно, Центральный банк, который задрал ключевую процентную ставку в погоне за снижением инфляции. Вводились ограничения по ликвидности, которые не привели к сокращению инфляции, – она все время нарастала с 2012 г.: 5,1%, 6,8%, 7,8% и наконец 15,5%. Она снизилась в 2016 г. до 7,1% годовых не из-за действий Центрального банка, а из-за сокращения на 10% реальных доходов и потребления, которое продолжалось и в 2016 г. в значительных размерах. И поэтому инфляция в 2017 г. тоже снизилась. До сих пор идет снижение показателей доходов и потребления. Поэтому инфляция, естественно, будет снижаться, потому что нет спроса, ему неоткуда взяться, – ведь деньги у населения сокращаются, а не растут.

Экономические планы для предстоящего развития не должны ограничиваться показателями, они должны содержать систему мероприятий, обеспечивающих экономический рост. Среди этих мероприятий три главных направления:

1. Надо снизить инфляцию до 3% за два-три года, а ключевую ставку – до 4%. И надо это сделать под эгидой Администрации Президента РФ, для чего сформировать специальную президентскую программу, потому что только президент может обуздить госкорпорации не повышать цены, дать указание Правительству не повышать ежегодные цены на электроэнергию, газ, воду и т.д.

Без низкой процентной ставки экономику не поднять, ибо главной формой дополнительных инвестиций и вложений в «экономику знаний», от которой зависит наше развитие, должен стать инвестиционный кредит с конкретным сроком окупаемости, с конкретной целевой направленностью, жестко контролируемым банком, который должен будет возвращать этот кредит Центральному банку, ВЭБу или другой организации, которая его выдала.

Инвестиционный кредит – единственная форма, которая обеспечит целевое использование средств, ибо банки будут перечислять инвестиционные кредиты напрямую фирмам, где будут закупать оборудование предприятия; строителям, которые будут для них строить, и т.д.

Надо распространить инвестиционный кредит и на ряд статей бюджета, которые должны быть окупаемыми. Речь идет о расходах на национальную экономику, на жилищно-коммунальное хозяйство и др.

Другим важнейшим условием эффективных инвестиций является стимулирование экономического роста по главным направлениям.

Нужно перейти к проектному финансированию, о чем неоднократно говорил президент; к стимулированию технологического обновления и вводу новых мощностей в высокотехнологических отраслях, давая налоговую и таможенную паузу в этот период предприятиям и организациям.

Надо стимулировать импортозамещение, чтобы импортозамещающие предприятия становились конкурентно способными и надолго занимали бы ниши, которые открылись для них. Нужна сильная стимулирующая система для производства готовой продукции с высокой добавленной стоимостью на экспорт, чтобы снизить долю экспорта нефти и газа в экспорте и «слезть с нефтегазовой иглы».

Наконец, нужны институциональные преобразования и для того, чтобы создать благоприятные условия для инвестирования

экономического роста, и для того, чтобы снимать препятствия на их пути.

Нужно проводить процесс сокращения сферы огосударствления в экономике. Надо расширять самостоятельность регионов, и хотя бы 2/3 из них перевести на начала самоокупаемости, самофинансирования и самоуправления, оставляя им значительную часть налогов, поступающих к ним и сократив долю поступления этих налогов на федеральный уровень. Неэффективно оставлять дотационными подавляющую часть регионов, одной рукой изымая налоги у них, а другой рукой возвращая часть этих налогов в виде федеральных трансфертов. Это крайне неэффективная и тормозящая экономический рост система.

Нужна серьезная финансовая реформа по повышению доли «длинных» денег, инвестиционного кредита банковской системы; по форсированию роста банковских активов, которые в последние три года снижаются; по созданию фондов «длинных» денег, о чем речь шла выше, и т.д. Нужны крупные меры по формированию конкурентной среды в монополизированных отраслях, где господствуют либо государственные, либо олигархические монополии, которые нужно всячески ограничивать и расформировывать, если нужно.

Нужна крупнейшая реорганизация в области биржевого дела. Ведь в России до сих пор нет рынка капитала. Российский биржевой рынок основан на «коротких», спекулятивных деньгах, поэтому волатилен, – он до сих пор не возвратился на уровень 2008 г. В разы занижена капитализация российских компаний. Это крайне опасно для страны, вызывает трудности с финансированием, особенно в долговременном плане.

К институциональным преобразованиям относится и налоговая реформа, провозглашенная В.В. Путиным, которая должна быть разработана в 2018 г.

На наш взгляд, надо снизить налоговую нагрузку в составе ВВП с 35% до 25%, прежде всего, с предприятий, которые сегодня платят 85% налога, в то время как население – только 15%.

В подавляющем большинстве стран и население и бизнес платят налоги поровну.

Нам тоже надо переходить к этой системе, но переходить таким образом, чтобы не снизить реальные доходы на душу населения, для чего надо индексировать зарплату, вводя обязательные взносы населения на свои пенсии в размере 10%. Надо также индексировать зарплату и при введении 7-процентного обязательного отчисления на минимальную страховку по здравоохранению.

Нужно ввести налог на недвижимость в размере около 1% от рыночной цены недвижимости, также компенсируя населению эти дополнительные расходы, кроме самых богатых слоев населения.

Нынешняя налоговая система является несостоительной, – она не выполняет ни одной из своих функций. Она не может обеспечить рост бюджета при росте ВВП. В 2013–2016 ВВП не снижается, а доходы и расходы бюджета в физическом объеме сокращаются. И в федеральном бюджете на 2017–2019 гг. это сокращение продолжается, хотя ВВП вырастет минимум на 4%.

Совсем не выполняет наша налоговая система стимулирующую и распределительную функции, сокращая разрыв между богатыми и бедными. Поэтому она нуждается в коренном изменении.

Наиболее крупные структурные реформы должны пройти в социальной области. Ведь в тупике находится финансирование пенсионной системы, здравоохранения, образования. По этому финансированию мы занимаем сотые места в мировых рейтингах. В ЕС 10,2% всего ВВП страны тратят на здравоохранение, а Россия – 3,7%. 8,6% страны тратят на образование, а Россия – 3,5%. Мы все время пятимся назад и по здравоохранению, и по образованию в сравнении с другими странами при отдельных частных достижениях.

Нам нужно решить главную социальную задачу – задачу по сокращению бедности.

Россия по классификации ООН относится к странам с высоким доходом. Мы уступаем развитым странам, но занимаем где-то 50-ое место по уровню доходов среди 152 стран. А по уровню бедности мы не входим в первые страны, если считать бедность по принятым в мире нормативам, отнеся к бедным население, которое имеет доходы в два и более раз ниже медианного дохода. У нас около 17% населения имеют такой доход, а в развитых и примыкающих к ним странах – 11%. Для этого нам нужно в разы поднять минимальную зарплату, коренным образом изменив социальную политику, средний размер пенсий.

Нам нужно наконец перевести на частную основу жилищно-коммунальное хозяйство и ввести рыночные цены, свободные от госрегулирования на жилищно-коммунальное хозяйство, сделав эту сферу конкурентной, как в любой другой стране, и экономически рентабельной.

Нам нужно вдвое сократить разрыв между богатыми и бедными, децильная разница с 16 раз должна быть сокращена хотя бы до 8 раз, а еще лучше – до 6, как это имеет место в Японии и в странах социал-демократической направленности. Для этого нужно ввести прогрессивное налогообложение, освободить от налогов малообеспеченные семьи, резко прибавить объем пособий на детей, тем более что рождаемость в России резко снижается, и будет снижаться, и осуществить много других мероприятий.

Все эти мероприятия должны быть зафиксированы в плане, должны быть жестко контролируемыми и осуществляемыми.

Хочется верить, что мы вступаем в новый период нашего развития, – в период возобновления социально-экономического роста на основе институциональных преобразований.

Д.Р. Белоусов¹

Операция «Развитие»:
как преодолеть
долгосрочную стагнацию

¹ Дмитрий Рэмович Белоусов, руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, к.э.н.

I74

К дискуссии о долгосрочной экономической стратегии России

Убогие результаты экономического развития в последние два года – и почти такие же перспективы на ближайшие пару лет – предполагают, с одной стороны, анализ факторов их устойчивости, а с другой – активизацию поисков выхода из этой, явно ненормальной ситуации.

Действительно, сложившаяся ситуация радовать, очевидно, просто не может. Стагнация стала устойчивой: в прошлом году отмечен спад ВВП (– 0,2% в прошлом году, в текущем его прирост составит порядка 1% – причем выхода из коридора «менее 2,5%» пока, в рамках инерции, никак не предвидится); самое неприятное, что в 2015 и 2016 г. резко упали доходы населения (соответственно, – 3,2 % и – 5,9 %) и товарооборот (– 10,0 % и – 5,2 %) – причем их ожидаемый рост в нынешнем и следующем году далеко не компенсируют предшествующего падения. Учитывая, что укрепляющийся из-за высокого внешнеторгового сальдо рубль существенно ограничивает возможности продолжения импортозамещения, а крупномасштабного расширения несырьевого экспорта не случилось – подрывается и основа для расширения инвестиций (просто потому, что наращивать инвестиции при «стоящих» конечных рынках и процентных ставках, существенно превышающих доходность проектов – дело

несколько иррациональное). Соответственно, возникает риск закрепления стагнации и даже ещё одной волны спада, корректирующей, возможно, завышенные ожидания руководителей российских компаний.

Более того – переход к стагнации российской экономики породил неожиданный эффект: она «угнездилась в головах». Официальные российские прогнозы экономического роста последовательно снижаются; идет переход к логике «консервативного» (порядка 2% в год) прогноза;

Тактически, проблема состоит в том, что при таких темпах ресурсов государства и общества в целом станет недостаточно доля решения важнейших задач в сфере борьбы с бедностью и неравенством, развития инфраструктуры, модернизации производственного аппарата и т.д.;

Стратегически, низкие темпы роста означают, что ресурсов развития не хватает в том числе и на модернизацию производственного аппарата. А это будет означать постепенную потерю технологических заделов, человеческого капитала и, в итоге – конкурентоспособности российской продукции, что приведет к дестабилизации платежного баланса и обменного курса. В сложившейся ситуации сама устойчивость имеет динамический характер: устойчивость платежного баланса и бюджета может быть обеспечена только при условии достаточно интенсивного развития.

Итогом кризисных процессов, стало формирование сложного баланса факторов, поддерживающих восстановительный рост и подрывающих его. При этом, «текущий» кризисный потенциал, видимо, снят – и, если не реализуются «черные лебеди» той или иной природы (будь то падение цен на нефть, санкции или засуха), экономика, очевидно, перейдет к стабилизации – но вот куда она может сместиться дальше, неясно.

Важнейшая аналитическая проблема сегодня – анализ факторов устойчивости сложившейся в текущем году экономической стагнации.

— структура российской экономики и ожидания её агентов предполагают выход из кризиса через рост потребления населения. На это «работают» и состоявшееся посткризисное восстановление финансового положения потребительских отраслей (производство одежды и обуви, пищевых продуктов), и оживление потребительского кредитования, и состоявшаяся частичная «расчистка» потребительских рынков от импорта, и сохраняющаяся высокая занятость. Однако, ни предприятия, ни бюджет не имеют возможности ускоренного (как в 2010–2011 гг.) повышения выплат населения в силу ужесточившихся финансовых ограничений. Более того, такая стратегия рассматривается как тупиковая (в силу возможности повышения давления трудовых издержек на конкурентоспособность российской продукции), да и противоречит сформировавшемуся объективному тренду на перераспределение доходов к корпоративному сектору.

— обострилось противоречие между текущими задачами (сохранение стабильности в бюджетной сфере и в сфере обменного курса и инфляции, предусматривающее необходимость одновременной бюджетной консолидации и проведения жесткой процентной политики, а также ужесточение требований к состоянию балансов кредитных организаций) и среднесрочными, — стимулирования экономического роста и модернизации производственного аппарата. В условиях необходимости реализации срочных стабилизационных мер возможностей стимулирования роста инструментами денежно-кредитной и бюджетной политики не нашлось.

Когда на эти процессы наложилось ещё и исчерпание «первичного» (не требующего резкого роста потребительских свойств, технического уровня и т.д. российской продукции) импортозамещения — стагнация стала и неизбежной, и устойчивой.

Во многом, и сама устойчивость кризиса, и перспективы развития экономики определяются, по сути, развитием двух крупных противоречивых процессов.

Доходы населения: повышение необходимо, но невозможно

С одной стороны, российская экономика нуждается в расширении потребительского спроса (порядка 40% ВВП – основной его компонент), причём только это расширение важнейшего для нашей экономики конечного рынка способно создать достаточные стимулы и для устойчивого роста инвестиционной активности. Рост потребления населения тем более вероятен, что население в значительной степени еще не реализовало своих потребительских ориентиров и отложенного спроса (тем более, с учетом массовой бедности, в том числе работающего населения). Жестко стоит вопрос с повышением заработной платы государственных служащих и, шире, занятых в бюджетном секторе. Ключевым здесь становится фактор (недостаточной) конкурентоспособности рабочих мест в бюджетном секторе, что вызывает отток из него высококвалифицированных кадров, падение качества услуг и (как компенсирующий механизм) порождает потребность в коррупционных доходах. Соответственно, можно ожидать, что рост зарплат в бюджетном секторе продолжится, что станет дополнительным стимулом и для роста заплат в частном секторе, и доходов населения в целом.

Соответственно, будут усиливаться рост как рост реальной заработной платы, так и (с учётом потенциала потребительского кредитования).

В итоге, базовым противоречием, которое станет структурировать развитие российской экономики в средне- (и в долгосрочной, возможно, тоже) является противоречие между необходимостью (с самых разных точек зрения) повышения реальной оплаты труда – и невозможностью сделать это в рамках сложившейся экономической модели.

Действительно, в её рамках возможностей ускоренно повышать заработную плату нет ни со стороны компаний, ни со стороны государства. При сложившемся в российской экономике

технологическом уровне и качестве институтов и, к тому же, в ситуации острой конкуренции с другими экономически развитыми и развивающимися странами ключевым становится фактор ценовой конкурентоспособности российской продукции. Эмпирически похоже, что при на рубеже средней оплаты труда в 900-1200 долл. (то есть примерно на уровне «развитых центрально-европейских стран») начинают действовать достаточно мощные факторы, сдерживающие экономический рост и/или предполагающие девальвацию. Для государства ускоренное повышение заработной платы означает возникновение т.н. «жестких» (т.е. не подлежащих сокращению в условиях сжатия доходной базы бюджета) обязательств по расходам бюджета.

Эффективность предприятий: цикл «корпоративной бедности»

Высокое давление на доходы компаний со стороны трудовых издержек могло бы быть компенсировано за счет повышения эффективности компаний обрабатывающих производств.

Но здесь против конкурентоспособности работает проблемный узел «дефицит доходов – дефицит инвестиций – низкая эффективность компаний – дефицит порождаемых доходов».

В её рамках умеренная рентабельность бизнесов (из-за высокой трудоёмкости на фоне необходимости быстрого повышения реальной заработной платы) порождает дефицит инвестиций в основной капитал (и вследствие дефицита как собственных, так и привлекаемых ресурсов, и вследствие отсутствия достаточно привлекательных проектов, с учётом рисков). Он, в свою очередь, ведёт к замедлению инновационного процесса и обновления производственного аппарата, что сказывается на эффективности бизнеса. Последний фактор, в свою очередь, обуславливает усиление дефицита доходов компаний в условиях необходимости быстрого повышения реальной заработной платы.

Одновременно, усиливаются риски кредитования, что ведет к указанному выше «выдавливанию» кредитования из корпоративного в потребительский сегмент.

Новая внешняя среда

Проблема заключается в изменениях, зарождающихся в мире перед новым технологическим рывком. Уже сейчас можно говорить об энергетической революции, мы наблюдаем новые цены на нефть, а они, в свою очередь, характеризуются изменением энергетических балансов: с одной стороны – энергоэффективностью, с другой стороны – развитием новых энергетических технологий на возобновляемых источниках, с третьей стороны – новыми углеводородными технологиями. Четыре года назад многие эксперты говорили о ценовом горизонте по нефти в пределах 55–90, сейчас мы провалились в горизонт 40–55. Данное изменение произошло буквально на наших глазах.

Следующий рывок заключается в развитии информационно-коммуникационных технологий, в них делаются большие инвестиции, поэтому изменения ожидаются непременно. В том числе в плане самообучающихся машин, а также в плане снятия противоречий между массовым и индивидуализированным производством, т.е. на роботизированных комплексах мы можем производить кастомизированную продукцию.

Одновременно и в развитых странах, и в Китае, подорвана основа, на которой шло предыдущее развитие с 1990 до середины 2000-х гг. Китай более не готов делать огромные сбережения и кредитовать на них американское потребление, производить продукцию под американский спрос. США совершенно не понимают ситуацию, при которой рабочие места перемещаются за пределы их страны. Таким образом, в мире началась реализация одновременно европейских, американских и китайских программ новой индустриализации. Где-то это называют «Индустрия

4.0», как в Германии, причем в США индустриализация старта-вала еще при Б. Обаме и подтвердилась при Д. Трампе, и возможно, это единственная позиция, на которой настаивает вся элита. По остальным моментам они находятся в жесткой оппозиции, а вопрос заключаются в основном в инструментах реализации. В Китае коммунистическая партия имеет просто набор документов; достаточно сказать, что Китай должен стать мировым лидером не только по новой энергетике (у них энергетический дефицит), но и по роботизации. Они вошли в ситуацию дефицита труда и собираются стать мировым лидером по производству и использованию промышленных роботов, а это означает волну роботизации по всему остальному миру.

Для нас же эта ситуация означает, что опора на традиционные конкурентные преимущества просто бессмысленна, потому что ресурсы скорее всего будут дорожать, а на высокотехнологичных рынках резко усиливается конкурентная борьба. Возможно только динамическое равновесие и, соответственно, в условиях дефицита ресурсов единственной возможной ставкой является ставка на риск. Никаких гарантированных позиций в таком мире просто не существует.

Хотелось бы отметить также важные стороны развития подрывающих технологий. Это сочетание роботизации, компьютеризации на базе самообучающихся машин в «беловоротничковой» деятельности. Уже сейчас финансовые рынки представляют собой в значительной мере битву роботов. За рубежом финансовый аналитик, который придумывает гениальную стратегию это либо больше история, сейчас на этих рынках работают машины. Дальше будет больше. Другой пример. Боевой американский беспилотник X-47 сам сел на авианосец, что ранее считалось невозможным, сам дозаправился от воздушного танкера, что было еще менее возможным. При этом все действия основаны на его функционировании, на его самообучении. Таким образом, мы открываем дверь в новый мир. Уже сейчас идет процесс компьютеризированной сборки индивидуализированных машин Мерседес.

Но то, что сегодня технологически доступно для богатых, завтра станет доступно для многих. Поэтому проблемы стандартизации и однообразия товаров в современном мире просто нет, она исчерпала себя.

План операции развития

Никак не претендуя на создание глобального и всеобъемлющего плана спасения российской экономики, можно выделить несколько ключевых направлений действий, в совокупности позволяющих создать достаточный потенциал для ускорения экономического роста на 1-1,5 процента в среднем за год (до, соответственно, 3,5-4% в год).

Основные мероприятия:

1. Взаимосвязанное повышение производительности труда, реальной заработной платы и потребления населения, не разгоняющие обменный курс и инфляцию.

Это – ключевой элемент всей системы, «развязывающий» кризисный узел между необходимостью модернизировать компании – и, одновременно, быстро повышать реальную заработную плату, обеспечив и рост потребительского спроса на российскую продукцию.

«Запас неэффективности» на основной массе российских компаний весьма велик; по производительности труда в ряде неэнергетических отраслей мы кратко отстаем от стандартов наиболее технологически развитых стран. Отчасти проблема связана с технологическим отставанием российской экономики, отчасти – с действием социального фактора – неготовностью властей субъектов Российской Федерации к масштабному высвобождению занятых.

Интенсивное обновление производственного аппарата способно привести к выходу, примерно к 2025-2030 гг., производительности труда в России примерно на уровень экономически

развитых стран (прирост производительности на 3-3,5% в среднем по экономике означает прирост примерно на 5% по крупным и средним предприятиям и 6-9 – по малым). Это, в свою очередь, позволит быстро повышать зарплату и потребление населения. Ключевой инструмент здесь – стимулирование инвестиций средствами денежно-кредитной и налоговой политики.

При этом возникает существенный социальный риск: высвобождение примерно 4-5 миллионов занятых, из которых около 1,5 миллионов возьмет на себя демография, но 3-3,5 миллиона надо «где-то» занять. В силу этого, подобный маневр означает:

– во-первых, необходимость переобучать примерно 1 миллион занятых в рамках маневра между «тормозящими» и интенсивно развивающимися секторами экономики;

– во-вторых, необходимость трудоустроить в малом бизнесе порядка 3 миллионов занятых, высвобождающихся из крупных и средних предприятий скрыто-трудоизбыточных отраслей с высокой долей ручного труда – сельского хозяйства, строительства, отдельных производств в промышленности;

– в третьих, проблематизируется целесообразность повышения пенсионного возраста (с точностью до бюджетных проблем, конечно; если другого способа сбалансировать Пенсионный фонд без роста налоговой нагрузки на бизнес нет – то и выхода иного, видимо, нет): в подобной ситуации выход на рынок труда дополнительного количества работников способен стать той самой «последней соломинкой», что ломает хребет верблюду.

2. Обеспечение «приростного импортозамещения» – вытеснения импорта на приростах инвестиционного и потребительского рынков.

В настоящее время при расширении потребительского рынка на 1 процент потребительский импорт в среднем расширяется на 0,2%, инвестиционного – 0,3% на 1% роста рынка.

В принципе есть возможность снизить соответствующее соотношение («эластичность» на профессиональном языке) до 0,1-0,15 процента расширения импорта на процент прироста рынка

для потребительского рынка и до 0,2 для инвестиционного – что способно создать для российской экономики дополнительное пространство роста, причем без значимых инфляционных последствий.

Для этого необходимо развертывание комплексных программ освоения рынков, включающих в себя импортозамещение как первый этап экспансии на внешние рынки, начиная с евразийского (ЕАЭС):

- кредитная поддержка программ и проектов по импортозамещению;
- предоставление налоговых кредитов по новым проектам
- гарантии «стартового спроса» на новую продукцию
- поддержка технологической и сбытовой кооперации с внешними игроками, включая оффсетные сделки и трансфер технологий;
- поддержка модернизации и импортозамещения в «технологических юбках» по созданию конечной (в том числе замещаемой продукции);
- формирование и приоритетная поддержка сквозных проектов типа «от импортозамещения – к экспортной экспансии».

3. Формирование полноценной системы поддержки неэнергетического экспорта. России принадлежит два странных – и, очевидно, взаимосвязанных – «антирекорда».

С одной стороны, в нашей стране – одна из самых слабых среди развитых стран система финансовой (кредиты, страхование, гарантии) поддержки экспорта, что ведёт к колоссальному недоиспользованию экспортного потенциала. Так, соотношение объёма поддержки экспорта и вывоза неэнергетических товаров в последнее время составляет примерно 0,5-1%. С другой – у нас, к примеру, одно из наименее экспортно-ориентированных машиностроений среди развитых стран: экспортируется всего 11% производимых машин и оборудования (в США – 31%, Германии – 49%, Франции и Италии – по 50%, Респ. Корея – 37%).

Выстраивание полноценной системы поддержки экспорта (с объемом поддержки в размере 4–5% неэнергетического экс-

порта) может дать дополнительно 1-1,5 проц. пункта динамики экспорта.

Для этого необходимо, во-первых, докапитализировать ЭКСАР и Внешэкономбанк, во-вторых, ограничить масштаб последнего, сосредоточив его усилия действительно на финансировании проектов развития, включая проекты, подразумевающие внешнюю экспансию.

4. Развитие новых технологических рынков (в рамках реализации Национальной технологической инициативы).

Особенность ситуации следующих 10-20 лет – стремительный технологический рывок в большинстве технологически развитых стран мира. Это означает возникновение «технологического зазора»: группы новых, пока еще не занятых крупными транснациональными корпорациями, масштабных технологических рынков (беспилотные транспортные средства, новое здравоохранение, нейроинтерфейсы, «умная еда», новая энергетика и т.д.). К 2025 г. суммарный объем соответствующих мировых рынков может составить более 5 трлн. долл., к 2035 г. – 20-25 трлн. долл.

Сформулирована и начала реализовываться Национальная технологическая инициатива, направленная на то, чтобы захватить на этих рынках хотя бы 3-5% (в большинстве случаев). Это, «если все получится», в принципе, даст нам возможность экспорттировать на новые рынки до 16-18 млрд. долл. к 2025 г. (нынешний объем экспорта оружия), высокотехнологичных товаров услуг, а к 2035 г. – даже до 70-80 млрд. долл.

Сочетание всех этих действий способно, по крайней мере, вывести нашу экономику из стагнационной ловушки, обеспечив прибавку в темпах роста в 1-1,5 проц. пункта.

Это, в свою очередь, способно стать основой для решения по-настоящему важных проблем следующих 10-20 лет; – поиска нового места России в глобальном разделении труда, который сложится в итоге начинающейся сейчас в США, Евросоюзе Китае (и, надо надеяться – нашей стране) – новой индустриальной революции;

- обеспечение баланса между интенсивным социальным развитием (требующим высоких затрат на человеческий капитал) и технологической модернизацией (высокая доходность бизнеса);
- формирование новых институтов национального контроля над транснационализирующимся сетевым бизнесом, от которого теперь уже зависит, в том числе, само функционирование жизненно важных для общества инфраструктур;
- обеспечение национальной безопасности в условиях резкого нарастания «хаотичного» компонента в мировой политике и экономике;
- решение проблемы преодоления отчуждения, становящегося, в условиях нового витка технологического развития, делающего человека просто ненужным в существенной части как производственных, таки творческих процессов – почти тотальным. Выстраивание на этой основе нового «социального контракта» между российским обществом, бизнесом и государством, новое определение для резко усложнившихся в условиях глобальной конкуренции и трендов к роботизации социального статусов работников, инженеров, ученых, предпринимателей.

Но все это уже – совсем другая история будущего. А пока надо решить наиболее насущные задачи – а то до перспективных может и дело не дойти.

Дэвид Лайбман¹

О сложных и противоречивых
последствиях роста
производительности труда
в современной экономике²

¹ Дэвид Лайбман, почётный профессор экономики Бруклинского колледжа.

² Перевод с англ. языка: Аитова Гульнара Шайдулловна, журнал «Альтернативы». Научная редакция перевода: Колганов Андрей Иванович, д.э.н., профессор, зав. лабораторией Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Рост производительности труда – результативности труда каждого работника – рассматривается, как правило, в качестве безусловной черты жизни человека. Способность человека к целесообразному воздействию на внешнюю окружающую среду, т.е. к трансформации окружающей среды посредством применения осознанного труда и к трансформации уже преобразованного, неизбежно существует в социумах прошлого и настоящего; это своего рода имманентная тенденция, влияние которой требует особого изучения. Безусловно, историки экономики и антропологии могут указать на эпохи и обстоятельства, когда эта тенденция подавлялась за счет ухудшения условий окружающей среды (J.Diamond, 2011), экологических ограничений или препятствий, создаваемых интересами правящего класса (Cohen, 1978; Carling, 2006). Однако, эти ограничения носят преходящий характер и подобны запрудам, которые сдерживают огромные потоки воды, образуя тем самым реки, которые в свою очередь под неудержимой силой гравитации направляются к морю.

Весьма интересен тот факт, что последствия рассматриваемой тенденции до сих пор всесторонне не изучены. Исключение составляют исследования по глубинной экологии (Meadows, и др., 2004), которые скептически оценивают рост производительности в будущем, в то время как экономисты и социологи выделили источники повышения производительности (Solow и P. Diamond, 1990) и изучили пути ускорения темпов роста производительности.

Эти исследования однозначно утверждают, что рост производительности само по себе явление положительное, потенциальный источник развития человека. Так, если за y мы возьмем производительность труда, за Y – результат труда, а за L – трудозатраты (наемный труд), тогда мы можем дать простейшее определение:

$$y = \frac{Y}{L} , \quad (1)$$

откуда мы выводим простое динамичное отношение: рост производительности должен привести либо к повышению результатов труда, доступных к потреблению или инвестированию, либо к снижению количества труда, необходимого для производства данного уровня результативности, либо и к тому, и другому одновременно. Эта причинно-следственная альтернатива может быть представлена в виде диаграммы:

$$\uparrow y \rightarrow \begin{bmatrix} \uparrow Y \\ \downarrow L \end{bmatrix} \quad (2)$$

Увеличение производительности $\uparrow y$ должно привести либо к $\uparrow Y$, либо к $\downarrow L$. Такова полезность обоих результатов, которые направлены на развитие человека и увеличение возможностей для творческого потребления и/или досуга. В данном случае мы не наблюдаем ничего сложного и противоречивого.

Однако, эта картина не представляет варианты, при которых эффект роста производительности может быть опосредован и усложнен существующими общественными институтами. Прежде, чем начать исследование этого вопроса, мы зафиксируем простое макроэкономическое тождество, используя следующие дополнительные определения:

W = заработка плата: часть (чистая) результатов, оплачиваемая рабочим в обмен на их текущие трудозатраты (L);

B = безусловный базовый доход: доход, оплаченный членам общества (потенциальная рабочая сила) вне зависимости от их трудовых вложений;

P = прибыль: доход, получаемый владельцами собственности.

В следующей формализации я допускаю существование дохода на частную собственность (P); данное предположение может быть упрощено на специальном примере и в виде формулы $P = o$. Безусловный базовый доход (B) именуется, как правило, «общественным потреблением» в советских государственных расчетах доходов; он также определяется термином «общественная заработная плата» в некоторых западных исследованиях. Сегодня наблюдается интерес к безусловному базовому доходу как к политической инициативе (Sheahen, 2012; van Parijs, 2000). В качестве последнего вступительного замечания я подчеркну, что в исследовании совокупное количество измерений – элементов чистого дохода – должно быть рассмотрено как в частной, так и в общественной формах, включая инвестиционные фонды. Таким образом, B может представлять собой как общественно значимые блага – здравоохранение, парки, образование, все фонды, финансируемые из налогов – и денежные гранты для индивидов, независящих от труда, для частного приобретения потребительских благ. W подобным образом может включать как частные элементы – как правило, заработную плату – и общественные элементы в форме доступа к общественному значимым благам, – к таким, как здравоохранение, но в данном случае они непосредственно связаны с трудом рабочего и продуктивностью труда. Все доходы могут привести к образованию и росту капитала посредством как сбережений, так и налогообложения.

Макроэкономическое тождество, с которого мы начали, представляет лишь простейшее разделение дохода на доли, претендующие на этот доход, т.е. заработную плату и прибыль, но в данном случае оно включает очевидный элемент безусловного базового дохода:

$$Y = W + B + P \tag{3}$$

Следующий шаг предполагает образование нескольких пропорций, начиная с двух очевидных соотношений:

$w = W/L$, уровень заработной платы (заработка на единицу затраченной рабочей силы),

$\pi = P/Y$, доля прибыли (чистого) дохода.

К этому мы добавляем два менее условных соотношения и одно определение:

$b = B/N$, уровень безусловного базового дохода,

$w^* = (W + B)/N$, уровень совокупного неимущественного дохода,

$e = L/N$, уровень занятости.

N = совокупная потенциальная рабочая сила, или «предложение» труда (последний термин пришел из экономической традиции, которая все явления рассматривает в рамках «предложения» и «спроса»). У обоих соотношений b и w^* в знаменателе находится N , а не L . Соответствующая мера влияния или эффективности безусловного базового дохода пропорциональна совокупной потенциальной рабочей силе, N , которая замещает население. b представляет собой меру влияния безусловного базового дохода, т.е. в той степени, в какой он уже не является второстепенным элементом в образовании дохода неимущих слоев населения (предположительно подавляющего большинства, или 99%), став значимым компонентом этого дохода. w^* выражает стандарты жизни неимущего большинства, образуемые из двух источников W и B . И, наконец, уровень занятости e , как всем известно, обратно пропорционален уровню безработицы.

Сейчас мы можем перейти к ключевому тождеству, с которым мы будем оперировать в своем анализе противоречивых эффектов повышения производительности, y . К счастью автора этих строк, предлагаемое тождество ранее ни разу не появлялось в экономической литературе. Итак, разделяя каждое слагаемое в уравнении (3) на L , мы получаем

$$\frac{Y}{L} = \frac{W+B}{N} \frac{N}{L} + \frac{P Y}{Y L},$$

куда мы также подставили N в числитель и в знаменатель первого слагаемого с левой стороны и Y в числитель и в знаменатель с правой стороны. В конечном итоге, используя выше обозначенное определение:

$$y = \frac{w^*}{e} + \pi y$$

и перенося последнее слагаемое с правой в левую сторону и производя деление, мы достигаем нашу цель:

$$y = \frac{w^*}{(1-\pi)e}. \quad (4)$$

Производительность рассматривается как соотношение уровня совокупного дохода неимущих, или повышенной ставки заработной платы, w^* , к продукту, обратному доле прибыли $1-\pi$ и уровню занятости, e . Выражение (4) может быть применено для расширения и обогащения диаграммы потенциальных эффектов роста производительности, выше рассмотренных в упрощенной форме (2). Рисунок 1 это нам демонстрирует.

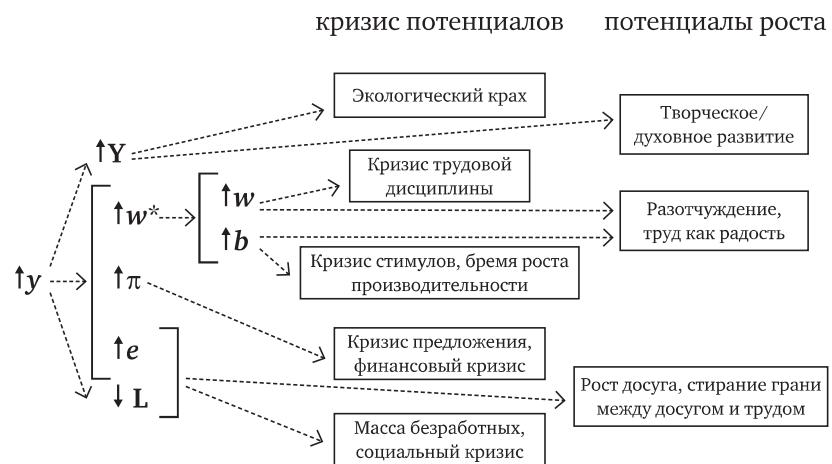


Рис. 1.

Слева на рисунке показано причинно-следственное отношение, движущееся из $\uparrow u$ к $\uparrow Y$ и/или $\downarrow L$ соответственно вверху и внизу колонки непосредственных эффектов $\uparrow u$, как указано в определении 2. В середине колонки показаны три эффекта, взятых из выражения 4: рост уровня совокупного дохода неимущих w^* , рост доли прибыли от дохода $\uparrow \pi$, и спад уровня занятости $\uparrow e$. Этот последний эффект заключен в скобки вместе с $\downarrow L$; две величины одного и того же явления. В свою очередь рост $\uparrow w^*$ разложен на две возможные части согласно определению $w^* = we + b$: данный рост требует либо повышения традиционного уровня заработной платы $\uparrow w$, либо роста в уровне безусловного базового дохода, b . (В данном случае мы игнорируем наличие e ; на рисунке влияние $\uparrow u$ на уровень занятости также учитывается.)

Эффекты всех данных изменений анализируются при помощи двух широких категорий, представленных на рисунке справа: потенциалы кризиса и потенциалы роста. Исходя из $\uparrow Y$, мы видим двустороннее влияние роста уровней производительности. Во-первых, наблюдается кризис потенциала: все важные ограничения повышения результативности связаны с использованием горючего топлива, выбросами углекислого газа, разрушением озонового слоя и истощением сточных вод, именуемые, одним словом, экологическим крахом. Отсюда, является ли повышение результативности в любой точке роста устойчивым (Schwartzman, 2009)? Модель, рассматриваемая в данной заметке, безусловно, не претендует на полное раскрытие вопроса; она лишь ведет к ряду смежных вопросов и контекстов.

Во-вторых, на рисунке отображен потенциал человека, именуемый как «творческое/духовное развитие». Увеличение результатов становится материальной основой для высокого уровня – и качества – потребления, которое является базисом для новых человеческих возможностей, как это рассмотрено в классической литературе по рождению коммунистической цивилизации (обзор и источники по темесмотрите: Sherman, 1970).

Учитывая негативный аспект $\uparrow Y$, мы видим, что он соотносится с позитивным итогом $\downarrow L$, указанным внизу Рисунка и именуемым «ростом досуга и стиранием грани между трудом и досугом». Не утверждая, что производительное развитие должно принимать форму постоянного или спадающего уровня рентативности для соответствия требованиям устойчивости, мы можем подчеркнуть, что в той степени, в какой спад количества затраченного труда принимает форму $\uparrow y$, негативное влияние производительного развития на экологию снижается, а экологический кризис смягчается. Однако, заметим, что многое зависит от социальной организации вокруг $\downarrow L$. В условиях «потенциалов кризиса» мы видим, что спад уровня занятости приводит к образованию массы безработных рабочих, или, по Марксу, к «промышленной резервной армии», являющейся основой для глубокого социального кризиса. Безусловно, если спад занятости не будет равномерно распределен среди рабочей силы в форме досуга, то этот процесс завершится в виде раздвоения рабочей силы на слой занятых, т.е. тех, кто так или иначе воспроизводит условия своей жизни, и слой безработных и заемных работников, находящихся на грани выживания.

Далее анализируя эффекты от $\uparrow y$, на Рисунке слева мы продвигаемся вверх по колонке эффектов для рассмотрения влияния роста доли прибыли $\uparrow \pi$. Безусловно, это говорит нам о том, что значительный доход от собственности и социальный класс, получающий этот доход, продолжают свое существование. В данном случае мы сталкиваемся с классической проблемой «кризиса предложения»: недостаток совокупного предложения по причине сверхсбережений, которые являются результатом чрезмерной доли, приходящейся на прибыль. Джон Мейнард Кейнс своим классическим трудом «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) основал школу западной экономической мысли, посвященной изучению этой проблемы, несмотря на недостаточное внимание к социально-классовой и институциональной структуре, которая ее закрепляет. На рисунке 1 под «потенциалами

кризиса» $\uparrow\pi$ ассоциируется с «финансовым кризисом». Финансы как фактическая выжимка «кризиса спроса» слишком огромная тема для рассмотрения в этой короткой заметке. Я лишь предположу, что возможные срывы в цепи финансовых обязательств возникают в особых исторических условиях и рост доли прибыли – в «неолиберальную» эпоху последних десятилетий общепринятый эмпирический тренд – усугубляют проблему обеспечения и погашения долгов, спровоцированных активными капиталами. Мы также можем отметить, что $\uparrow\pi$ замещает падающую ставку прибыли в то время, как структура капитала возрастает, – и это еще одна классическая проблема, изученная Карлом Марксом в 24 главе первого тома и в 25 главе третьей части третьего тома “Капитала” (см. также: Laibman, 2007, ch. 4; Laibman, 1997).

Наконец, мы приходим к проблеме увеличения в ставке совокупного дохода неимущего населения, w^* , которая, как мы знаем, распадается на $\uparrow w$ и $\uparrow b$. Рассматривая последнее под «кризисом потенциалов», мы сталкиваемся с «кризисом стимулов, бременем роста производительности», представляющие собой обратный эффект в противовес отмеченному $\uparrow y$. Проблема роста доли безусловного базового дохода в совокупном доходе традиционно возникает вопреки прогнозам движения в сторону вознаграждений «по потребностям», следя известной формулировке в марковской «Критике Готской программы» (Marx, 1933). Если люди получают существенный доход вне зависимости от того, совершают ли (и как) они свой труд, производство (как утверждается) будет нести убытки, а весь фундамент дохода, подлежащего распределению, распадется. В данном эссе нельзя исследовать столь огромный предмет. Мне лишь хотелось бы подчеркнуть, что общая проблема состоит в том, как могут условия труда (и могут ли), включая степень творчества, автономии и самореализация, возможные благодаря современным технологиям, способствовать развитию уровней мотивации и роста осознания в среде рабочего населения, которые позволяют увеличить

стимулы для выполнения труда за счет внешнего вознаграждения, рассматриваемого в форме дохода.

Далее за этой проблемой скрывается более специфический вопрос, свойственный, прежде всего, обществам, в которых особое место занимает доход на собственность. Другими словами, таким образом увеличение b может повлиять на отношения власти между имущими и неимущими, и к вместе с тем на базовое деление дохода, измеряемое в π . Очевидно, что социальный контекст играет определяющую роль. Следовательно, рост в b приводит к условиям, при которых может преобладать либо кризис потенциалов («кризис стимулов»), либо рост потенциалов («разотчуждение, труд как радость»). В узком смысле сохраняется эффект повышения производительности на ставку заработной платы (см.: Laibman, 2007, глава 4). И здесь также принципиален социальный контекст: в каком смысле повышение заработной платы может считаться «критическим» (спадающим в кризис)? Лишь тогда, когда повышение дохода от труда предоставляется тем, кто выполняет труд, и, следовательно, является проблематичным с точки зрения богатых имущих собственников, господство которых над производством и общественным процессом в значительной мере исходит от бессилия и зависимости уже упомянутого рабочего населения. Таким образом, w рождает потенциальный «кризис трудовой дисциплины». Устранив это социальное ограничение, $\uparrow w$, напротив, создает рост «разотчуждения» и т.д., превращая в позитивные эффекты $\uparrow Y$ и $\downarrow L$.

Этим завершается обзор Рисунка 1, который представляет собой весьма условную задачу и лишь набросок контуров исследования. Если же выводить обобщающее заключение, то стоит заметить, что при изучении производительности и роста производительности следует обращать внимание не только на средства повышения Y , но также и на их противоречивые и потенциально критические эффекты. Более того, рассмотренные эффекты принципиально зависят от социального контекста: от типа отношений власти, стимулов, методов контроля и формирования консенсуса и т.д. Что же касается ключевых экологических

ограничений, накладываемых природной окружающей средой и устойчивостью, то усилия по управлению повышением производительности и детерминацией уровня ее роста должны фокусироваться на существующих общественных препятствиях с целью воплощения ее потенциальных полезных эффектов.

Литература

1. Carling A. "Karl Marx's Theory of History and the Recovery of the Marxian Tradition." // *Science & Society*. 2006. 70:2 (April), 252S274.
2. Cohen G. A. *Karl Marx's Theory of History: A Defence*. Oxford, England: Clarendon Press, 1978.
3. Diamond J. *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. New York: Penguin Books, 2011.
4. Keynes J. M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Palgrave Macmillan, 2007 (1936).
5. Laibman D. *Capitalist Macrodynamics: A Systematic Introduction*. London: Macmillan, 1997.
6. Laibman D. *Deep History: A Study in Social Evolution and Human Potential*. Albany, New York: State University of New York Press, 2007.
7. Marx Karl. *Critique of the Gotha Programme*. New York: International Publishers, 1933.
8. Marx Karl. *Capital*. Vols. I, III. New York: International Publishers, 1967.
9. Meadows D H., Jørgen Randers, Meadows DL. *The Limits to Growth: The 30-Year Update*. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 2004.
10. Schwartzman D. "Ecosocialism or Ecocatastrophe?" // *Capitalism Nature Socialism*. 2009. 20:1 (March), 6-33.
11. Sheahen A. *Basic Income Guarantee: Your Right to Economic Security*. New York : Palgrave Macmillan, 2012.

12. Sherman H. “The Economics of Pure Communism.” // Soviet Studies. 1970. 22 (July), 24-36.
13. Solow R. M., Diamond P. A. Growth, Productivity, Unemployment: Essays to Celebrate Bob Solow’s Birthday. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1990.
14. van Parijs P. “A Basic Income for All.” // Boston Review. 2000. October-November.

200

201

P.I. Нигматулин^{II}

Необходимые условия
экономического роста в России

¹ Роберт Искандерович Нигматулин, научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН, д.ф.-м.н., профессор, академик РАН.

202

Не так просто понять простые мысли.

Георгий Свиридов

Нобелевский лауреат по физике академик П.Л. Капица в 1935 г. в письме Н. Бору писал: «Ученые больше всего озабочены созданием условий для своей личной работы и терпеть не могут широкой постановки вопросов». Выдающихся деятелей науки отличала критичность к ученым, презрение бессодержательности, которую И.П. Павлов [1] называл «контрабандной натурфилософией»

Из сознания большей части специалистов по экономике не только России, но и индустриальных стран ушло понимание того, что главная причина экономических кризисов является недостаточный (несбалансированный с ВВП) покупательский спрос из-за присвоения богатым классом избыточных доходов. Именно этот дисбаланс лежит в основе критики капитализма Карлом Марксом.

В начале 2015 года Стив Форбс, главный редактор знаменитого журнала «Форбс» в передовой статье подверг резкой критике экономистов и политических лидеров *«за неспособность оценить, чем сегодня болеет большинство экономик, и назначить правильное лечение»*. Эта поразительная неспособность удручает и свидетельствует об их *«твердолобом отказе изучить факты, глубинной эмоциональной приверженности фальшивым идеям и умственной лени»*. Сильнее не скажешь. Далее С. Форбс утверждает, что кризис 2008-2009 годов не преодолен, и такого ущербного восстановления никогда не было. Валовый продукт мира,

составляющий 73,5 трл. долларов, в 2009 и 2015 годах сокращался по сравнению с предыдущими годами на 5,3% и 4,9% соответственно. Индекс валют развивающихся стран относительно USD снизился² на 8,5%. Экспорт развивающихся стран сократился на 10%.

В России экономисты ограничиваются декларированием триадальных необходимых условиях экономического роста: свобода предпринимательства, конкуренция, верховенство законов. Пафос таких деклараций понятен, т.к. в России даже эти условия не обеспечиваются.

Роль платежеспособного спроса.

В подавляющей части публикаций игнорируется упомянутая выше причина угнетающих экономику кризисов – несбалансированность платежеспособного спроса, определяемого доходами трудящихся, т.е. среднего и бедного классов, которые составляют 95% населения (см. [2–4]). А платежеспособный спрос определяются фондом оплаты труда (ФОТ) этих 95% населения. В настоящее время ФОТ существенно ниже сбалансированного из-за упомянутого выше избыточного (несбалансированного) присвоения доходов богатым классом. Именно это роднит нынешний глобальный кризис с марковым кризисом перепроизводства (см. анализ Р.И. Хасбулатова в двухтомном труде [5]). Необходимо понять две теоремы.

Теорема 1: Единственный двигатель рыночной экономики – платежеспособный спрос.

Теорема 2: Главный инвестор экономики – народ, получающий сбалансированную зарплату.

Народ получает зарплату и покупает товар. В его цену должна входить цена амортизации средств производства, которая

² А наш рубль упал по отношению к доллару в 2 раза.

должна компенсироваться инвестиционной компонентой и которая должна входить в сбалансированную цену. А для этого зарплата народа должна быть сбалансирована с ценами, цены должны быть сбалансированы с издержками.

Роль сбалансированного распределения доходов.

Показатели дисбалансов в распределении доходов в России следующие. По данным вице-премьера Правительства РФ О. Голоцеса за чертой бедности (доход меньше 9700 руб/мес×чел) находятся 16% населения (23 млн. человек). Статистика показывает, что зарплата 50% трудящихся меньше 20 тыс. руб/мес). И на этом фоне бедности 0,4% семей (200 тысяч семей) имеют доход более 5 млн. руб/мес. А это значит, что эти 0,4% населения забирают себе ~ 10 Трл руб/год. А весь федеральный бюджет составляет 15 Трл руб/год. Разрыв между богатыми и бедными катастрофически растет. Поэтому за 3 последних года продажа отечественных (относительно дешевых) автомобилей сократилась на 40%, а продажа автомобилей ЛЮКС только в 2016 г. выросла на 23%.

Показателями несбалансированности распределения доходов является известный децильный коэффициент D и менее упоминаемый центильный коэффициент. Центильный коэффициент d равен той доле от доходов всех домашних хозяйств, которая приходится на 1% богатейших. Он гораздо показательней характеризует социально-экономический строй. Его значимость доказывается в книгах Дж. Стиглица [6] и Т. Пикетти [7].

В таблицах 1 показаны эти параметры (D и d), относящиеся к США.

Табл.1.

Год	1990	2008	2011	Год	1927	1973	1990	2012	2015
D	6	9	15	$d, \%$	18,7	7,7	12	19,3	25

Видно, что в настоящее время эти параметры имеют аномальные значения в пользу богатого класса. В частности, центильный коэффициент, превысил даже те его значения, которые были во время великой американской депрессии (1927 год). Этую депрессию пришлось преодолевать команде Франклина Рузвельта. Кризис был преодолен, после реформ, в результате которых центильный коэффициент снизился в 2,5 раз до нормы, равной 7-8% за счет прогрессивной налоговой шкалы, закона о минимальной оплате труда, ограничений на вывоз капиталов и других мер, направленных на повышение доли доходов среднего и бедного классов. В 1950-1960-е годы с больших доходов, получаемых финансовыми процедурами, налоги доходили до 92%. Благодаря этим реформам, средний класс США стал зажиточным, и была построена удобная для жизни большинства народа страна. Но начиная с 1980-х годов, богатый класс США добился таких изменений экономического порядка, которые позволили кратко сократить отчисления в федеральный бюджет с больших доходов корпораций и их богатых собственников. Это привело к ухудшению экономического состояния среднего класса и кратному росту децильного и центильного коэффициентов (см. таблицу 1), что свойственно разбалансированной экономике из-за близорукого перераспределения доходов в пользу богатого меньшинства. Тормозящее экономику избыточное неравенство было подробно показано не только на примере России, но и других странах в работах профессора А.Ю. Шевякова [8].

Таким образом, ресурсы для преодоления современного кризиса нужно искать не сокращением (под флагом экономии) доходов бедного и среднего классов, определяющих покупательский спрос страны, а сбалансированным сокращением сверхдоходов богатого класса, составляющего около 1% населения. Вот это будет реальной экономией, идущей на увеличение покупательского спроса и инвестиционного потенциала. Отсюда же следует парадоксальная на взгляд основной массы экономистов, исповедующих псевдотеории 1980-1990-х годов, теорема (см. [2, 3]).

Теорема 3. Когда в экономике кризис, правительство в первую очередь должно думать не о сокращении своего бюджета и зарплат, а об увеличении сбалансированного покупательского спроса, в том числе и через зарплаты бюджетников за счет сбалансированного сокращения доходов богатых в пользу бедного и среднего классов.

Об этом же пишут нобелевские лауреаты по экономике Джозеф Стиглиц и Эрик Маскин. А Людвиг Эрхард, творец немецкого послевоенного экономического чуда в Германии высказал еще одну важнейшую теорему:

Теорема 4. Покупательский спрос должен умеренно опережать производственные возможности.

Пороки российской экономики.

Для российской экономики децильный коэффициент $D = 16$, а центильный по разным оценкам $d = 30\text{--}50\%$. Таким аномальным значениям указанных коэффициентов, характеризующих аномальное социальное неравенство в России, способствует то, что у этого супербогатого 1% населения сосредоточено 71% всей самой прибыльной собственности, приносящей богатому классу большие доходы, не облагаемые балансирующими экономику налогами. В результате у российской экономики гораздо сильнее ослаблен двигатель экономики, коим является платежеспособный спрос.

Это одна из корневых причин того, что российская экономика, ее производительные силы плохо развиваются. Имеется аномально высокая доля производства сырья, только которое имеет спрос за рубежом. Наш экспорт на 92% состоит из сырья и полусырья. Это нефть, газ, нефтепродукты, уголь, руда, металлы, удобрения, древесина, целлюлоза. А доля производства товаров потребления у нас мала. Нефти мы добываем 3,5 тонны на душу в год – столько же, сколько потребляется в США. Но из этих 3,5 тонн Россия 2,5 тонны экспортирует в виде сырой нефти и продуктов относительно простой переработки (бензин, керосин, дизельное топливо,

мазут), так как в своей стране на них нет сбалансированного спроса из-за малой доли перерабатывающих отраслей, потребляющих сырье. У себя потребляем только менее 1 тонны.

У нас сократилось машиностроение, в частности производство самолетов. В «брежневское» время производилось до 160 гражданских самолетов в год, а сейчас – около 20-30. А авиационные технологии – высочайшие технологии, и мы их теряем.

В 1989 году в РСФСР было 140 млн. авиапассажиров в год, а в 2006 году всего 37 млн. В 2013 году их стало 84 млн. А в США около 800 млн. авиапассажиров. На каждого жителя России приходится 0,6 полета в год, а в США более, чем в 4 раза больше – 2,5 авиапассажира в год. Там весь средний класс систематически летает на самолетах, потому что в США для этого имеется достаточная зарплата.

Теорема 5. Пока учитель, инженер, агроном со своей семьей не сможет на свою зарплату хотя бы 1 раз в год (а это 2 полета на каждого человека) слетать на самолете в отпуск, не нужно будет нам много самолетов.

Потому необходима *сбалансированная зарплата среднего класса*, достаточная, чтобы увеличить спрос на авиаполеты, что возможно пока только за счет уменьшения сверхдоходов богатых в пользу среднего класса. Без этого много самолетов нам не нужно, и их «проще» купить у иностранных фирм.

Из-за падения уровня зарплат в 2014-2015 годах и сокращения платежеспособного спроса происходит сокращение производства отечественных автомобилей: АвтоВАЗ - на 30%, КАМАЗ – на 60%. Сокращается строительство жилья.

Налоги – как инструмент гармонизации покупательского спроса.

Важнейшими инструментами гармонизации и балансировки социального неравенства являются *налоги* – налоги на доходы, налоги на богатую собственность, на роскошь, на большие наследства,

а также закон о минимальной оплате труда, достаточной для воспроизводства населения и нормальной социальной атмосферы.

Во всех индустриальных странах одним из способов приведения экономики в сбалансированное состояние используется прогрессивная налоговая шкала. Подчеркиваю – во всех! Но западные налоговые стандарты в последние десятилетия ослабив налоги на сверхбогатый класс, который большую часть доходов тратят не на товары, а на раздувание финансовых пузырей. Увеличение доли доходов богатого класса уменьшает долю доходов на средний и бедный классы, что сокращает покупательский спрос на товары.

В России плоская шкала налогов выполнила свою позитивную роль. Она позволила развить налоговую систему в новых рыночных условиях. На следующем этапе следует сохранить плоскую шкалу налогов на 99% населения и ввести налог на сверхбогатство 1% населения, например на доходы, превышающие 30 млн. руб./год (2,5 млн. руб./мес) и недвижимость стоимостью, превышающую 100 млн руб. Реформа налоговой системы должна перенести нагрузку с бизнеса на высокие доходы богатого класса с их нетрудовых доходов (сдача в аренду, доходы от акций, большие наследства) и с трат на роскошь. Собранные таким образом ресурсы вместо избыточных расходов на роскошь и вывоз за границу могут быть использованы на поддержку образования, здравоохранения, науки и культуры, в частности, и на повышение зарплат в этих оскудевших сферах. А это повысит покупательский спрос и инвестиционный ресурс в соответствии с теоремами 1–3.

Теорема 6. Налоги на сверхбогатство (сверхбольшие доходы и сверхбогатую собственность) являются *необходимым условием* экономического роста в рыночной экономике.

Сбалансированная доля госрасходов.

Доля госрасходов (консолидированного госбюджета) в социальном государстве должна составлять около 50% от ВВП, как

в большинстве стран Европы³, а не 30% как сейчас в России. Только тогда можно обеспечить сбалансированные нормы расходов социального государства на образование, здравоохранение, науку и культуру, которые в сумме должны составлять 25% ВВП, а не 10%, как сейчас в России.

Некоторые критики Правительства предлагают восполнить недофинансирование социальных расходов сокращением военных расходов. Но эти расходы в России составляют в последние годы 4% ВВП. Поэтому на них много не сэкономишь⁴, чтобы компенсировать катастрофическое недофинансирование необходимых для жизни страны социальных и других расходов. Ведь их недофинансирование составляет около 20% ВВП. И эту сумму надо восполнить за счет сбалансированного сокращения доходов богатого класса посредством налогов на сверхбогатство. Ныне эти средства не вкладываются в российскую экономику и расходятся на роскошь и вывоз за рубеж. Переход к такому балансу между ВВП и госбюджетом приведет Россию к нормам социального государства, характерного для всех стран Европы и Северной Америки. А сейчас Россия вопреки своей Конституции до социального государства европейского уровня существенно не дотягивает. Об этом же свидетельствует вопиющий факт: зарплата российского профессора в 10 раз меньше зарплаты депутата парламента. Во всех странах эти зарплаты примерно одинаковы.

Анализ соотношений между зарплатами и ценами на основные товары в сбалансированных экономиках зарубежных стран сводится к теореме.

Теорема 7. Минимальная зарплата должна быть равна стоимости примерно 1000 л бензина, а средняя зарплата – в два раза больше.

³ В северных странах (страны Скандинавии, Канада, Дания и др.) эта доля еще больше и равна 60%.

⁴ Да и международная обстановка не располагает к сокращению оборонных расходов. Россия должна укреплять свою армию.

Максимальные зарплаты, оплачиваемые за счет госбюджета, в том числе и чиновникам высшего ранга должны назначаться таким образом, чтобы минимальные были не меньше 15% от максимальных. Повышение благосостояния чиновников должно быть согласовано с благосостоянием народа.

Вводить эти инструменты надо постепенно, но неуклонно. Например, в первый год ввести повышенную ставку налога на доходы физических лиц, превышающие 30 миллионов руб в год, затем на доходы, превышающие 25 млн. руб в год и т.д. Регионам надо дать право вводить повышенную ставку налога на недвижимость со стоимостью более 50 млн. руб. В переходный период налоговую шкалу следует каждый год корректировать. Чем позже начнем, тем тяжелее будет выходить из кризиса. Ведь создание сбалансированной налоговой системы, обеспечивающей сбалансированные с ВВП госрасходы, требует времени, высокую квалификацию налоговой службы и осознанную дисциплину высокооплачиваемой части народа.

Необходимо параллельно ослаблять налоги на бизнес, на добавленную стоимость, перекладывая налоговую нагрузку на большие доходы и на богатую собственность, на потребление роскоши.

Балансы цен и зарплат.

Сбалансированы должны быть и цены на основные товары. Анализ цен в развитых странах сводится к теореме

Теорема 8. Цена 1 кг простого хлеба должна равняться цене 3-4 литров бензина, а не 1 литра, как сейчас у нас.

В результате, отрасли производящие топливо, имеют повышенные доходы, а те, кто производят хлеб и другие необходимые социальные товары недофинансируются. Это происходит от того, что при существующих зарплатах бедного и среднего классов и завышенных ценах на бензин невозможно сбалансировать цены на социальные товары. Поэтому необходимо снижать цены на

бензин (сокращая налоги на внутреннее потребление топлива и избыточную прибыль) и повышать зарплату для бедного и среднего классов. Вот тогда, повысив зарплату, можно будет сбалансировать цены на хлеб и обеспечить сбалансированное инвестирование производства недофинансируемых социальных производств.

Аналогично ориентиром должно служить сбалансированное соотношение для стоимости жилья: 1 кв. метр жилья для среднего класса должен стоить примерно столько, сколько стоит 2000 литров бензина. Это соотношение характерно для стран с климатом, близким к среднероссийскому.

Сразу следует иметь в виду, что представленные соотношения цен должны достигаться не административными методами, а рыночными инструментами государства, с помощью налогов, акцизов и др.

Уровень управления экономикой.

Еще одной причиной неблагополучия нашей экономики является неэффективный уровень ее управления.

Если в 1970 по 1990 годы на каждый рубль инвестиций отдача составляла 4,2 руб., то в 2000 по 2014 годы она стала 2,7 рубля. И никого в Правительстве это не заставляет задуматься.

Нет понимания у руководителей финансово-экономического блока межотраслевого баланса (МОБ). Россия единственная страна, которая не рассчитывает МОБ. Этот метод был разработан В.В. Леонтьевым, за что он был награжден нобелевской премией. Для таких расчетов необходима математическая подготовка, которая сейчас недается на экономических факультетах, и нынешние специалисты и руководители экономического блока в Правительстве его не только не понимают, но и не способны понять.

Пренебрежение основами межотраслевого баланса привело к тому, что Правительство РФ в 2008 г. утвердило энергетическую

стратегию страны (с претенциозным названием ГОЭЛРО-2). В этой программе в 4,5 (!) раз был ошибочно завышен прирост электропотребления и соответствующий ему необходимый прирост электрогенерирующих мощностей и сетей к 2020 г. Для обеспечения соответствующих инвестиций была дополнительно поднята цена на электроэнергию на 20%, взяты кредиты в госбанках под 15%. А в результате сейчас простаивают 15 ГВт генерирующих мощностей. Эта ошибка обошлась госбюджету в 2,5 трл. руб за 6 лет. А это равно бюджету всех институтов РАН за четверть века. Вот вам цена только одной макроэкономической ошибки. И выводов из этой истории не только в Правительстве, но даже специалисты по экономике не сделали. И таких неосознанных ошибок из-за непонимания экономических балансов очень много.

В результате политическое руководство страны имеет грубо искаженные экономические ориентиры. Президент страны в 2012 году в одном из своих выступлений заявил, что к 2020 году будет построено 32 новых блоков атомных электростанций, а чуть позже стали говорить о 28 блоках. А будет построено всего 6 блоков, а больше по энергетическому балансу и не нужно. Где остались широковещательные программы по удвоению ВВП, объявленные в 2005 году? Где 25 миллионов высокотехнологических мест к 2020 году? Никто не отвечает за невыполнение этих обещаний, заявленных на самом высоком уровне. Неквалифицированные и безответственные руководители годами сидят на своих пргретых местах, получая зарплаты, многократно превышающие зарплаты учителей, врачей, профессоров.

Правительство плохо собирает налоги, хотя гордится своей антисоциальной, а самое главное – антиэкономической плоской (а точнее, регressiveвой) налоговой шкалой. Миры об эффективности нынешнего налогового законодательства и нынешней системы сбора налогов в РФ опровергается В.А. Кашиным и М.Д. Абрамовым (см. [9]). По их данным по существующему законодательству с доходов физических лиц, по ставкам социальногго страхования, экспортным пошлинам, импортным пошлинам,

по ставкам на добавленную стоимость и незаконное его возмещение недополучено налогов в сумме на 8,2 трл. руб.

Одной из причин падения производства является завышенная в 2 раза цена электроэнергии и топлива из-за высокой прибыльности и избыточного налогообложения. Опять нарушение баланса, что приводит к самым высоким ценам на электроэнергию по курсу покупательной способности среди индустриальных стран. Последнее снижает конкурентоспособность российских производств даже на внутреннем рынке. Это также не беспокоит Правительство.

Руководители Правительства часто жалуются на неэффективность науки в разработке новых технологий. Должна быть осознаны очень важные теоремы экономики знаний и инвестиционной атмосферы.

Теорема 9. Организация спроса на знания является важнейшей функцией государства. Главная вина слабого внедрения новых технологий лежит на государстве.

Заключение.

У России имеется восемь главных ресурсов экономического роста и усиления производительных сил.

1. Часть сверхдоходов очень богатых. Эта часть должна аккумулироваться с помощью налогов (используемых в США, Канаде и всех европейских странах).

2. Сбалансированное повышение оплаты труда 90% населения, чтобы обеспечить баланс зарплат, цен и издержек производства. Сбалансированные зарплаты позволят самому народу (покупателю) финансировать инвестиционные компоненты товаров, оплачивая их по сбалансированным ценам.

3. Уменьшение налогов на бизнес, создающих рабочие места. Налоги надо перемещать на большие доходы физических лиц.

4. Целевое кредитование и оздоровление финансового сектора в соответствии программой академика С.Ю. Глазьева [10, 11].

5. Снижение цен на энергоресурсы и электроэнергию на внутреннем рынке. Эти цены следует сбалансировать с издержками, снизив налоги и избыточную прибыль.

6. Сокращение паразитического вывоза капиталов и трат на содержание роскоши за границей, сокращение офшорной экономики (см. также доклад А.Г. Аганбегяна [12]).

7. Сокращение трат на избыточный госаппарат, на ненужные проекты и стройки, которые являются результатом низкой квалификации «элиты» экономического блока и его классовой заинтересованности в своих избыточных доходах.

8. Борьба с коррупционерами, эффективная судебно-правовая система.

Следует сосредоточить инвестиции на следующие отрасли экономики, которые дадут относительно быструю отдачу:

1. Жилье для народа (см. также доклад А.Г. Аганбегяна [12]);

2. Нефтехимия и газохимия;

3. Электрогенерация на основе парогазовых турбинных установок, энергосбережение;

4. Сельское хозяйство и пищевая промышленность.

5. Высокотехнологические отрасли: авиационная промышленность, биотехнологии, фармацевтика (см. программу С.Ю. Глазьева [10, 11]).

Проведение всех этих мероприятий требует высокой квалификации правительства, и лучше будет, чтобы оно менялось эволюционно, а не в результате потрясений. Для этого необходимо усилить ответственность за провалы, расширить экспертную деятельность, способствовать политической конкуренции и свободе слова в СМИ и особенно на федеральных каналах на телевидении.

В системе управления первые роли должны играть профессионалы, реальные специалисты (инженеры, агрономы, врачи и т.д.), проявившие себя в производстве на всех ступенях своей карьеры. Менеджеры, экономисты и юристы должны помогать управлять, а не главенствовать.

Оппозиции следует объединяться и работать с научной интеллигенцией, деятелями культуры. При поддержке Президента РФ следует организовать оппозиционные (*теневые*) правительства, (в Великобритании оппозиция в парламенте называется «Оппозицией ее Величества», которая помогает Ее Величеству и общественности разбираться в делах страны), в которые помимо парламентариев должны быть специалисты. Оно должно не только критиковать решения Правительства, но и выдвигать позитивные решения, тем самым помогая ему и Президенту.

Необходимо сделать все, чтобы предотвратить революционный обвал власти в стране. Поддерживая государственную власть и Президента, необходимо оказывать критическое давление для позитивных преобразований (в том числе и через выборы), которые пока отвергаются правящим чиновничеством. Это тем более важно, что Россия поставила перед собой ряд geopolитических задач в противовес западным странам.

Угроза социальной нестабильности может возникнуть, чему может способствовать:

1. Непривлекательность российского образа жизни с аномальным социальным расслоением, коррупцией, российскими богачами, скучающими роскошь в Европе на фоне явной материальной необеспеченности народа. На этом фоне облегчается враждебность к России на Западе после кризиса в Украине.
2. Неадекватность «антикризисного плана». Реакция на уровне инстинктов, унылый секвестр бюджета и упование на «ручное управление»⁵.

⁵ Ни покупательская способность трудящихся, ни федеральный, ни региональные бюджеты, сложившись не могут оплатить издержки РЖД на пригородное поезда. А при советской власти эти издержки оплачивались. Каждый год у нас сгорают дома престарелых, сирот или психиатрический стационар с десятками жертв. Таких базисных проблем жизни народа, связанных с экономическими дисбалансами - катастрофическим недофинансированием важнейших экономических и социальных сфер страны, очень много,

см. на следующей странице

3. Порочность идейного багажа нынешних иерархов «экономической религии», исповедуемой в правительстве.

Переход от нынешних дисбалансов к сбалансированным показателям связан с переделом доходов. Он должен производиться с помощью цивилизованных повышенных налогов только на сверхбольшие доходы и богатую собственность (и только на них). Это частично должен затронуть сначала только 1%, а позднее только 3–5% населения, и никак не должен задеть средний класс, который не должен заполнять налоговые декларации, чем пугают «элиты» и ее «интеллигентская» обслуга. Кроме того, передел должен проходить эволюционно (без скачков), но неуклонно. Задержка приводит к необратимым повреждениям производительных сил и нарушению социальной стабильности.

Список литературы

1. Павлов И.П. О русском массовом уме, Природа. 1999. №8. С. 93–102. См. также <http://newcontinent.ru/story/pavlov.htm>, <http://shri-boomer.livejournal.com/411816.html>
2. Нигматулин Р.И., Нигматулин Б.И. Кризис и модернизация России – тринадцать теорем. Препринт. Москва, 2010 (электронная версия: www.mk.ru/economics, www.ocean.ru).
3. Нигматулин Р.И., Нигматулин Б.И. Исходные теоремы модернизации экономики России, «Неэкономические грани экономики: непознанное влияние» под ред. О.Т. Богомолова, М.: ИНЭС, С. 37–61, 2010.

см. на предыдущей странице и они не могут быть решены в рамках нынешней парадигмы Правительства РФ и правительства регионов с госбюджетом, составляющим всего 30% ВВП, тогда как в социально сбалансированной стране госбюджет должен составлять 50% ВВП .

4. Нигматулин Р.И. Экономический кризис, экономические балансы, научная интелигенция, Сборник материалов II международного конгресса «Производство, наука и образование в России: преодолеть стагнацию. Под ред. С.Д. Бодрунова, СПб, ИНИР им С.Ю. Витте, 2016, С. 43-52.
5. Хасбулатов Р.И. Закат рыночного фундаментализма. Теория, политика, конфликты, т.1 и 2, М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. 1000 с.
6. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо, 2016. – 480 с.
7. Пикетти Т. Капитал в XXI веке, М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с.
8. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: исследование взаимосвязи, МСЭПН РАН, М.: 2009.
9. Кашин В.А., М.Д. Абрамов. Промышленная политика и налоговое регулирование. Институт проблем рынка РАН, М.: 2015.
10. Глазьев С.Ю. О таргетировании инфляции. Вопросы экономики, № 9, 2015, С. 1-12.
11. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Научный совет по комплексным проблемам евразийской интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивого развития РАН, М.: 2015.
12. Аганбегян А.Г. Конференции «Российская экономика и российское бизнес-образование», 26 ноября 2015 г., <http://www.e-xecutive.ru/finance/business/1984494-abel-aganbegyan-chtoby-vyiti-iz-stagnatsii-nado-menyaetekonomicheskui-politiku>.

O.H. Смолин¹

Негативная конвергенция
и новая индустриализация:
прогнозы и реальность

¹ Олег Николаевич Смолин, первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы ФС РФ, д.филос.н., профессор, академик РАО.

220

Как известно, сторонники теории нового индустриального общества, включая ее классика Джона Гэлбрейта, полагали, что две существовавшие и конкурировавшие тогда системы – рыночно-капиталистическая и планово-социалистическая – будут двигаться навстречу друг другу и в конце концов произойдет объединение достоинств этих систем (позитивная конвергенция).

«Десять лет назад, вскоре после запуска первого спутника, в Соединенных Штатах наблюдался значительный и модный интерес к вопросам подготовки научных и инженерных кадров. Многие доказывали, что советская система, придающая большее значение функциям государства, среди которых выдающееся место занимает забота об образовании, имеет в этом отношении естественное преимущество.

Мы видим, таким образом, что конвергенция двух как будто различных индустриальных систем происходит во всех важнейших областях. Это чрезвычайно отрадное обстоятельство. Со временем (и, пожалуй, скорее, чем можно себе представить) оно опровергнет представление о неминуемом столкновении, обусловленном не-примиримым различием. Сказанное здесь о конвергенции двух систем не скоро получит всеобщее признание. Люди, толкующие о непроходимой пропасти, отделяющей свободный мир от коммунистического мира и свободное предпринимательство от коммунизма, защищены от сомнений столь же догматической уверенностью, что, какова бы ни была эволюция системы свободного

предпринимательства, она никак не может стать похожей на социализм. Но перед лицом очевидных фактов эти позиции можно отстаивать лишь временно. Только наиболее одержимый идеолог или самый пламенный пропагандист может цепляться за свои взгляды, сознавая, что все большее число людей считает их устаревшими. Самолюбие – это великий фактор духовного обновления.

Понимание того факта, что в ходе своего развития обе индустриальные системы сближаются, будет содействовать, надо полагать, установлению согласия относительно общей опасности, таящейся в гонке вооружений, и необходимости покончить с ней или же начать соперничать в более благотворных областях. Ничто, пожалуй, не позволяет лучше заглянуть в будущее индустриальной системы, чем установление факта конвергенции, ибо в противоположность нынешним представлениям оно подразумевает, что этой системе может быть обеспечено будущее»².

Гибридную общественную модель, которая должна была в результате возникнуть, Дж. Гэлбрейт называл даже «новым социализмом»³. При этом предполагалось, что развитие обеих систем будет эволюционным, управляемым посредством проведения экономических и политических реформ.

Однако в действительности в России произошла т.н. вторая русская революция (по мнению ее сторонников, в т.ч. большинства либералов) или контрреволюция (по мнению ее противников левого и патриотического толка).

В свое время автором проанализированы закономерности революции как исторической ситуации независимо от ее направленности⁴. Среди них есть и такие:

² Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 556-557.

³ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М., 1976. С. 281.

⁴ Образование. Революция. Закон. Проблема законодательного обеспечения российской государственной образовательной политики 90-х годов. Часть I. Новейшая революция в России. Опыт политico-сituационного анализа. – М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 1999. – С. 39-48.

- множественные катастрофы;
- радикальное отрицание и связанный с ним «принцип маятника»;
- противоположность первоначальных последствий революции заявленным целям. На последней остановимся подробнее.

Превращение в противоположность: деиндустриализация и негативная конвергенция

В результате крушения СССР и мировой системы социализма на Западе происходит «откат» от достижений социальной политики, частичное размывание принципов социального государства, а в России в 1990-х вместо позитивной конвергенции произошла и в значительной мере сохранилась до настоящего времени конвергенция негативная.

Теория конвергенции, если и была реализована в России, то не в позитивной ее интерпретации, которую предлагали, например, Дж. Гэлбрейт и А. Сахаров, предполагавшие, что конвергентная модель общества будет синтезировать достижения общественно-плановой (социалистической) и частно-рыночной (капиталистической) систем. Напротив, радикальная трансформация «советской модели» в модель постсоветскую, по крайней мере, на данном этапе привела к «негативной конвергенции». В итоге сформировался своеобразный социальный «кентавр», противоречиво синтезирующий, казалось бы, несовместимые стороны, в том числе пороки различных цивилизаций и общественных формаций:

- образовательный потенциал и квалификация работника — почти на уровне индустриальных стран Запада, а оплата его труда в реальном исчислении — в несколько раз ниже, чем в странах со средним уровнем развития;
- уравнительность, например, в пенсионном обеспечении — более высокая, чем была в советский период, при общем уровне

социального неравенства, значительно превосходящем аналогичные показатели индустриально развитых стран;

– низкая рождаемость – как в развитых странах, но высокая смертность и низкая продолжительность жизни – как в развивающихся;

– практически все проблемы «потребительского общества» при отсутствии его главного атрибута – высокого массового потребления, а значит, и самого «потребительского общества» и т.п.

Опыт последнего десятилетия показал, что классические либеральные и неолиберальные экономические модели в России на практике дают иные, в ряде случаев прямо противоположные результаты, чем это предполагается в теории. Так, например, приватизация как главное «лекарство» от всевластия бюрократии в отечественных условиях сопровождалась разрастанием бюрократического аппарата, усилением его коррумпированности и снижением дееспособности.

Одно из проявлений негативной конвергенции – деиндустриализация вместо нового индустриального общества. Приведу лишь некоторые данные, характеризующие этот процесс в России.

Так, согласно последним данным официальной статистики⁵, по отношению к советскому уровню в настоящее время производство составляет:

гражданских самолетов составляет в настоящее время 44%;
деревообрабатывающих станков – 19%;
экскаваторов – менее 8%;
металлорежущих станков – 4,5%;
тракторов – 3,5%⁶.

Еще одно печальное проявление негативной конвергенции – низкая рождаемость, как в развитых странах, и высокая смертность, как в развивающихся. В итоге в 1990-х мы получили т.н.

⁵ Официальный сайт Государственного комитета статистики РФ
<http://www.gks.ru/>

⁶ Данные округлены.

русский крест. И, несмотря на улучшение демографической ситуации в последние годы, по данным А.Л. Кудрина, до 2035 г. Россия потеряет примерно 10 миллионов молодежи и три миллиона граждан старшего возраста⁷. Другими словами, негативные демографические тенденции вновь возобладают.

Но, быть может, самое главное проявление негативной конвергенции – выстроенная в стране модель, которая совмещает рыночный фундаментализм в экономической политике с силовым управлением в государственном строительстве. Эта модель тормозит даже чисто капиталистическое развитие, не говоря о создании социального государства.

Интересно, что незадолго до ухода с поста Председателя Счетной палаты С.В. Степашин в Государственной Думе специально заявил: «пока в России мы ... не освободим силовые структуры от несвойственных им функций управления,... никакой инвестор к нам по-серёзному не пойдёт. И это проблема уже организационно-политическая»⁸!

Негативная конвергенция проявилась и в относительном (по сравнению с другими странами), а в 1990-е гг. и абсолютном падении индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) или индекса человеческого развития (ИЧР), которым программа развития ООН с конца XX века измеряет в общем виде успехи и неудачи социально-экономической политики различных стран.

Динамика индекса развития человеческого потенциала в России выглядит следующим образом:

⁷ Устойчивый экономический рост: модель для России. Доклад А. Кудрина на VIII Гайдаровском форуме «Россия и мир: выбор приоритетов». – Москва. 13 января 2017 г. <https://akudrin.ru/news/ustoychivyy-ekonomicheskiy-rost-dlya-rossii-vystuplenie-na-gaydarovskom-forume-13-01-2016>

⁸ См. Стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 21 октября 2011 г. http://transcript.duma.gov.ru/search/?sessid=3487&doctype=o&dt_start=21.10.2011&dt_end=21.10.2011&phrase1=

1985 г. – в десятке мировых лидеров⁹;
1992 г. – 34-е место¹⁰;
1995 г. – 72-е место¹¹;
1999 г. – 55-е место¹²;
2007 г. – 67-е место¹³;
2015 г. – 50-е место¹⁴.

При этом, согласно общепринятым среди современных экономистов мнению, именно человеческий потенциал, который

⁹ По мнению руководителя Центра «Человеческий и социальный капитал» Федерального института развития образования М.Б. Зыкова, если бы ИРЧП подсчитывался в 1970-1980 гг., то СССР наверняка был бы в первой десятке стран, а, исходя из оптимистического прогноза, мог бы претендовать и на третье место в мире.

Хотя ИРЧП начал рассчитываться только в 1990 г., данные за предыдущие годы могут быть получены путём применения математических расчётов с помощью следующих показателей, опубликованных в «Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 1999 год» (М.: Права человека, 1999): средняя продолжительность жизни граждан в СССР в 1987 г. составляла 70,2 года; коэффициент суммарной рождаемости в России в 1970 г. был 1,88; по показателям смертности и продолжительности жизни СССР ещё в начале 1970-х гг. вполне мог конкурировать с большинством промышленных стран. При расчётах подушевого дохода (от деления суммарного ВВП на количество жителей страны) стоит помнить, что бюджет СССР на 85% был военным. Следовательно, 15% было достаточно, чтобы решать все социальные проблемы населения в 280 млн человек.

¹⁰ См.: Отчет по человеческому развитию 1994. Нью-Йорк: ПРООН, 1994. – С. 129-131.

¹¹ См.: Доклад о развитии человека за 1998 год. Нью-Йорк Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, 1998. – С. 130-132.

¹² См.: Доклад о развитии человека за 2001 год. Нью-Йорк Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, 2001. – С. 141-144.

¹³ См.: «Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие». М.: Изд-во «Весь Мир», 2009.

¹⁴ См.: «Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития». М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. С. 216-219.

превращается в человеческий капитал, является основой модернизации в XXI веке. Более того, некоторые экономисты убеждены, что он занимает то место, которое прежде принадлежало первому подразделению первого подразделения общественного производства, т.е. производство средств производства для производства средств производства¹⁵.

Несмотря на то, что отечественные показатели ИРЧП улучшились как раз в кризисный период (2008–2009, 2014–2015 для страны были именно кризисными), нет оснований полагать, что позитивная тенденция динамики индекса человеческого развития будет продолжена. В этой связи напомню лишь некоторые данные Федерации независимых профсоюзов России:

— в результате стремительного роста цен на товары и услуги первой необходимости минимальный потребительский бюджет в России за годы последнего кризиса увеличился примерно с 25 тыс. до 36 тыс. руб. на человека. Это соответствует среднему размеру заработной платы в стране. Подавляющее большинство граждан получают меньше;

— номинальные (т.е. выраженные в обесцененных рублях) доходы граждан опустились до уровня 2014 г., а реальные доходы — до уровня 2011 г. Если учесть, что в 2008–2010 гг. страна переживала предыдущий кризис, реальные доходы, скорее всего, оказались на уровне 2007 г., если не ниже. Другими словами, благосостояние граждан отброшено на 10 лет назад;

— зарплата учителей, врачей, работников науки и культуры в 2014–2016 гг. не индексировалась. И не индексируется в большинстве регионов в 2017 г. Что же касается президентских указов, отчитываются об их исполнении за счет «чудес» статистики.

Стоит также напомнить заявление заместителя Председателя Правительства России О.Ю. Голодец об уникальной российской бедности пяти миллионов работников, которые получают

¹⁵ Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. М.: УРФФ, 2004. С. 83.

минимальную заработную плату ниже прожиточного минимума¹⁶. При этом сам отечественный прожиточный минимум рассчитан по международным нормам, предназначенным для развивающихся стран Азии и Африки, и благодаря «искусству» Росстата при официально признанном росте цен дважды снижался в четвертом квартале 2015 г. (с 10017 руб. до 9673 руб.) и в третьем квартале 2016 г. (с 9956 руб. до 9889 руб.) Есть основание полагать, что подчинение Росстата Министерству экономического развития РФ будут способствовать дальнейшему превращению страны в «поле статистических чудес».

К этой же серии относится отчет Правительства об исполнении майских (2012 г.) указов Президента РФ, обнародованный 7 мая 2017 г. – так сказать, к пятилетнему юбилею¹⁷. Согласно этому отчету, указы исполнены на 91%!

Между тем, мало-мальски образованные люди, знакомые с основами математики и философии, хорошо знают: далеко не все величины поддаются количественному измерению. И исполнение указов в процентах – как раз такой случай. Ситуация напоминает недобросовестную рекламу, в которой утверждается, что стиральный порошок или лекарство X на столько-то процентов эффективнее, чем стиральный порошок или лекарство Y, хотя измерить в процентах такие величины невозможно.

Однако главное в другом: официальные данные принципиально расходятся с мнением тех, для кого указы предназначены. Продемонстрируем это только одним примером.

Депутат Государственной Думы от «Единой России», заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке Л.Н. Духанина организовала опрос пяти тысяч учителей во всех субъектах Российской Федерации по поводу

¹⁶ <https://rg.ru/2017/03/14/golodec-nazvala-bednost-rossii-an-unikalnoj.html>

¹⁷ Официальный сайт Правительства РФ. <http://government.ru/orders/selection/406/23030/>

одной из норм указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597, касающейся заработной платы. Опрос показал: в 75 субъектах РФ из 85-ти указ (а, следовательно, и Федеральный закон «Об образовании в РФ») не исполняется!

Впрочем, этот факт и прежде был секретом Полишинеля. Высокие правительственные чиновники могли бы задуматься над ситуацией уже тогда, когда Президент РФ долго «пытал» о его зарплате победителя конкурса «Учитель года-2016», пока тот не сознался, что получает около 25 тыс. руб. При этом, по официальным данным, средняя зарплата учителей в 2015 г. составляла 32600 руб.¹⁸ Другими словами, если верить статистике, средний учитель получает значительно больше, чем лучший в стране!

Впрочем, в тех случаях, когда майские указы исполняются или близки к исполнению, помимо уже упоминавшихся «чудес» статистики, это достигается в значительной степени не путем дополнительного увеличения бюджетного финансирования, но посредством увеличения трудовой нагрузки и т.н. оптимизации. Так, по данным профсоюзов, только за 2015 г. было уволено около 90 тыс. врачей.

В 2017 г. практически никто из представителей власти не вспоминает другое ключевое программное требование Президента РФ, не вошедшее в майские указы, однако отраженное в его предвыборной статье «Россия сосредотачивается»¹⁹. Речь идет о создании 25 миллионов новых высокотехнологичных рабочих мест. На «Прямой линии» 25 апреля 2013 г. он конкретизировал и сроки, указав, что «к 2020 г. Россия может создать 25 миллионов новых рабочих мест за счет реконструкции имеющихся активов, модернизации производств, часть рабочих мест

¹⁸ Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. – 30 мая 2016 г.

¹⁹ Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. – 2012. – 16 января

могут быть созданы заново. Если не 25, то 24,5 миллиона сделаем»²⁰.

Информации о том, сколько новых высокотехнологичных мест создано, автору обнаружить не удалось. Однако сокращение их в бюджетной сфере – очевидный факт, ибо рабочие места педагогов, медицинских работников, работников науки, культуры – самые что ни на есть высокотехнологичные (нет более высоких технологий, чем технологии работы с людьми). И их сокращение явно наносит удар по человеческому потенциалу страны.

«План Кудрина» и человеческий потенциал России

В последние годы идея развития человеческого потенциала и человеческого капитала как основы модернизации настолько стало общим местом, что еенередко «озвучивают» даже отечественные «системные либералы». В частности, на эту тему неоднократно высказывался заместитель председателя Экономического совета при Президенте РФ А.Л. Кудрин:

«Сегодня человеческий капитал – это позитивное понятие, означающее, что вложения в эту сферу дают существенный многократный результат. Поэтому я бы назвал это богатством, ценностью, которую мы создаем. Но ценность, которая прирастает. В этом смысле действительно капитал.

Я бы еще шире определил понятие. Это не только эти компетенции, их возможности наращиваться, но это еще и среда, в которой живет человек.

Сам по себе этот капитал не растет. Мы говорим, что надо вкладывать. А что мы понимаем под этим, кроме денег и того, что мы хотим обучить, создать трек для ребенка с детства, пока

²⁰ Официальный сайт Президента России <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17976>

он не пошел во взрослую жизнь: это постоянное обучение взрослых. То есть учиться всю жизнь»²¹.

В настоящее время, когда этот материал готовится к печати, стратегия развития России от Центра стратегических разработок, руководимого А.Л. Кудриным, официально не представлена. Однако общее представление о ней дает доклад «Устойчивый экономический рост: модель для России», произнесенный А.Л. Кудриным на VIII Гайдаровском форуме «Россия и мир: выбор приоритетов» 13 января 2017 г.²²

Этот доклад вызвал особое внимание. И не только потому, что А.Л. Кудрин – неформальный лидер отечественных «системных либералов», но прежде всего по той причине, что он является заместителем председателя Экономического совета при Президенте РФ, т.е. вторым человеком после самого Президента в этом совете и крайне авторитетным для лидера страны экспертом в данной области. Проанализируем некоторые положения, озвученные в докладе.

1. Удвоение ВВП: вторая попытка.

«... мы сейчас находимся на исторически низких темпах экономического роста. Они даже ниже, чем в период застоя Советского Союза». – Признание характерное, но оптимистическое на фоне уже упоминавшейся ситуации, когда из девяти лет новейшей российской истории (2008-2016) шесть являются кризисными!

«Основные проблемы лежат внутри России, и основные проблемы – институциональные и структурные, накопившиеся к сегодняшнему дню». – Заявление тем более справедливо, что

²¹ <https://akudrin.ru/news/aleksey-kudrin-i-aleksandr-mamut-obsudili-chelovecheskiy-kapital-na-strelke-material-finbuzz-ru>

²² Устойчивый экономический рост: модель для России. Доклад А. Кудрина на VIII Гайдаровском форуме «Россия и мир: выбор приоритетов». – Москва. 13 января 2017 г. <https://akudrin.ru/news/ustoychivyy-ekonomicheskiy-rost-model-dlya-rossii-vystuplenie-na-gaydarovskom-forume-13-01-2016>

принадлежит автору той самой модели, которая эти структурные проблемы породила или, как минимум, не решала.

«.... непроведение отдельных реформ может столкнуться с вызовами мировых рынков и уменьшением наших позиций на них. В том числе и на рынке углеводородов, поскольку мир активно начинает перестраивать все свои энергетические системы, свои источники ресурсов. [...] Идти нужно смело, проводя реформы и отвечая на мировые вызовы». –

Интересно, что необходимость реформ А.Л. Кудрин связывает не с угрозой дальнейшей деиндустриализации или деградации человеческого потенциала и даже не с рисками для национальной безопасности, но с шансами потерять позиции на мировых рынках углеводородов. Видимо, он продолжает питать иллюзии, что в XXI веке Россия должна оставаться «Великой энергетической державой» (читай: нефтегазовым придатком Европы и Китая).

«.... я привожу наш прогноз возможных темпов экономического роста в случае проведения системных институциональных и структурных реформ, которые к 2019 году позволяют выйти на рост ВВП выше 3%, а к 2022 году – выше 4%. [...] По целевому сценарию к 2035 году нам удалось бы увеличить ВВП в два раза, а по инерционному всего лишь в полтора раза». – Зафиксируем, что при проведении «радикальных реформ»:

- темпы выше мировых обещаны России с 2022 г.;
- при этом предполагается сохранение в основном нефтегазовой модели экспорта;
- никакой ускоренной модернизации, которую когда-то предлагал Д.А. Медведев, не намечается, и отставание России от наиболее передовых стран явно предполагается сокращать многими десятилетиями.

2. Повышение пенсионного возраста.

«.... демографический инерционный тренд по прогнозу Росстата показывает, что мы перешли к тренду непрерывного снижения численности трудоспособного населения. [...] Данный вызов означает и то, что к 2030 году у нас молодое поколение в

трудоспособном возрасте сократится на 10 миллионов человек. В то время как в категорию старшего поколения перейдет всего лишь три миллиона человек. [...] Прогноз Центра стратегических разработок исходит из повышения пенсионного возраста и вовлечения, в том числе, в трудоспособное население тех, кто сегодня уже уходит на пенсию». –

Упоминание о «тех, кто сегодня уходит на пенсию» двусмыс-ленно: речь может идти либо о повышении возраста будущих пенсионеров, либо о принудительном возвращении на работу части пенсионеров современных. Но и помимо этого аргументация весьма спорная, особенно на фоне последних прогнозов мас-совой роботизации производства и даже сферы обслуживания.

В то время, когда главный по должности экономист России явно не верит в технологические прорывы, в наиболее развитых странах активно обсуждается предстоящая в связи с роботизацией многомиллионная технологическая безработица и даже про-блема введения так называемого базового дохода для каждого гражданина, независимо от того, сколько он зарабатывает сам.

«... мы предлагаем повышение пенсионного возраста для жен-щин до 63 лет, для мужчин до 65 лет. [...] Когда мы говорим о повышении пенсионного возраста, мы в первую очередь думаем о том, чтобы поддерживать пенсии на достойном уровне». –

О поддержании пенсии на достойном уровне в современной России говорить, по меньшей мере, несерьезно: ее средний раз-мер составляет в настоящее время – 13700 руб. и, по заявлению министра труда и социальной защиты РФ М.А. Топилина на съез-де «Единой России», в ближайшее время будет только снижаться²³.

По данным опроса, проведенного специалистами Российско-го государственного социального университета (РГСУ)²⁴, пред-ставления граждан России о достойной пенсии распределились следующим образом:

²³ <https://ria.ru/society/20170121/1486201604.html>

²⁴ <http://izvestia.ru/news/660330#ixzz4X2TeX4fZ>

30–40 тыс. руб. и более – 22,7%;

20–30 тыс. руб. – 36,5%;

15–20 тыс. руб. – 28,1%;

10–15 тыс. руб. – 11,4%.

Другими словами, почти 90% населения считает современную российскую пенсию явно не справедливой!

Помимо сомнительности приведенного А.Л. Кудриным аргумента в пользу повышения пенсионного возраста, помимо крайней политической непопулярности данного решения, существует целый ряд заслуживающих внимания аргументов против него.

Во-первых, рост безработицы и затрат на выплату соответствующих пособий.

Не только в России, но и в самых развитых странах наибольшее число безработных – молодежь и люди предпенсионного возраста. При более позднем выходе на пенсию число последних резко увеличится, а, следовательно, безработица также вырастет в абсолютном размере и в процентном отношении к занятому населению.

Разумеется, пособие по безработице в России и других странах ниже пенсии, а потому определенная экономия бюджетных средств возможна. Однако во всех остальных отношениях, включая социальную и политическую психологию, «заслуженный отды

х» несравненно предпочтительнее статуса безработного.

Во-вторых, увеличение заболеваемости и затрат на охрану здоровья граждан.

Очевидно: чем старше работник, тем среднестатистически он чаще болеет. При этом при длительном лечении размеры выплат по больничным листам для отдельного гражданина могут быть вполне сравнимы с размерами затрат на его пенсию. Сторонниками экономии бюджета за счет повышения пенсионного возраста в публичном пространстве эта тема практически никогда не «озвучивалась», и, вероятно, соответствующие дополнительные расходы не учитывались в расчетах.

В-третьих, сокращение продолжительности жизни. По данным ректора Финансового университета при Правительстве РФ

М.А. Эскиндарова, в настоящее время до пенсии не доживают около 10% женщин и 30% мужчин²⁵. На основании демографических таблиц можно рассчитать, сколько граждан не доживут до пенсии после «реформы». Однако есть все основания предполагать, что в действительности их число будет значительно больше такого прогноза.

Разумеется, работа в зрелом возрасте способна продлить и продлевает жизнь многим людям творческого труда либо труда в благоприятных экологических условиях (ученые, деятели искусства, садоводы и т.п.). Однако это происходит лишь при условиях добровольности труда, его посильности и психологического комфорта. Ничего подобного у подавляющего большинства вынужденных продлить трудовую жизнь по принуждению по определению не будет. А, следовательно, смертность в предпенсионной возрастной когорте увеличится.

В-четвертых, ухудшение условий и качества воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста. В настоящее время государство не вполне справляется с этой функцией, и его вынуждены замещать молодые пенсионерки. После повышения пенсионного возраста придется либо смириться с уменьшением числа работающих женщин fertильного возраста, либо вернуться к программе строительства детских садов и развития групп продленного дня в младшей школе. Будут ли эти финансовые затраты в совокупности с затратами на пособия по безработице и дополнительную медицинскую помощь меньше расходов на современные пенсии, предстоит рассчитать актуариям.

В-пятых, опыт наиболее развитых стран. Обычно он используется для доказательства повышения пенсионного возраста в России, поскольку возраст выхода на пенсию в подавляющем большинстве таких стран заметно выше, чем тот, что достался нашей стране от «проклятого прошлого». Однако данный аргумент

²⁵ Возраст несогласия. «Деловой завтрак» с Михаилом Эскиндаровым // Российская газета. – 2015. - № 6808 (237). – 20 октября.

вполне обратим: так называемые сроки дожития, т.е. пребывания на пенсии, определяемые как разность между средней продолжительностью жизни и возрастом выхода на пенсию, в большинстве таких стран превышают российские. Отсюда вывод: необходимо прежде добиться повышения продолжительности жизни, а затем при необходимости решать вопрос об увеличении пенсионного возраста.

В-шестых, наиболее «непопулярные» (т.е. бесчеловечные) меры предусматриваются в отношении женщин. По иронии истории, «рыщари» от «реформ» предлагают наказать их за достижения:

- а) за то, что дольше живут (в т.ч. и по причине более здорового образа жизни);
- б) за эмансипацию: боролись за равенство – получайте результат!

Вряд ли в серьезной публикации следует повторять: равенство вовсе не в том, чтобы всех ставить в одинаково сложное положение, независимо от пола, состояния здоровья и физических возможностей. Но, напротив, в том, чтобы создать каждому условия для достойной жизни.

В мае 2017 г. А.Л. Кудрин уточнил концепцию пенсионной реформы. Помимо повышения пенсионного возраста, предлагается следующее.

А. Увеличить пенсионный стаж, необходимый для назначения пенсии. В настоящее время к 2024 г. он должен составить 15 лет, а затем, по предложению А.Л. Кудрина, увеличиться до 20 лет.

Б. Увеличить количество баллов, необходимых для получения пенсии. Напомню: для того, чтобы получить страховую пенсию, каждому пенсионеру необходимо набрать не менее 30 баллов. При этом один балл присваивается за год работы при заработной плате около ее минимального размера. А.Л. Кудрин предлагает поэтапно увеличивать необходимое количество баллов до 52-х. Грубо говоря, чтобы получить страховую пенсию, согласно «плану Кудрина», необходимо будет 26 лет иметь заработную плату на уровне двух минимальных ее размеров.

В. Поднять пенсионный стаж, необходимый для назначения досрочных пенсий для учителей и врачей, минимум, до 35 лет (в настоящее время 25 лет – у педагогов и врачей на селе и 30 лет – у врачей в городах).

Г. Повысить возраст выхода на социальную пенсию, которую получают граждане, не заработавшие пенсию страховую, – до 68 лет (в настоящее время 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин);

Д. Предполагается уменьшение количества пенсионеров к 2035 г. на 9% по отношению к настоящему времени. Если увеличение будет пропорциональным, средняя пенсия в современных ценах вырастет с 13170 руб. до 14355 руб. Другими словами, женщине придется работать больше на восемь лет, чтобы получить прибавку в 1185 руб.!

Е. При этом отношение между средней пенсиею и заработной платой, т.н. коэффициент замещения, не изменится, т.е. останется на уровне 34%. Хотя, согласно Конвенции № 102 Международной организации труда, это соотношение должно быть не менее 40%.

Другими словами, речь идет не о том, чтобы за счет сокращения числа пенсионеров увеличить их пенсии, но о том, чтобы за счет повышения пенсионного возраста и уменьшения количества получателей пенсий фактически сохранить эти пенсии на прежнем полунищенском уровне. А поскольку люди с высокими доходами, как правило, в среднем дольше живут, можно утверждать, что А.Л. Кудрин предлагает очередную классовую пенсионную реформу.

3. Подавление инфляции.

«... в условиях сохранения санкций, которые мы пока принимаем в нашем прогнозе, мы предполагаем, что правильные институциональные структурные реформы приведут к накоплению возможностей использования ресурсов для инвестиций. То есть мы будем опираться в основном на внутренние инвестиции, и здесь ключевым становится низкая инфляция, низкая стоимость денег и доступ к инвестиционным ресурсам наших предприятий. [...] В денежно-кредитной политике ключевым является инфляция

ниже 4%. Поставлена задача выйти на этот показатель за три года, а в среднесрочной перспективе мы должны дойти до 2-2,5%» —

Хорошо известно, какими способами Минфин и Центробанк подавляли инфляцию в предыдущие годы. Небезынтересная дискуссия автора этих строк состоялась с Председателем Банка России Э.С. Набиуллиной при ее назначении на должность. Цитирую по стенограмме пленарного заседания Государственной Думы 9 апреля 2013 г.:

Смолин О.Н.: «Уважаемая Эльвира Сахипзадовна! Я редко бываю согласен с «олигархами», но некоторые из них связаны с производством и кое-что знают о жизни. Если верить СМИ, недавно Олег Дерипаска заявил, что Центробанк — это коновал, который выпустил кровь из экономики, как из лошади, и при этом надеется, что она будет бежать быстрее. Речь идет о том, что основа любой рыночной экономики — это дешёвый кредит, а в России из-за политики Центробанка кредит на порядок дороже, чем в Китае или в Европе: ставка ЕЦБ — 0,75 процента, в Соединённых Штатах — 0,25 процента, у нас — 8,25 процента. Поэтому у нашего государства и у полугосударственных компаний огромный корпоративный внешний долг. Вопрос: в условиях резкого замедления экономического роста, близкого к стагнации, вы будете продолжать политику финансовых кровопусканий или, напротив, вольёте в экономику хотя бы немного новой финансовой крови?»

Набиуллина Э.С.: «Даже низкие ставки по кредитам не спасли Европу и Америку от кризиса».

С тех пор решающим аргументом в этом споре стала практика: страны Европы и США, которые проводили политику «количественного смягчения», вышли из кризиса, тогда как Россия в 2014–2016 гг. получила его вторую волну. Помимо этого напомню: наиболее высокие темпы экономического роста в XXI веке Россия имела в 2007 г. (6,3%), при этом инфляция составляла 11,9%.

4. Экспорт как источник роста.

«... одним из источников роста должен стать экспорт. Низкие темпы спроса, которые будут в ближайшие годы, не позволяют

нам нарастить так производство и услуги, которые бы потреблялись внутри страны. Нам нужно иметь более активную позицию на внешнем рынке и изменить долю несырьевых и неэнергетических товаров, чтобы она превысила 50% за ближайшие лет 15. Думаю, эту задачу есть возможность выполнить, но при активной политике поддержки предпринимательства внутри страны». – В этой связи отметим лишь, что:

– во-первых, за редким исключением экономическое развитие в крупных странах базируется на расширении не столько экспорта, сколько внутреннего рынка;

– во-вторых, «план Кудрина» явно не предусматривает таких двигателей роста, как крупномасштабные экономические проекты, платежеспособный спрос, повышение уровня жизни населения. Другими словами, модернизацию страны должны осуществлять бедные граждане. Это крайне сомнительно, ибо, как правило, дешевая рабочая сила – экономически неэффективная рабочая сила. Бедность населения и богатство страны одновременно в XXI веке обеспечить едва ли возможно;

– в-третьих, доля российского несырьевого экспорта в третьем квартале 2016 г. составляет 39% (включая продукцию низкой переработки)²⁶, а намерения повысить ее более чем до 50% не соответствует предыдущим заявлениям (см. п.1).

5. Преодоление технологической отсталости.

«Где мы находимся в сравнении с другими странами? Если взять отрасли и измерить совокупную факторную производительность, то мы, взяв как лучшие образцы, за 100%, допустим, финансовые и бизнес-услуги в США, логистику в Нидерландах, информационные и ИТ-решения в Швеции, мы увидим, что отстаем в разы, а иногда и в десятки раз от них. [...]»

Количество многофункциональных роботов на 10 тысяч работников, которые сегодня ежегодно устанавливаются, в Южной Корее 478, в Китае 36, а в России – 2. Вот, где мы находимся. [...]»

²⁶<http://www.rbc.ru/economics/11/11/2016/5825aa269a79479018c6c8de>

В стратегиях Германии, Китая, Финляндии, Великобритании, Сингапура, принятых в последние три-четыре года, намечены программы технологических прорывов. В некоторых из этих программ говорится, что, скорее всего, отдельные страны, такие как США, Германия и другие, оторвутся от других государств уже навсегда в технологическом плане. А ряд стран, среди которых сегодня, к сожалению, называется и Россия, могут технологически навсегда отстать. [...]

Как соответствовать, если состояние государственных институтов, государственного управления, предпринимательской среды, готовность к риску, готовность к инвестированию сегодня у нас на уровне, который не позволяет решать эти задачи? Значит, мы должны настроить себя на необходимые реформы».

Этот фрагмент, если вдуматься, – поразительное сочетание правды, скрытой самокритичности и скрытого самооправдания.

Во-первых, технологическое отставание России от наиболее развитых стран в послесоветский период действительно не только не сократилось, но увеличилось. По данным вице-президента нанотехнологического общества Г.Г. Малинецкого, количество инноваций по сравнению с советскими временами сократилось в 5-7 раз²⁷. И доля ответственности за это, несомненно, лежит на тех, кто реализовывал модель «кудриномики».

Во-вторых, явно несправедливо обвинять российских «инновационников» и высокотехнологичный бизнес в неспособности реализовать задачи технологического прорыва. Примером обратного могут служить успехи в развитии и экспорте информационных технологий, приведенные Президентом В.В. Путиным в послании Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г.²⁸

²⁷ Малинецкий Г.Г., Иванов В.В. Мировая наука и будущее России. Аналитический доклад Изборскому клубу. <https://izborsk-club.ru/>

²⁸ См.: Стенограмма послания Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. – Москва, Кремль. 1 декабря 2016 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

Наконец, в-третьих, проблема вовсе не в неготовности российского бизнеса к рискам, но, напротив, в его чрезвычайной рискованности. На взгляд автора, главная причина низких темпов экономического развития России в последние годы – неестественное сочетание модели примитивного рынка (капитализма) и силовой бюрократии. Не говорю уже о крайне сложном и громоздком налоговом законодательстве и системе бухучета, которые были созданы при прямом руководстве А.Л. Кудрина. Об этом в докладе практически ничего нет.

Между тем, на проблему давно указывали высокопоставленные представители политической элиты. Так, выступая в Государственной Думе 21 октября 2011 г., Председатель Счетной палаты С.В. Степашин заметил: «пока в России мы ... не освободим силовые структуры от несвойственных им функций управления, ... никакой инвестор к нам по-серёзному не пойдёт. И это проблема уже организационно-политическая»²⁹!

В-четвертых, констатировать нарастающее технологическое отставание страны и не предлагать программы технологического прорыва, ссылаясь на нашу неготовность к нему, как раз и означает согласие с отставанием навсегда. На самом же деле, на взгляд автора, «навсегда» в общественных процессах ничего не бывает. Вопрос лишь во времени и цене.

6. Повышение производительности труда.

«Нам нужно поднимать совокупную факторную производительность в ближайшие годы, как минимум, на 1% в год, и впоследствии на 2% и 2,4%». –

Теперь аргументы автора «плана» в пользу необходимости повышения пенсионного возраста становятся более понятными. Производительность труда планируется повышать темпами, отстающими от экономического роста на 1,5-2%, или, что то же

²⁹ См. Стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 21 октября 2011 г. http://transcript.duma.gov.ru/search/?sessid=3487&doctype=o&dt_start=21.10.2011&dt_end=21.10.2011&phrase1=

самое, в 2-3 раза (1-2,4% против 3-4%). Очевидно: несмотря на все заявления о преодолении технологической отсталости, в технический прогресс в России А.Л. Кудрин не верит. И тогда единственным выходом остается увеличение физического числа работников – за счет старшего поколения!

7. Цифровая революция в управлении.

«С чего начать? Мы, конечно, государственно-центрическая экономика, у нас государство над всем пока довлеет. Поэтому мы должны начать реформы... прежде всего с реформы государственного управления. [...]»

У нас большие проблемы с подбором кадров и их компетенцией. Некомпетентные кадры, не обладающие современными технологиями, не могут принимать нужные решения. [...]»

Наконец, подход к новой задаче – созданию государства как платформы, форсированная цифровизация всех процессов и внедрение новых моделей управления. [...]»

Надо создавать государственные сервисы на базе развивающихся информационных технологий, передавать их в аутсорсинг. Провести интеграцию государственных данных. У нас 390 информационных систем в органах власти, потрачено на это сотни миллиардов рублей за последние годы. Но не создана эффективная система обмена данными даже между министерствами и ведомствами. [...]»

Сегодня мы говорим о контрольно-надзорной деятельности. [...] Переход к большим данным и переход к анализу деятельности, не входя на предприятие, должны стать основной задачей. Профилактика, предупреждение предприятия о том, что у него начинаются проблемы, должно стать главным в работе контрольно-надзорных органов. Соответственно, мы должны создать новую качественную систему работы с нашим бизнесом.

... реформа судебной системы является важнейшей, нужны новые законы. Но самое главное – подбор кадров, создание системы независимости судей. [...]»

Нам нужно госуправление модернизировать и перевести на новые технические основы: здравоохранение, образование, работу

логистикой и инфраструктурой. Все, что связано с государством, должно преобразовываться первым». —

И в данном случае «коктейль» идей не менее удивителен.

С одной стороны, «цифровая революция» — действительно одно из главных направлений технологического прогресса, а в такой сфере, как, например, образование — едва ли не главное³⁰. С другой стороны, это отнюдь не центральная проблема современного российского управления.

Возможно, экс-министру финансов не известно, что контролирующие органы имеют финансовые планы, и их представители открыто говорят руководителям госучреждений: мы не можем от вас уйти, не выписав штрафов, даже если бы у вас все было идеально!

Точно так же не возможно представить, каким образом всеобщее оцифровывание избавит страну от «крышевания» производства и экспорта контрабанды водки, сигарет, а иногда и наркотиков силовыми структурами по известному принципу: что охраняешь — то имеешь.

Короче: главная проблема российской бюрократии вовсе не технологическая, но социально-политическая. Правда, А.Л. Кудрин упоминает в этом контексте о необходимости независимого суда, но, увы, и суд в стране давно стал частью той же бюрократической системы. Идти в данном случае надо, как говорил классик, другим путем.

8. Создание городов-агломераций.

«Мир быстрее сокращает старые рабочие места и создает новые. Динамика здесь очень высокая. Мы существенно отстаем, мы еще пока держимся за старые, менее эффективные рабочие места. Мы за занятость, но сегодня надо быть динамичнее. [...] Из более депрессивных зон приезжают в более активные. Там,

³⁰ Подробнее см. Смолин О.Н. Образование — для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2014. — с. 473-495.

где создаются предприятия, туда приезжают. Там, где создаются зоны технологий, туда тоже приезжают. Нужно способствовать такой динамике рабочей силы. Иначе мы не сможем сконцентрировать в точках роста достаточно квалифицированные трудовые ресурсы. [...]

На территории России надо создать, для начала, 10-15 городов-агломераций, которые будут сопоставимы на востоке со своими восточными конкурентами, а в Европе, соответственно, с западными городами. [...]

Только два города в России могут соревноваться с ведущими городами мира по качеству жизни. [...]

Соответственно, определенное отношение и к сельским регионам, они не должны быть только сельскими, в прямом смысле слова заниматься только сельским хозяйством. Они должны быть диверсифицированными».

Данный пункт плана нуждается в специальном анализе, который выходит за пределы задач настоящей статьи. Предварительно можно лишь заметить следующее.

Во-первых, не вполне понятно, имеет ли создание городов-агломераций прямое отношение к ускорению экономического роста и преодолению технологической отсталости страны. Во всяком случае, как показал советский опыт и показывает опыт «силиконовой долины», наилучшие условия для научно-технического творчества отнюдь не обязательно существуют в крупных городах. Чаще – в наукоградах, академгородках и т.п.

Во-вторых, не очевидно, что именно в городах-агломерациях наилучшее качество жизни. О колоссальной ежедневной потере драгоценного времени жизни знает подавляющее большинство москвичей и жителей ближайшего Подмосковья. Вряд ли и качество жизни в Пекине с его остройшими экологическими проблемами может служить примером.

В-третьих, что касается динамики рабочей силы, т.е. ее свободного перемещения по территории страны в поисках лучших условий оплаты труда, то для страны это создает больше проблем,

чем преимуществ. Колossalная разница в бюджетной обеспеченности и оплате труда между различными регионами страны фактически разрушает единое социальное пространство.

Небезынтересен следующий факт: на рубеже 2016-2017 гг. на новогодние праздники и украшение города Москвы было потрачено около семи млрд руб., тогда как весь бюджет республики Тыва составляет 20,8 млрд! С другой стороны, призывы к динамизму рабочей силы натыкаются на колossalную разницу в цене покупки и аренды жилья между столичными городами и так называемой провинцией.

В-четвертых, стихийное формирование городов-агломераций в России происходит и в настоящее время, причем, как правило, за счет уменьшения населения сельских территорий, Севера, Сибири и Дальнего Востока. А поскольку нового демографического взрыва в стране даже самые оптимистические планы правительства не прогнозируют, речь может идти об угрозах национальной безопасности.

9. Налого-бюджетная политика.

«Если говорить о бюджетной системе страны, то с 2007–2008 года на социальные проекты вся бюджетная система увеличила расходы на 4% ВВП. Оборона увеличила свои расходы примерно с 3% до 4,7%. [...] Только два этих вида расходов увеличивались в стране за последние 5-7 лет. [...]»

В это же время последние лет семь бюджетная система стагнировала в части расходов на образование и здравоохранение. А в ближайшие три года расходы на них будут даже снижаться. [...]»

Еще один важный вызов. Прогноз доходов бюджетной системы страны до 2035 года говорит о том, что они будут снижаться даже при достаточно высоких темпах роста. [...]»

... у нас примерно в 2020-2021 году будет серьезный перелом в сторону существенного уменьшения доходов бюджетной системы.

Мы готовы ужаться в расходах до уровня примерно 32%, а со временем 30%? Сейчас мы находимся на уровне расходов в размере примерно 37% ВВП. [...]»

Это означает, что нам приходится искать другие источники доходов, частично они могут быть связаны, возможно, с изменением налоговой системы».

Суть предстоящей налогово-бюджетной реформы автор доклада обходит молчанием, видимо, не случайно. Однако:

во-первых, около 2020-2021 гг. предполагается значительное сокращение доходов (а значит, и расходов) федерального бюджета;

во-вторых, в неявном виде предлагается сокращать расходы прежде всего на оборону и социальные нужды, которые, по оценке А.Л. Кудрина, в предыдущие годы росли более всего;

в-третьих, судя по всему, не предусматривается введение прогрессивного налогообложения наиболее высокодоходных групп населения, так называемых олигархов. В противном случае ожидаемые бюджетные потери можно было бы компенсировать.

Подведем краткие итоги экспресс-анализу «плана Кудрина».

Первое. В своей критической части доклад представляет собой попытку ревизии созданной в России модели социально-экономического развития справа в пользу, так сказать, «кудриномики минус».

Об этом свидетельствуют явно или неявно высказанные предложения о сокращении социальных расходов, повышении пенсионного возраста и сохранении прежнего уровня социального неравенства.

Второе. «План Кудрина» в его позитивной части – это попытка синтеза частичной технологической модернизации страны («цифровая революция» в управлении, уменьшение доли сырьевого экспорта и т.п.) с сохранением архаических форм либерального капитализма, тогда как в наиболее «цивилизованных» странах он давно вступил в новую стадию – социального капитализма, позаимствовав некоторые элементы социалистической системы и произведя частичную конвергенцию с ней.

Третье. В «плане», на взгляд автора, фактически отсутствуют три наиболее важные составляющие модернизации страны, о которых речь пойдет ниже.

В частности, он не содержит даже типичных для А.Л. Кудрина в последнее время рассуждений о необходимости развития человеческого капитала, что заставляет ставить под сомнение последовательность позиций автора.

Разумеется, предложенная А.Л. Кудриным стратегия – далеко не единственная, но в силу его близости к президенту, имеющая наибольшие шансы быть реализованной.

В настоящее время альтернативные стратегии разрабатываются политическими партиями, Столыпинским и Изборским клубами и др. Полагаю, Конгресс работников образования и науки мог бы предложить и собственное видение дальнейшего развития страны с опорой на ее человеческий потенциал.

Убежден: какие бы стратегии ни разрабатывались в стране и чем бы они ни отличались по содержанию, в них должны присутствовать, как минимум, три «кита» новой социально-экономической политики, без которых невозможно двигаться к новому индустриальному обществу:

- 1) от деиндустриализации к новой индустриализации, базирующейся на новейших технологиях;
- 2) от олигархического капитализма к социальному государству – перераспределение национального богатства через налоговую систему в пользу малообеспеченных и средних слоев;
- 3) удвоение вложений в человеческий потенциал, его превращение в человеческий капитал как базу общественного прогресса.

Согласен с академиком А.Г. Аганбегяном: мы обречены на успех, ибо в противном случае страну ожидает деградация и, возможно, новые территориальные потери. Однако, вспоминая Некрасова, хотелось бы, всем присутствующим удалось пожить «в эту пору прекрасную»...

К.А. Хубиев¹, Х.Т. Айдинов²

О качественном подходе к роли государства в экономическом развитии

¹ Кайсын Азретович Хубиев, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н.

² Халин Тохтарович Айдинов, Институт экономики, менеджмента и права МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), к.э.н., профессор.

250

Новая индустриализация России, как объективная и историческая необходимость в развитии производительных сил в конкретно исторических условиях, от чего зависит не только место, которое она займет в глобализирующемся мировом экономическом пространстве, но само ее существование как суверенного государства на огромных географических просторах, невозможна без целенаправленной и эффективной деятельности государства. Новая индустриализация требует структурных изменений, которые не произойдут автоматически. Высокодоходные сырьевые отрасли будут в лучшем случае заботиться об инновациях и технологическом прогрессе в своих отраслях. Появление предприятий и отраслей новых технологических укладов, диверсификация и интеграция производства с развитием цепочек добавленной стоимости и иные направления новой индустриализации требуют активного и эффективного участия государства в решении исторически важной задачи. В этой связи не следует недооценивать, а тем более игнорировать роль государства. Для выработки качественно оцениваемых мер и средств государственного участия в развитии экономики в конкретных условиях необходимо избавиться от мифов, которые задают ложные ориентиры.

Государство как субъект экономической системы обладает особой ресурсной базой и потенциалом институциональных преобразований. Оно создает блага и среду эффективного развития

предпринимательства. Сила государственного влияния на экономическое развитие определяется тем, что его экономические решения могут быть поддержаны политическими средствами. В системе рыночной экономики государство выступает последней и наиболее эффективной инстанцией при провалах рынка. Экономическая история свидетельствует о том, что взлеты и падения отдельных стран в решающей мере зависят от роли государства. Стремительное развитие, получившее название «экономического чуда», происходит при гармоничном объединении активности предпринимательства и эффективной политики государства, которое включает следующие моменты.

1. Государство активно ищет и определяет тренд закономерного развития по эффективному и прогрессивному пути (или, коле, как иногда теперь принято называть объективно необходимое закономерное направление развития). Здесь важная роль принадлежит науке, которая позволяет обнаружить скрытые за многообразием внешних явлений закономерности.

2. Обнаружив направления закономерного развития, государство должно провести уместные преобразования. Уместность означает наиболее эффективный вариант институциональных изменений, измеряемых добавочной выгодой по сравнению с потерями от изъятия ресурсов из прежней системы экономической и институциональной организации. Неуместность преобразований выражается в потере и деградации ресурсов и сокращении производимых и потребляемых благ.

3. При проведении уместных преобразований государство мобилизует доступные ему экономические ресурсы и политическую поддержку.

Деятельность государства, соответствующая приведенным требованиям, имеет своим результатом не только экономический рост, но и интенсивное движение по исторически прогрессивному пути. Этим определяется роль государства в экономическом развитии, а не формально количественным измерением его доли в экономике.

Сложение мотивированной активности предпринимательства и эффективной деятельности государства открывают простор для развития национальной экономики. Роль (и долю) государства в экономическом развитии следует определять и оценивать по степени уместности проводимой политики. Не только в условиях войн и катастроф растет роль государства, как полагают многие авторы, а и в периоды вполне мирного развития. Последнее суждение не только оспаривается определенным направлением экономической, а доказывается прямо противоположное. Можно даже утверждать, что одной из догм определённого направления экономической теории являются попытки доказательства прямо противоположного положения о том, что экономический рост находится в обратной зависимости от доли государственного участия в экономике. Ниже будут приведены доказательства в пользу того, что рост государственного участия в экономике происходил в группе самых развитых стран. Этот факт, подтверждаемый большими массивами исторических и статистических данных, свидетельствует о том, что экономическое развитие и динамика государственного участия в экономике имеют однонаправленный характер. Оценки количества государственного участия в экономике должны быть следствием качества, определяемым уместностью (в приведенном выше смысле) экономической политики.

Вопрос о месте, роли и доле государства относится к числу активно обсуждаемых проблем. В экономической литературе отмечены две волны активности за последние полтора десятилетия. Первая относится к самому началу XXI века. Вторая приходится на наши дни.

В нулевые годы XXI века был опубликован ряд работ, посвященных вопросам экономического роста и модернизации.³

³ А. Илларионов, Н. Пивоварова. Размеры государства и экономический рост. Вопросы экономики. 2002, №9; А. Илларионов; Как Россия потеряла XX столетие. Вопросы экономики, 2000, №1; см. на следующей странице

С применением обширного материала, в том числе и трудоемких расчетов, создавался миф о том, что темпы экономического роста находятся в обратной зависимости от степени участия государства в экономике. В 2003 году на экономическом факультете МГУ была проведена научная конференция «Экономический рост и вектор развития России». Материалы конференции были изданы в виде коллективной монографии и иных публикаций.⁴ В них была представлена иная позиция, которая этот миф теоретически развенчала. Однако в последние годы возникла вторая волна той же самой мифологии. Прежде чем перейти к современному этапу обсуждения, обратимся к основным аргументам той дискуссии. Это необходимо в силу единства темы и преемственности дискуссии.

В довольно известном издании по макроэкономике, в числе авторов которого значится Джейфри Сакс, есть специальный раздел, посвященный госсектору. В нем написано: «С начала XX века общие государственные расходы во всем мире увеличились.

см. на предыдущей странице А. Илларионов. Экономическая свобода и благосостояние народов. Вопросы экономики, 2000, №4; Е. Ясин. Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива). Вопросы экономики, №1, 2003. Е. Ясин. Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста. М., 2002. Российская экономика. М., ВШЭ; Е. Ясин, Функции государства в рыночной экономике. Вопросы экономики, 1997, №6; Е. Ясин. Модернизация российской экономики: повестка дня. В сб. Модернизация российской экономики. Отв. ред. Е. Ясин Книга 1. М., 2002; Е. Гайдар. Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику. Вопросы экономики, 1998, №4; В. May. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития. Вопросы экономики, 2002, №7; May B. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009, № 2. Подобной направленности публикации продолжаются, привлекая новых сторонников.

⁴ Экономический рост и вектор развития современной России. М. Тейс. 2004. Под ред. К.А.Хубиева.

Во многих промышленно развитых странах по сравнению с 1938 г. произошло удвоение доли государственных расходов в ВВП. В Нидерландах, например, доля государственных расходов по отношению к объему ВВП в течение 50 лет почти утроилась. Во Франции она более чем удвоилась, а в Соединенных Штатах – удвоилась»⁵. Приведенные утверждения основаны на статистических данных за полувековой период, отмеченный успешным развитием этих стран.

Закономерность увеличения доли государственных расходов в ВВП не является исторической случайностью и неожиданностью для экономической науки. Ее предсказал немецкий экономист А. Вагнер, и его именем назван закон – тенденция увеличения доли госрасходов в ВВП с ростом экономики. В последующем проводились эмпирические исследования, посвященные данной закономерности. Они давали противоречивые результаты, но саму закономерность не опроверг никто.

Очень важно обратить внимание на обоснование причины названной выше закономерности. «Наиболее общим объяснением данного закона является то, что государственные услуги стали «высококачественным благом», т.е. эластичность спроса на государственные расходы со стороны домашних хозяйств стала больше единицы. Другими словами, каждый процент увеличения в доходах домашних хозяйств ведет к большему, чем 1 %, увеличению спроса домашних хозяйств на G. Поэтому при увеличении дохода на душу населения доля G в Y также имеет тенденцию к росту».⁶ Данный сюжет подводит к очень важному выводу о том, что роль участия государства в экономике следует оценивать не только и не столько по количественным показателям, а по критериям и показателям качества выполнения государством своих экономических функций. Соответственно экономическая наука

⁵ Сакс Джейфри Д., Ларрен Фелиппе Б. «Макроэкономика. Глобальный подход». М.: Дело. 1996 г. С. 225.

⁶ Там же.

должна ориентироваться на продуктивность качественного, а не количественного анализа роли государства.⁷ В другом зарубежном сборнике под характерным названием «Панорама экономической мысли конца XX столетия» специальный раздел назван «рост государственного сектора». Здесь Закон Вагнера дополняется законом Энгеля.⁸ Подробно разбираются причины, порождающие рост не только величины, но и доли государственных расходов в ВВП. Авторы на обширном материале показывают, что эта закономерность подтверждается с учетом инфляции и даже в динамическом режиме с учетом роста ВВП на душу населения. В названном издании много вниманияделено теориям и моделям, объясняющим данную закономерность⁹. Завершая анализ «первой волны» мифологизации роли государства сошлемся на статью академика Р. Нигматулина, которая специально посвящена критическому разбору «математического обоснования» прямо противоположной точки зрения¹⁰.

Критические аргументы теоретического и модельно-математического порядка не были творчески преодолены сторонниками

⁷ Этот подход был высказан и обоснован нами в период первой волны дискуссии. См.: О количестве и качестве роли государства в трансформационной экономике. В кн. Государство и общество. Под общ. ред. А.В. Бузгалина и А.И. Колганова. М., 2005 г.; О количестве и качестве государственного участия в экономике в системе альтернатив дирижизма и либерализма. Хубиев К.А. Философия хозяйства. 2012. № 2 (80). С. 14-28

⁸ Панорама экономической мысли конца XX столетия. Редакторы: Д. Гринэуэй, М. Блинни, И.Стюарт. Том 1 Санкт-Петербург. 2002. С. 646.

⁹ Панорама экономической мысли конца XX столетия. Редакторы: Д. Гринэуэй, М. Блинни, И.Стюарт. Том 1 Санкт-Петербург. 2002. С. 638-668.

¹⁰ Нигматулин Р. Об оптимальной доле государственных расходов в ввп и темпах экономического роста / Вопросы экономики. 2003. №3. С. 125 -131.

упомянутого направления. Зато поднялась новая волна той же направленности. Попытка дважды войти в один и тот же научный процесс «не поменяв обувь» объясняется вкусовой избирательностью по отношению к заимствованным научным источникам при игнорировании статистической аналитики по данной теме.

Российская наука и образование ввели в научный оборот зарубежную литературу односторонней направленности. В тени оказались источники кейнсианского направления и институционализма технологического направления. (Дж Гэлбрейт). Между тем, Дж. Кейнс исследовал экономику неполной занятости, т.е. кризисно-депрессионную, что особенно актуально для России. Кроме того, основной источник развития он видел в инвестиционном процессе, что является исключительно важным для выхода экономики России из кризисно-стагнационного состояния. Дж. Гэлбрейт создал теорию Нового индустриального общества. В обоих направлениях роли государства уделяется особое внимание.

Дж. Гэлбрейт полемизирует как с либеральным, так и консервативным направлениями ограничивающими роль государства и делает принципиальности важный для своей концепции вывод: «На деле же в индустриальной системе граница между частной и государственной сферами компетенции неразличима и в значительной степени условна, а ненавистный (для оппонентов – К.Х.) союз между государственными и частными организациями нормален»¹¹. Государству отводится, прежде всего, важнейшая функция по подготовке техноструктуры¹² и еще ряд важнейших функций: забота об экономическом росте, научно-техническом

¹¹ Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 2004. С. 422.

¹² «Квалифицированные кадры имеют решающее значение для превышения индустриальной системы. Образование и обучение, от которых зависит их формирование, обеспечиваются главным образом государственным сектором экономики». Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 2004. С. 421.

развитии, обеспечение безопасности страны, регулирование спиралей зарплата-цены.

Роль и место государства у Дж. Гэлбрейта органически связаны с общественной системой, которую он определял, как конвергенцию, содержательно имея в виду схождение общественных систем (капитализма и социализма) к единому основанию – новому индустриальному обществу на базе новых технологий и крупного корпоративного производства. Дж. Гэлбрейт последовательно развивал важное теоретическое положение о том, что развитие производительных сил на новом индустриальном уровне наталкивается на ограничения рыночной системы и требует планового ведения хозяйства.¹³ В концепции Гэлбрейта планированию отводится важная роль и функции, которые традиционно отводились рыночному механизму: активное влияние на спрос, ценообразование, сбережения, инвестиции и др. Здесь важно отметить, что субъектом планирования является крупная компания. Особое внимание уделяется вертикальной интеграции, которая превращает рыночные отношения интегрируемых организаций во внутрифирменные плановые отношения. Исходным основанием планирования является компания, но само планирование не ограничивается ее рамками, а выходит далеко за ее пределы, например, активно влияя на спрос, ценообразование. Но между государством и фирмой нет жестких границ, а складывается сложная система координации.

Планирование у Гэлбрейта органически связано с институтом собственности и власти. Эта важная проблема рассматривается в исторически развивающемся контексте. Собственность и экономическая власть эволюционизировали в зависимости от

¹³ «Планирование существует потому, что описанный (рыночный – К.Х.) механизм перестал быть надежным. Развитие техники и сопутствующий ему характер использования времени и капитала привели к тому, что запросы потребителя должны быть определены заранее — на месяцы и даже годы вперед». Там же. С. 45.

доминирующих факторов производства: земля, капитал, техноструктура. Он делает фундаментальный вывод о том, что развитие производительный сил и технологический прогресс «бесшумно устраняют» частную собственность из рольного экономического процесса. «На промышленном предприятии власть принадлежит тем, кто принимает решения»¹⁴. А решения принимает техноструктура потому. «Бесшумный» переход собственности и экономической власти техноструктуре объясняется тем, что успешное функционирование крупных корпораций полностью зависит от «мозгового центра» специалистов, в том числе и высочайшей квалификации.¹⁵ В их числе может оказаться и собственник, но как носитель иного качества – высокопрофессионального специалиста и члена команды. Качество реально функционирующего капиталиста оставляется за собственниками мелких и средних предприятий, где нет высоких профессиональных требований к управлению и командной работы.

Приведенным выше положениям о роли государства в экономическом и индустриальном развитии, роли и месте планирования и техноструктуры противостоит широко распространенное направление с обратными оценками. Ее первую волну в России мы уже рассмотрели выше. Не преодолев критические аргументы, оно (направление) вновь появилось, но уже в виде мифологем, распространяющихся с завидной скоростью. В интенсивный оборот, в том числе и в правительственные кругах, запущена впечатляющая цифра 70% –ной доли государства в экономике: «По итогам 2015 года вклад государства и государственных компаний в ВВП Российской Федерации может составить около 70%, тогда как в 2005 году эта доля составляла около 35%»¹⁶. Это написано в официальном годовом докладе правительенного органа

¹⁴ Там же. С. 154.

¹⁵ Там же. С. 98.

¹⁶ «Федеральная антимонопольная служба. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации. Москва, 2016. С. 35.

(ФАС). Подробный разбор источников и аргументов приведенной мифологии содержится в наших публикациях, в том числе и в №1 Журнала «Экономическое возрождение России» за 2017 год. Не видя смысла в повторении нашего анализа и аргументации, лишь обратим внимание на конечные цели мифотворчества на уровне экономической политики. «Государство поглотило 70% экономики». «При этом госкомпании неэффективны и в нынешнем виде являются тормозом развития, заявил 23 сентября 2016 на Московском экономическом форуме глава ЦБР А. Кудрин»¹⁷. Ради подобных выводов и даже приговоров содеются мифы на грани научного шарлатанства, в том числе и с участием госорганов.

В ряду источников, посвященных обсуждаемому вопросу, в отдельную категорию следует выделить публикации, выполненные в жанре научного исследования.

В журнале «Вопросы экономики» опубликована статья, специально посвященная обсуждаемой теме, и она заслуживает особого внимания, поскольку это научное исследование и в ней содержится методика, отличная от МВФ¹⁸.

Авторы справедливо отмечают, что нет универсальной оценки определения анализируемых показателей: доли государственной собственности и ее роли в экономике. Сами авторы выбрали метод прямого и косвенного владения государством ценными бумагами корпораций. В рамках данного подхода используются две методики. Первая включает в государственную собственность прямое и косвенное владение не менее 10% акций (метод ЕБРР). Вторая включает в госсобственность владение любым количеством акций (метод Госкомстата).

Обеим методикам присущ недостаток, который мы считаем коренным. Они основаны на владении государством вторичными активами, или фиктивным капиталом. Блага, составляющие

¹⁷ Finanz.ru 29.09.2016

¹⁸ Сидорова Е.А., Клинова М.В. Гайдаровский форум 2016: государство в экономике.

ВВП, создаются не фиктивными, а реальными ресурсами в виде производственных фондов, вовлеченных в создание ВВП и трудовым ресурсом (рабочая сила). Собственность (создающая ВВП), в том числе и государственная, довольно сложная категория. Она должна оцениваться стоимостью ресурсов (основного и оборотного капитала), потоком произведенных благ и доходов. И только в последнюю очередь собственность может быть охарактеризована вторичными активами (фактивным капиталом). У данного подхода есть и другие более частные недостатки. Не будут охвачены государственные и муниципальные предприятия не имеющие акционерную форму, но производящие блага, включаемые в ВВП, неимущественные права, приносящие доходы.

Если даже придерживаться данного подхода, то смысл имеет владение государством контрольным пакетом, позволяющим реализовать собственность в ее экономическом содержании: контроль над движением ресурсов (включая слияния и поглощения), процессом производства благ (включая менеджмент), и распоряжение потоками доходов. В остальных случаях миноритарное владение имеет номинальный смысл. Эти компании будут функционировать как частные компании, включая контроль над доходами, дивидендную и инвестиционную политику. В данном случае можно говорить о собственности государства в рамках приходящихся на его долю доходов через дивиденды. Для определения доли в ВВП это имело бы косвенный смысл, если бы ВВП определялся методом суммирования первичных доходов. Но с этой задачей справляется прибыль, относящаяся к первичным доходам и включающая, в том числе, и дивиденды.

Для продолжения анализа, как нам представляется, сперва надо раздельно изучить государственную собственность как таковую и участие государства в производстве ВВП, каждая из них имеет свои сложности. Это пересекающиеся, но не тождественные проблемы.

Собственность вообще и государственная собственность, в частности, относятся к числу самых сложных проблем. «В докторантурах,

по свидетельству экономиста Стива Чена, права собственности долгое время считались «запретной зоной» в качестве тем докторской диссертации¹⁹. Если данной фразе придать существенное значение, то можно отнести к научной смелости попытку определить долю государственной экономики через собственность на ценные бумаги компаний. В этом подходе скрыто много проблем, которые заслуживают специального и непростого анализа.

Если ограничиться конкретной проблемой и подойти к содержанию собственности не только с позиций имущественной принадлежности, (в особенности, если иметь в виду принадлежность государству вторичных активов), а более комплексно и с учетом методологии запасов и потоков, то можно выделить следующие элементы:

- принадлежащее государству имущество;
- собственность на неимущественные права;
- государственный бюджет;
- элементы экономической политики.

Отметим сразу, не вся государственная собственность участвует в производстве ВВП

Первый элемент состоит из естественных ресурсов, недвижимого имущества производственного и социального назначения, фондовых активов (акций, облигаций). Естественные ресурсы являются общенародным достоянием и должны служить государственным интересам. В конкретном экономическом смысле доходы от разработки и реализации естественных ресурсов, имеющие рентное происхождение должны присваиваться государством и использоваться на общенародные цели.

Государственное имущество социального назначения по определению предназначены для реализации интересов населения.

Что касается государственного имущества производственного назначения, то проблема реализации интересов здесь представляется более сложной. Организационно оно представлено в

¹⁹ Бетелл Том. Собственность и процветание. М, 2008, с. 19.

виде унитарных и казенных предприятий. Если их функционирование направлено на реализацию исключительно государственных нужд, то цикл реализации интересов замкнут на государственном секторе, хотя и происходит дифференциация коллективных и государственных интересов. Работники таких предприятий должны иметь гарантированную оплату труда с элементами внутрихозяйственного экономического стимулирования. Положение других государственных предприятий, не полностью работающих на государственный заказ, двойственno. С одной стороны, они в приоритетном порядке должны удовлетворять государственные нужды, а с другой – функционировать на коммерческих условиях, реализуя групповой экономический интерес. Продукция казённых и иных государственных и муниципальных предприятий, не имеющих акционерную форму, также не может быть учтена в ВВП, через владение акциями. Разные организационные формы существования государственной собственности должны быть учтены при реализации программ структурной перестройки на новой индустриальной основе.

Особого внимания заслуживает производство и реализация продукции, связанной с монопольным положением. Если монопольное положение получено за счет создания новых технологий и продукции, то результаты монопольного положения должны приоритетно удовлетворять интересы тех субъектов, которые их создали. Сверхдоходы, полученные в сфере функционирования естественных монополий и приравненные к ним (алкоголь, табак и др.) должны служить реализации общественного интереса. Едва ли может быть оправдано экономически положение, когда государство отторгает от себя потоки доходов, приватизируя отрасли, приносящие рентный и монопольный доход и монопольную ренту, а затем прилагает огромные, зачастую малоэффективные усилия по получению в бюджет части этих доходов, которые целиком ей принадлежали изначально (пример ЮКОСА).

Доходы – важнейший элемент экономической реализации собственности и интересов. Каждый участник экономических

процессов может претендовать на долю доходов, в формировании которых принял участие. Доходы от естественных ресурсов и монопольных товаров, как уже отмечалось, не будучи результатом экономической деятельности отдельных физических и юридических лиц, должны присваиваться государством и служить реализации общегосударственных или общенациональных интересов, в том числе и структурной перестройке.

К государственному имуществу относятся приносящие доход активы, в том числе и акции. Это особая сфера функционирования государственной собственности, где отчетливо проявляется отсутствие контроля со стороны социального субъекта общенародного уровня. Это проявляется в низкой доходности корпоративных акций, принадлежащих государству. В компаниях со смешанной собственностью, интерес представителей частного капитала значительно мотивированней представителей государства.

Следующим элементом государственной собственности является бюджет, который в исследованиях по собственности оставался в тени и не включался в содержание государственной собственности. Объясняется это тем, что в трактовке содержания государственной собственности преобладал ресурсно-факторный или «вещный» подход. Между тем, бюджет представляет собой важный поток доходов (и расходов), который реализует социально определенные интересы.

В условиях рыночной экономики бюджет служит главным фактором реализации общегосударственных и общенациональных интересов. Правда, речь в данном случае идет об экономической возможности, которая осуществляется не автоматически, а под взаимодействием социально-политических сил в бюджетном процессе. Некоторые авторы расходы бюджета включают в ВВП, исчисляемого методом расходов. Такой подход корректен, если берется не весь бюджет, а только та его часть, которая идет на закупку товаров и услуг. Но включением бюджета в ВВП, наряду с результатами деятельности госкомпаний, совершается ряд ошибок, в том числе и повторный счет. Доля госкомпаний в

производимом ВВП учитывается **производственным** методом. Участие государства в ВВП через бюджет учитывается **расходным** методом. Кроме того, в бюджет государства перечисляются налоги со всех резидентов, включая компании с госучастием.

Собственность на неимущественные права государства – особый элемент содержания государственной собственности. Совместно с экономической политикой она может оказаться главным элементом ее содержания в условиях индустриального и постиндустриального общества. Государственной собственностью, приносящей доход для реализации общесоциальных интересов, могут служить транспортные коридоры (наземные, водные, воздушные); контролируемое космическое пространство; эфирные частоты; основные коммуникации и объекты инфраструктуры; службы связанные с обеспечением безопасности движения всех видов транспорта. Перечень этот можно продолжить. Представляется, что в ВВП здесь могут быть включены не созданные блага, а доходы как важнейшая форма экономической реализации собственности.

В качестве особого элемента государственности мы включили экономическую политику. Такой подход нельзя считать традиционным для основных направлений экономической теории, специально занимающихся вопросами теории собственности. Он может быть обоснован воспроизводственным подходом к собственности и трактовкой ее содержания как процесса реализации определенных интересов. Экономическая политика существенным образом влияет на направления, структуру и интенсивность потоков доходов, которые могут быть учтены в ВВП по доходному методу. Налоговая, таможенная политика, политика доходов, динамики ВВП и занятости – эти и иные направления экономической политики служат реализации социально определенных интересов и присвоения. Новейшая история России содержит достаточное количество свидетельств на сей счет. Явление «олигархов» в России объясняется тем, что экономическая политика была выстроена таким образом, что стала возможной концентрация

значительной части прав собственности и экономической власти в руках узкой группы людей. Конкретизация экономической политики, приводящей к олигархизации экономики; последовательность и направленность реализации такой политики требует особого исследования и описания. Основная суть, заключается в том, что экономическая политика, влияя на потоки доходов и реализацию интересов, выступает важным фактором государственной собственности.

Как воспроизводственный процесс все указанные моменты государственной собственности выступают в единстве. Но из этого не следует, что в ВВП можно объединять разные методы расчета для получения устрашающих цифр государственного участия в ВВП.

Теперь кратко о корпоративной собственности, поскольку государственному участию в ней придается решающее значение при определении доли государственной собственности и его участия в ВВП.

Логика образования эффективных корпораций состоит в том, что в исходном пункте их образования находится инвестиционный проект. Под этот проект, если он перспективен, мобилизуются средства акционеров, с помощью которых этот проект реализуется. Активы фирмы складываются из средств, заинтересованных этим проектом лиц. Мотивы контроля базируются на интересе акционеров. Получение и распределение доходов венчают этот жизненный цикл, который повторяется заново. Главная причина неэффективности корпоративной формы в переходной экономике России кроется в нарушении эффективной логики её образования. Вместо концентрации активов под перспективный инвестиционный проект здесь происходило рассредоточение государственных активов без всякой связи с инвестиционным процессом. Если путем акционирования приобретались прибыльные фирмы, то «улавливание» доходов было главной целью приватизаторов. То, что в эффективно формируемой корпорации является завершающим этапом, в переходной экономике

России было исходным пунктом. По сути эта была рентноориентированная приватизация. Разрушение логики эффективности имело определенные последствия. Доходы и даже оборотные средства приватизированных предприятий отвлекались в спекулятивный сектор, который был более доходным по сравнению с реальным сектором. Инерционно приносящие доход средства производства не возобновляемо изнашивались. К такому же результату приводило инвестирование полученных доходов за рубежом. Разрыв прямой связи между доходами и их источниками разрушал логику эффективного функционирования акционерных обществ. Конечным выводом упомянутой выше статьи является неэффективность государственной собственности. На самом деле проблема значительно шире. Неэффективность российских компаний, независимо от того участвует в них государство или нет, определяется характером их происхождения, противоречащим экономической логике эффективного происхождения данной формы организации предпринимательства и формы собственности.

Наша позиция о роли государственной собственности в структуре отношений собственности нуждается в некотором уточнении. Когда она измеряется исключительно принадлежащим государству имуществом, то искажается ее действительная величина. Приватизаторы в России ссылаются на то, что в развитых странах (например, в США) невелика доля государственной собственности. Отсюда делается вывод: чтобы стать развитой страной надо доприватизировать все, что еще осталось неприватизированным. Предлагается даже приватизировать учебные заведения, учреждения культуры и т.д.

Собственность в данном случае рассматривается как запас, как принадлежащее государству имущество. Но если рассмотреть собственность как поток, которым распоряжается государство, то окажется, что государственная собственность в США составит около половины ВВП. Имея в распоряжении ресурсы такого

масштаба, государство может проводить эффективную внешнюю и внутреннюю политики, в том числе, и экономическую. Опыт именно развитых стран дает ориентиры на усиление роли государственной собственности. Ее структура в разных странах формировалась под влиянием конкретно-исторических причин. В одних странах государственное предпринимательство играет существенную роль, в других основной центр тяжести государственной собственности ложится на бюджет. Ставку на бюджет в структуре госсобственности могут делать те страны, где установленился баланс межсоциального распределения национального дохода, отложен национальный механизм эффективного сбора налогов, высока налоговая дисциплина, гражданская и предпринимательская этика.

Россия пока еще далека от формирования подобного рода традиций. В условиях коррупции, высокой доли теневой экономики, олигархизации, приватизация является неэффективной, поскольку ее результаты направлены на усиление указанных негативных тенденций. В этих условиях в России следует укрепить государственную собственность и прежде всего в отраслях, где доходы не имеют предпринимательской основы.

Подведем итог. Государственная собственность имеет многослойную и многофункциональную структуру. Через нее определить долю государства в ВВП крайне сложно. Если ставить такую задачу, заранее определив для чего ее надо решать, нужен другой подход.

Суть ВВП – это произведенные блага. Блага производятся с использованием ресурсов, в том числе и трудовых. Официальная статистика предоставляет возможность анализа в данном направлении.

Основные фонды в государственной собственности составили в 2011 году 18%²⁰. Среднегодовая численность занятых в

²⁰ А.С. Нешитой. Инвестиции. М., Издательско-торговая корпорация «Дашко и К» 2016. С. 55.

государственной и муниципальной собственности составляла в 2014 году 27,9%¹. Поскольку статистика по оборотным средствам не приводится, рассчитать долю государства в производимом ВВП лучше через долю занятых. Большинство источников отводит государству 28-30% производимого ВВП. «По расчетам МВФ проведенном методом сложения расходов, в 2012 26 крупнейших государственных компаний производили 28% российского ВВП, что почти соответствует вкладу КГУ в ВВП 61 крупнейших компаний»². Приведена цифра соответствует доле занятых в госсекторе. Скорректировать этот показатель можно через разницу в средней производительности труда в государственном и негосударственном секторе. И, наконец, «в то же время оценка вклада в ВВП всего государственного сектора, включая бюджетные организации, сделанная МВФ по данным за 2012 год., в размере 68% примерно совпадает с аналогичными расчетами ФАС (2016), согласно которым совокупный вклад государства и государственных компаний в ВВП России составил около 70%, а в 2005 г. эта доля не превышала 35%»³. Методику и расчеты ФАС нам обнаружить не удалось, а ведомство, по свидетельству Газеты.ru, сообщило что ни методики, ни расчетов нет, а на материалы МВФ мы уже ссылались. В них есть обе цифры 71 и 68. Первая означает доходы, вторая – расходы. Разница называется профицитом. Скорее всего ФАС взяло первую цифру (доходы 71%) из доклада МВФ, а авторы статьи ссылаются на вторую цифру (расходы 68%) из того же доклада. Основной темой доклада МВФ является фискальная политика, долговая нагрузка и прочие проблемы государственных финансов, а не методы расчета ВВП⁴. Об этом свидетельствует

¹ Россия в цифрах. 2016. С. 92.

² Абрамов А., Радыгин А., Чернова М. Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике. Вопросы экономики, № 12, 2016. С.75.

³ Там же.

⁴ Internatinal Monetary Fund. – May 2014.

ссылка на бюджетные организации, которые прямо выводят на сложение бюджетных расходов и производимого госкомпаниями ВВП. Метод расходов смешивается с производственным методом расчета ВВП, кроме того очевиден повторный счет. И все это ради получения впечатляющей и даже устрашающей цифры, дающей карт-бланш на достаточно легкое обоснование основных причин экономических трудностей и столь же легкую возможность по их преодолению.

В заключении считаем возможным сделать следующие выводы. Государство является уникальным участником экономического процесса с большим ресурсным и институциональным потенциалом. В период неполной занятости (кризис, стагнация) и структурных реформ экономическая роль государства существенно возрастает. Задача экономической науки и экономической политики состоит не в том, чтобы стремиться к его дискредитации и свертыванию, в особенности на основе аргументов, граничащих с научным шарлатанством, а в поиске и нахождении путей наиболее эффективного использования преимуществ государства с его уникальным потенциалом.

Экономической науке следует перейти к не ангажированному обсуждению качества роли государственного участия в экономике по критериям экономической и социальной эффективности. Структурная перестройка российской экономики на основе качественно новой индустриализации является исторически значимой задачей и шансом для возвышения государственной экономической политики. Хорошего (по критериям качества) государства должно быть как можно больше, плохого, как можно меньше.

П. В. Шульце⁵

Будущее промышленности:
четвертая революция –
функции государства и общества

⁵ Питер В. Шульце, профессор Гётtingенского университета им. Георга-Августа, доктор.

Сдвиги в мировой экономике: технологические вызовы и конкуренция

Примерно 40 лет назад мировая экономика находилась в относительно спокойном состоянии: ни существование Советского Союза, ни два нефтяных кризиса в 1970-х гг. особенно не беспокоили западные правительства и корпорации. Нефтяные кризисы были нивелированы внедрением энергетически эффективного оборудования и привели к появлению новых социально-экологических движений, действующих как агенты новой экономики.

В это же время произошли два события, которые оказали огромное влияние на состав и конфигурацию игроков в мировой экономике. Эпоха ОЭСР, когда горстка европейских, американских и азиатских стран правила и доминировала на мировом рынке, завершилась. Бывшие промышленные развивающиеся страны (Китай, Индия, Бразилия, Индонезия или Южная Африка) вышли на мировой рынок и ожесточенно конкурируют с англо-саксонской и континентально-европейской экономиками (рис. 1).

Для нас важны только три фактора:

1. *Новые игроки на экономической сцене – страны Азиатско-Тихоокеанского региона* – изменили состав промышленного мира ОЭСР, существовавший со времен окончания Второй мировой войны. В силу того, что эти страны рассматривались как платформы

для экспорта и полагались на оффшорные прямые инвестиции (в основном от США), их появление интенсифицировало международную конкуренцию. Странам ОЭСР потребовалось примерно 20 лет, чтобы адаптироваться к новым условиям. Тем не менее, в первом десятилетии нового тысячелетия произошел новый раскол, бросивший новый вызов глобальному соотношению сил. Посмотрим внимательнее на долю в ВВП США, Китая, Индии и Германии (рис. 2). Китай уже достиг уровня Германии в 1995 г., а в 2004 г. доля Индии в ВВП была больше доли Германии. В течение нескольких следующих лет Китай будет на одном уровне с США, в то время как ВВП Германии составит только 50 % от ВВП Индии. При этом мировая доля Китая в ВВП будет в шесть раз больше доли Германии. В связи с изменением состава товаров, в частности из Китая, товары которого продвигаются вверх по цепи прибавочной стоимости, последствия для промышленной продукции стран-членов ЕС могут оказаться серьезными.

2. Появление информационных и коммуникационных технологий привело к фундаментальным изменениям технологий производства, организации рабочего процесса и качества продукции. Третья промышленная/техническая революция началась в середине 1970-х гг. Применение новых технологий в массовом производстве способствовало глубоким изменениям во внутренней организации предприятий и в отношениях между ними («невидимая корпорация», операции «точно-в-срок» и т. д.). Распространение информационных технологий в промышленных секторах ускорило интернационализацию продукции, НИОКР и собственности. Скорость проникновения инноваций и новых продуктов в новые высокотехнологичные сектора была феноменальной. Сдвиг в сторону прикладных технологических инноваций ограничил и облегчил диверсификацию современных технологий в промышленности.

3. Названные факторы взаимно усиливают друг друга. Возросшая конкуренция способствовала модернизации промышленных секторов, без которой невозможны длительный экономический

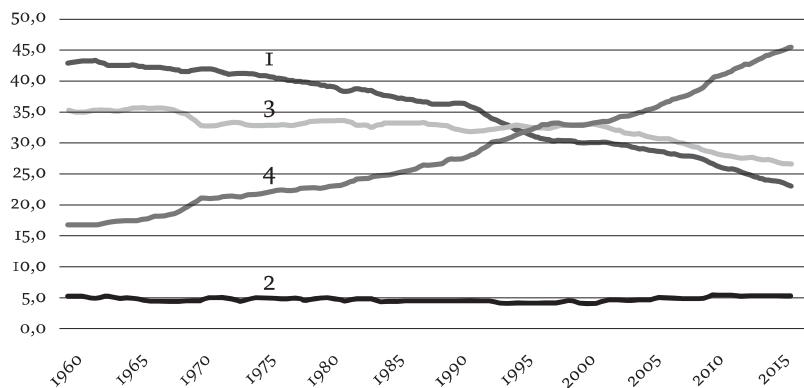


Рис. 1. Доля реального мирового ВВП:
1 – Европа; 2 – Африка; 3 – Америка; 4 – Азия [1]



Рис. 2. Лидеры мирового экономического роста:
глобальный ВВП в процентном выражении
(основано на оценках с 2009 г.) [2]

рост и достижение конкурентоспособной позиции на международной арене. С конца 1970-х гг. почти все европейские страны и США пережили структурные кризисы, утратили свои конкурентные преимущества и потеряли целые промышленные сектора. Снижение конкурентоспособности началось с текстильной промышленности; распространилось на угольную, железорудную и сталелитейную; затронуло кораблестроение и добралось до электроники, полупроводников, компьютерной техники, телекоммуникаций и т. д.

После распространения высоких технологий в сфере промышленности и услуг, а также их проникновения в административные сектора стало очевидно, что общества могут поддерживать свое благосостояние только при наличии доступа к мировым базам знаний. Как следствие, протекционизм, основанный на конкуренции национальных государств, способствовал интенсификации различных форм кооперации и политике относительно неограниченного доступа на рынки. Интернационализация потоков капитала, а также введение международных региональных торговых режимов (например, ВТО или Европейский союз после Маастрихтского договора 1992 г.) усилили тенденции глобализации. Доступ к знаниям важен [3, с. 1] – их распространение является предпосылкой долгосрочного экономического роста и подъема благосостояния. Знания не должны оставаться там, где они были созданы, необходимо позволить им свободно пересекать институциональные границы. В соответствии с подходом инновационных систем открытые и децентрализованные отношения и связи между социальными игроками влияют на их инновационное поведение.

Расстановка экономических сил на мировом рынке кардинально изменилась за последние четыре десятилетия. Глобализация, ставшая неотъемлемой чертой нашего времени, привела к новому разделению труда. В докладах Центрального разведывательного управления [4] или Национального разведывательного совета [5] по теме «Мир в 2030 году» признается, что Европа

и США могут потерять лидирующую конкурентную позицию. Более того, относительный экономический спад повлияет и на политическое место Вашингтона среди международных игроков.

Сам процесс глобализации приводит к изменениям концепций экономической теории, требуя переопределения власти и функций государства. Давайте подытожим:

1. Шумиха среди теоретиков по поводу того, что *постиндустриализм* – это будущее рыночных демократических западных обществ (как провозгласил Дэниел Белл в 1970-х гг.) улеглась в 1990-х гг. Мнение Белла о том, что технологические сектора услуг заменят промышленные основы западных обществ, оказалось ошибочным. После реального перемещения экономических сил в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Китай сформировалась другая реальность. Как ни парадоксально, но даже те страны-члены ЕС, экономическое существование которых базировалось на высокотехнологичных конечных промышленных продуктах, остались конкурентоспособными, и разрушительный спад миновал их. Они справились лучше тех стран, где доминировал финансовый капитал, а также тех, которые вывели свои промышленные сектора в Азию. Соединенные Штаты и Соединенное Королевство – лучшие примеры деиндустриализации и экономического спада.

2. Кредо неолиберальных доктрин, состоящее в том, что *невидимая рука рынка* исправит все деформации, связанные с фактором нерыночных сил, оказалось идеологически мотивированным. Страны, принявшие неолиберальный подход для достижения экономического роста, столкнулись с многочисленными общественными деформациями. Сети социальной безопасности вышли из строя, социальные пособия были урезаны, а экономические и социальные дисбалансы росли. Из-за потери промышленных секторов сократились масштабы НИОКР, что привело к росту безработицы. Шокирующие результаты неолиберальной экономической политики не только нарушили социальные связи между государствами, но также изменили отношения между политикой и экономикой. Профсоюзы постепенно слабели,

а институты социального обеспечения, которые начали развиваться после Второй мировой войны и препятствовали развитию тоталитарных тенденций, развалились даже в таких странах, как Франция, Италия и Соединенное Королевство. Все это подорвало политическую силу социалистических и социал-демократических партий и движений в Европе.

Капитализм Рейнской области: роль уполномоченного государства в НИОКР и региональном развитии

Германия пошла другим путем. Несмотря на то, что в 1982–1998 гг. страной руководило либерально-консервативное коалиционное правительство, неолиберальные концепции практически не применялись. Достаточно парадоксально, но после объединения трансформация Восточной Германии осуществлялась по модели, называемой «капитализм Рейнской области». В сущности, эта модель признает превосходство политики над экономикой и считает государство важным игроком в развитии. В концепции подчеркивается «социальная ответственность капитала».

Освобожденные глобализацией силы привели к изменению понятия «государство». Его «стандартные функции» остались незатронутыми, но появились новые задачи, укрепляющие его новое качество как «активного, уполномоченного» игрока. Основное требование – стимулировать и поддерживать необходимые шаги для установления общепринятой платформы дискурсов между игроками, вовлеченными в процесс модернизации и обновления экономики и общества. Далее, «уполномоченное» государство, скорее, берет на себя функцию арбитра в разрешении конфликтов между группами интересов; поддержки мобилизации местных сил для исследований, образования, бизнеса и связанной с ними деятельности; помощи в претворении в жизнь концепций роста в университетах или на предприятиях малого и среднего

бизнеса. Обновление и модернизация экономической и социальной, а также образовательной и исследовательской базы Восточной Германии после 1990 г. могут основываться на моделях регионального экономического развития, успешно примененных в предыдущие десятилетия в Западной Германии. В проведении такой политики и выработке ее целей участвовали образованные, эффективные, некоррумпированные и ориентированные на бизнес административные кадры на всех уровнях Федеративной Германии.

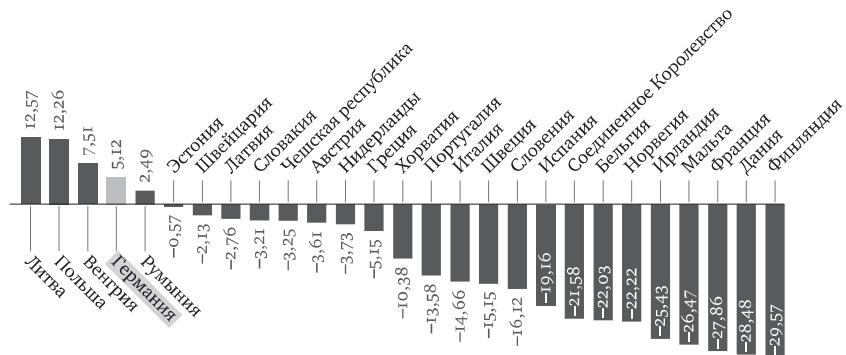


Рис. 3. Европа: сокращение доли промышленности в ВВП (%) между 2001 и 2012 гг.

Постоянная промышленная и технологическая модернизация – безальтернативна

Сегодня модернизация сложнее, чем 30 лет назад, когда новые технологии начали проникать в промышленные сектора, а из них – во всю национальную экономику, создавая новые продукты, революционизируя организацию промышленного производства, устранивая старые промышленные структуры и создавая огромные социальные проблемы. Как следствие, за последние десятилетия доля промышленного труда в Европе сильно снизилась (рис. 3) и в среднем равна 16 %. Но сейчас этот процесс, кажется, остановился,

а в некоторых странах даже наблюдается обратная тенденция. В Германии (в отличие от Франции и Соединенного Королевства) доля промышленного труда осталась относительно большой – 22 %.

Построение элементов/блоков успешной экономической и социальной модернизации⁶

В Германии *центральные органы власти никогда не играли основную роль в реструктуризации, реновации или модернизации экономических секторов*. Благодаря федеральной структуре германской политической системы, роль агента модернизации выполняют *региональные органы власти*, т. е. правительства германских земель.

Объединение высоких технологий и традиционной промышленности в сеть действующих игроков, сгруппированных вокруг «полномоченного» государства, характеризует европейскую модель. Это является фундаментальным отличием от американского опыта.

Еще раз подчеркнем: германская (или европейская) модель высокотехнологичного промышленного развития уникальна и ее перенос в страны с отличными социально-экономическими и/или культурными условиями встретит серьезные препятствия. Тем не менее, некоторые ее черты могут использоваться как инструменты для развития, особенно в рамках новой индустриальной эволюции, зарождение которой мы наблюдаем во втором десятилетии нового тысячелетия.

Нам представляются существенными следующие требования:

– создание эффективных условий, например, ориентация на мотивацию бизнеса и поддержка от государственных институтов: верховенство закона, независимая судебная система, компетентные

⁶ Для дальнейшей дискуссии см.: Институт Фраунгофера для экономики труда и Международной организации труда / Ред. Д. Шпат. Производственная работа будущего – Промышленность 4.0. 2015.

и некоррумпированные государственные служащие на всех уровнях политического/административного и экономического обмена;

– объединение фундаментальных и прикладных исследований в университетах, центральных исследовательских институтах и на предприятиях;

– открытый доступ к знаниям и коммуникационному потоку между предприятиями и исследовательскими институтами;

– наличие развитой инфраструктуры (транспорта, обработки данных), науки, а также культурных институтов;

– синергетический эффект за счет объединения исследований, образования, обучения и производства.

Промышленность 4.0: генезис и предшествующие стадии

Можно выделить четыре стадии промышленного развития, которые не только привели к революции в сфере производства (создание и качество продуктов), но и к изменению социальных и политических структур государств и обществ (рис. 4).



Рис. 4. Четыре стадии промышленной революции

В октябре 2012 г. германская Рабочая группа по промышленности представила федеральному правительству рекомендации по «Промышленности 4.0», основанной на введении киберфизических систем для цифровизации производящей промышленности. В сущности, «Промышленность 4.0» позволит осуществлять массовое производство персонализированных продуктов в соответствии с индивидуальными требованиями клиентов. Такие продукты предложат высокое качество по низким ценам. Центральный элемент «Промышленности 4.0» – это «Умная фабрика».

«Умная фабрика» – ядро 4-й промышленной революции. Другие термины: «Умное производство», «Интеллектуальная фабрика» и «Фабрика будущего» – описывают видение будущего промышленного производства. С этой точки зрения, «Умная фабрика» будет более интеллектуальной, гибкой и динамичной. Производственные процессы будут организованы по-другому, производственные цепи (поставщики, логисты и жизненный цикл управления продуктом) тесно связаны в рамках корпорации.

Интеллектуальные машины будут самостоятельно координировать производственный процесс, обслуживающие роботы – кооперироваться в процессе производства с работниками-людьми, беспилотные транспортные средства будут самостоятельно выполнять логистические задания и т. д. Процессы производства будут взаимосвязаны/соединены далеко за рамками отдельных предприятий для оптимизации потока материалов, компонентов и для распознавания на ранней стадии ошибок в потоке производства либо для реагирования на изменение требований покупателей.

На «умной фабрике» машины и оборудование могут улучшать процессы с помощью самооптимизации и автономного принятия решений. Это сильно контрастирует с нынешним четким выполнением запрограммированных операций.

Ключевые черты будущих промышленных сетевых решений сформируют другой промышленный ландшафт: фабрики будут работать на основе комбинации интеллектуальных производственных технологий с новейшей высококачественной информацией

и коммуникационными технологиями. Это сформирует цифровое интегрированное машиностроение, горизонтальную интеграцию по всей цепи формирования стоимости, а также вертикальную интеграцию и связь на всех уровнях производства. Высококачественные, надежные коммуникационные технологии сделают возможным:

- передачу больших объемов информации в реальном времени и с минимальной задержкой;
- очень надежную связь большого количества личных устройств с высочайшими стандартами безопасности данных;
- использование все большего количества беспроводных технологий как на территории завода, так и для удаленного соединения;
- энергетически эффективную деятельность.

Необходимая автоматизация технологий улучшается путем введения методов самооптимизации, самонастройки, самодиагностики, квалифицированной и разумной поддержки работников при усложняющейся деятельности. Характеристикой промышленного производства в условиях «Промышленности 4.0» является точная подстройка продуктов под условия очень гибкого (массового) производства.

Самые большие мировые компьютерные и промышленные ярмарки в Ганновере в 2015 и 2016 гг. продемонстрировали начало создания нового союза между различными секторами промышленности, деловыми ассоциациями, профсоюзами, федеральными и региональными правительствами, предприятиями в области сложных информационных технологий, предприятиями малого и среднего бизнеса и большими корпорациями. Союзы, сформировавшиеся на основе технологических прорывов и серьезных изменений в расстановке сил в глобальной экономике, привели к жесткой конкуренции среди глобальных игроков. Немецкие игроки в области науки, образования, исследований, политики и корпоративных структур едины в достижении экономических и социальных целей. Германия должна сохранять передовые позиции для управления возрастающей международной

конкуренцией в сфере продуктов и цен. При более чем 7,8 млн работников, занятых в производстве, где трудовые затраты составляют в среднем 20 % от производственных затрат (что намного выше, чем в Китае или в США), немецкая промышленность может оставаться конкурентоспособной только как лидер в технологиях и производитель индивидуальных продуктов на верхнем уровне цепи формирования стоимости.

Для достижения этой цели нужно:

- сократить производственные затраты до 30 %;
- усилить конкурентоспособность на верхнем уровне цепи формирования стоимости;
- увеличить экономическую долю секторов информационных технологий до 78 млрд евро в 2025 г. (грубо говоря, на 23 %);
- децентрализовать принятие решений и завершить командную автоматизацию;
- увеличить занятость в сфере информационных технологий до 900 000 работников;
- получить у государства целевые средства на НИОКР и гарантии открытого доступа, открытых границ, открытых стандартов.

Специализированное и гибкое индивидуализированное массовое производство, основанное на обмене данными между машинами, фабриками и работниками, будет ключевым условием и целью «умной фабрики» в рамках «Промышленности 4.0»; основные изменения коснутся образования и эффективного обучения работников.

Человеческий труд останется важным элементом производства, но содержание его изменится. Гибкая автоматизация и самооптимизация машин в процессе производства освободят работников от тяжелой физической работы для полезного и конструктивного участия в производственном процессе. Произойдут изменения и в объеме промышленной рабочей силы – для Германии ожидаемые колебания оцениваются в плюс/минус 1,5 млн человек. Цели исследовательской, научной и промышленной работы сближаются, а роль и участие промышленных работников в

совершенствовании продукции и технических процессов увеличиваются. В связи с этим требуется работник нового типа, владеющий коммуникационными технологиями и выполняющий функции контроля. Предполагается, что рабочая сила в «Промышленности 4.0» предназначена для краткосрочной работы и будет получать квалификацию в процессе обучения на рабочем месте. Профессиональные школы, университеты должны разработать методики обучения и учебные программы, соответствующие изменившимся требованиям производства.

Список литературы

1. http://www.worldeconomics.com/papers/Global%20Growth%20Monitor_7c66ffca-ff86-4e4c-979d-7c5d7a22ef21.paper
2. *Веде, Э. Это демография, глупец!* – Изд. FAZ. Wirtschaft. – 23.05.2011. – С. 112.
3. *Шуберт, Т. Кооперация с государственными научно-исследовательскими институтами и успехи в инновациях: на примере Франции и Германии / Т. Шуберт, С. Робин.* – Изд. Fraunhofer ISI // Discussion Papers «Innovation Systems and Policy Analysis». – № 24. – Karlsruhe. – Апрель 2010.
4. Глобальные тенденции 2025: Трансформированный мир.
www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html
5. Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры.
www.dni.gov/nic/globaltrends

Д.Б. Эпштейн¹

Экономическая политика России –
пути обеспечения устойчивого
индустриального роста

¹ Давид Беркович Эпштейн, главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики и организации сельского хозяйства Российской Академии наук, д.э.н., профессор.

Обратимся к данным официальной статистики, позволяющим оценить, достигла ли в 2016 году российская экономика «дна кризиса», и если достигла, то «оттолкнулась» ли она от него, то есть, имеет ли место заметный плюс в объемах и стоимости производства, в каких отраслях это проявляется. Мы используем в данном случае наиболее свежие на момент подготовки работы данные публикации Роскомстата «Информация о социально-экономическом положении России. Январь-декабрь 2016 года».

ВВП за январь – сентябрь 2016 года был на 0,7% меньше, чем в январе – сентябре 2015 года², а индекс промышленного производства составил в 2016 году 101,1% к уровню 2015 года.

Обратимся к более детальным данным. Инвестиции в основной капитал (имеются данные только за три квартала) на 2,7% ниже, чем в 2015 году, а именно этот показатель закладывает реальные возможности будущего роста. Розничный товарооборот также продолжал снижаться – он в 2016 году был на 5,2% меньше, чем за 2015 год.

Явный плюс показывает сельское хозяйство: +4,8% прироста, но это в немалой степени определяется очень благоприятными погодными условиями этого года. Правда, сельское хозяйство растет последние годы на 1,5-2,5% ежегодно, и мы далее остановимся подробнее на причинах этого роста.

² Более полных данных статистика в феврале 2017 года еще не дала.

Если обратиться к другим основным отраслям народного хозяйства, то рост имел место в добыче полезных ископаемых порядка 2,5%. Это означает, что мы снова начинаем наращивать их экспорт. Обрабатывающие же производства, то есть, основа экономической, индустриальной мощи страны показывают прирост на уровне 0,1%, то есть, менее статистической погрешности. Эта цифра, возможно, определяется тем, что правительству очень хочется поскорее увидеть плюсовые, а не минусовые значения темпов роста, и статистика приходит ему на помощь.

Приведем соответствующие показатели в разрезе отраслей.

Табл. 1. Индексы производства по основным видам обрабатывающих производств в России в 2016 г.

	2016 г. в % к 2015 г.	декабрь 2016 г. в % к декабрю 2015 г.	
		ноябрю 2016 г.	
Обрабатывающие производства в целом	100,1	102,6	107,9
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	102,4	105,9	102,9
текстильное и швейное производство	105,3	108,8	97,0
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	105,1	94,9	97,1
обработка древесины и производство изделий из дерева	102,8	107,2	107,9
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	100,8	87,5	101,2
производство кокса и нефтепродуктов	97,6	98,3	105,4
химическое производство	105,3	114,1	102,8

	2016 г. в % к 2015 г.	декабрь 2016 г. в % к декабрю 2015 г.	ноябрю 2016 г.
производство резиновых и пластмассовых изделий	105,4	100,3	95,0
производство прочих неметалли- ческих минеральных продуктов	93,4	94,8	93,9
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	97,7	102,0	106,0
производство машин и оборудования	103,8	109,2	112,9
производство электрооборудова- ния, электронного и оптического оборудования	99,0	103,5	108,9
производство транспортных средств и оборудования	97,0	96,9	124,9
прочие производства	93,8	99,4	108,5

Очевидно, что, хотя есть отрасли, показывающие заметный прирост (например, текстильная, производство кожи, изделий из кожи и обуви, пищевая промышленность, производство машин и оборудования, химическая промышленность), но ряд отраслей демонстрируют падение, причем не только в декабре 2016 г. к аналогичному периоду 2015 года, но и в декабре 2016 года к ноябрю этого же года.

Так что, в целом вывод однозначен – падение производства замедлилось, но явных признаков остановки падения и суммарного перехода к росту пока не просматривается, несмотря на все пожелания и заклинания.

Более того, спад экономики продолжается, по сути дела, с 2014 года, а падение темпов роста – с 2010 года, то есть 7 лет! Приведем данные по основным социально-экономическим показателям за 2010 – 2015 годы.

Табл. 2. Темпы роста (снижения) основных социально-экономических показателей России в 2010-2015 гг.,
в процентах к предыдущему году

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Численность населения	100,02	100,1	100,2	100,2	100,2	100,2
Валовой внутренний продукт	104,5	104,3	103,4	101,3	100,6	96,3
Промышленное производство	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6
Продукция сельского хозяйства	88,7	123,0	95,2	105,8	103,5	103,0
Среднегодовая численность занятых в экономике	100,1	100,2	100,5	99,9	99,9	99,5
Производительность труда	103,2	103,8	103,0	101,9	100,8	96,8
Инвестиции в основной капитал	106,3	110,8	106,8	100,8	97,3	91,6
Сальдированный финансо- вый результат (прибыль минус убыток) в экономике (по сопоставимому кругу организаций)	144,1	114,2	110,8	82,7	68,2	153,1
Ввод в действие основных фондов	93,4	129,0	108,7	101,0	97,3	н/д
Объем розничной торговли	106,5	107,1	106,3	103,9	102,7	90
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	96,2	101,1	86,0	92,3	103,9	118,6
Реальные денежные доходы населения	105,4	101,2	105,8	104,8	99,5	95,7
Реальная начисленная заработка плата работников организаций	105,2	102,8	108,4	104,8	101,2	90,5
Реальный размер назначенных пенсий	134,8	101,2	104,9	102,8	100,9	96,2

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Индекс потребительских цен	108,8	106,1	106,6	106,5	111,4	112,9
(декабрь отчетного года к декабрю предыдущего года)						
– в т.ч. на продовольствен- ные товары	112,9	103,9	107,5	107,3	115,4	114,0
– на непродовольственные товары	105,0	106,7	105,2	104,5	108,1	103,7
– на услуги	108,1	108,7	107,3	108	110,5	110,2
– на жилищно- коммунальные услуги	113,0	111,7	109,4	109,8	109,4	110,1
Внешнеторговый оборот	132,7	130,6	103,5	100,2	93,2	66,3
Экспорт	132,1	131,3	102,3	99,2	95,1	68,4
Импорт	133,6	129,7	105,4	101,7	90,2	63
Справочно: некоторые показатели экспорта						
Цены на нефть сырую, долл./т	546	744	754	734	689	340
Цены на нефтепродукты, долл./т	529	727	750	721	701	
Цены на газ, долл./тыс. м. куб.	273	343	346	336	317	200
Структура экспорта, в %, всего	100	100	100	100	100	100
в том числе:						
Сырьевые товары и изделия из них	93	92,7	92,3	91,9	91,7	91
– в том числе продовольственные товары и сельско- хозяйственное сырье (кроме текстильного)	2,2	2,6	3,2	3,1	3,8	4,7
– минеральные продукты	68,5	71,1	71,3	71,5	70,5	63,8
– машины, оборудование и транспортные средства	5,4	5	5,1	5,5	5,3	7,4
Прочие	1,6	2,3	2,6	2,6	3	1,6

Очевидно, что рост ВВП уже в 2014 году был на уровне 0,6%, близком к погрешности данных. Снижались также темпы роста промышленной продукции, производительности труда, инвестиций в основной капитал, ввод в действие основных фондов, сальдированный финансовый результат (прибыль), за исключением 2015 года. Снижались и темпы роста реальных доходов населения, ставшие уже в 2014 году отрицательными. Отсюда – снижение темпов роста розничного товарооборота, снизившиеся в 2015 году до минус 10%.

С скачок величины прибыли предприятий и организаций в 2015 году связан с тем, что из-за повышения курса доллара в два раза в 2014 году резко подскочили цены на импорт, они «потянули» за собой внутренние цены на российские товары, а зарплата столь быстро не росла. Отсюда – рост прибыли. Образовалась подушка рентабельности, как и в 1998–1999 годах. Но если тогда, благодаря действиям правительства Примакова – Маслюкова, предприятия получили доступ к относительно дешевым кредитам, смогли взаимно быстро начать гасить задолженность при помощи правительства, и в результате начался рост экономики, то в 2015 году возможности роста были торпедированы повышением ключевой ставки Центробанком до 17%.

В чем причины такого систематического падения темпов роста и кризисного развития? Назовем те факторы, которые могут быть причинами, если учитывать особенности текущей ситуации и характер российской экономики, и проанализируем, какие из них вправе считаться причинами такого развития.

Очевидно, можно назвать следующие причины: 1) падение цен на нефть, 2) антироссийские санкции, и, прежде всего, недопущение наших предпринимателей к дешевым зарубежным кредитам, 3) ошибочная экономическая и финансовая политика руководства.

Начнем в падения цен на нефть. Как демонстрирует таблица 2, темпы роста стали падать в России с 2010 года, а цены на нефть как разросли до 2012 года, и в 2013 и даже в 2014 годах они

колебались от 90 до 100 долл./баррель, то есть находились на очень высоком уровне. И лишь в 2015 году цены на нефть упали почти вдвое, до среднего уровня 51 долл./баррель. А наш темп роста уже в 2013 году, при высокой цене на нефть, упал до 1,3%, а в 2014 год до микроскопических 0,6% – также при высокой еще цене на нефть. Аналогично обстояли дела и с ценами на газ.

А ведь о том, что становятся все более эффективными новые способы производства энергии, есть силы и государства, заинтересованные падении цен на нефть, и они (цены нефти) не будут вечно в несколько раз выше себестоимости ее добычи, кто только ни предупреждал наше правительство. Так что, причины нашего падения отнюдь не в ценах в низких экспортных ценах нефти или газа. Тем не менее, мы видим по структуре экспорта, что сырьевой характер экономики сохраняется, а экспорт машин и оборудования увеличился с 5,4% до 7,5% за 5 лет.

Перейдем теперь к вопросу о санкциях. У них было два направления. Первое – это запрет на продажу в Россию многих видов продукции. Но этот запрет освободил рынок для российских производителей. И рост сельского хозяйства, который наблюдается последние годы, отчасти связан именно с позитивным воздействием санкций. Конечно, запрет импорта затормозил реализацию тех инвестиционных проектов, которые основывались на использовании импортного оборудования, но и тут появлялась возможность для роста отечественного производства.

Второе направление санкций – это запрет западным банкам на выдачу кредитов российскому бизнесу, а эти кредиты были намного более дешевыми, чем кредиты российских банков: 4%-6% против отечественных 12%-15%. Этот запрет действительно оказал заметное негативное влияние на нашу экономику. Но вспомним, что санкции были введены в конце марта 2014 года, а наши темпы роста уже в 2013 году были очень низкими.

Так что, исходные причины не в ценах на нефть и не в санкциях. Основная причина снижения темпов роста и падения производства

– это ошибочная экономическая политика, которая проводится с самого начала 2000-х годов и является во многом продолжением политики ельцинского периода.

Основная ошибка состояла в непонимании экономической роли государства. В частности, уже давно известно в экономической теории и из практики многих стран, что не только бизнес, но и государство должно осуществлять инвестиции, чтобы был устойчивый экономический рост. Особое внимание обоснованию этого положения уделял, как известно, Дж. Кейнс. Именно государство должно вкладывать средства в поддержку отечественной экономики, прежде всего, в развитие инфраструктуры, то есть, транспортных сетей, связи, в обеспечение бизнеса электричеством, водой и отоплением, в развитие жилищного строительства и т.п., а также непременно в развитие науки и образования, в поддержку перспективных отраслей и реструктуризации. Именно такая политика является необходимым условием стабильного экономического роста в современном мире, причем, как для развитых стран, так и для стран с развивающейся экономикой³.

В основе современных, новых (по сравнению с 30-40-ми годами прошлого века) закономерностей развития современной

³ «Государственные инвестиции в инфраструктуру, в человеческий капитал, в институты, обеспечивающие передачу и распространение информации, в строительство жилья и объекты недвижимости играют решающую роль в развитии, поскольку такие инвестиции увеличивают отдачу в частном секторе...Бессспорно, фискальные и монетарные меры крайне важны, когда имеешь дело, с одной стороны, с угрозой дефляции. А с другой – с риском суверенного долга. Но это – не все. Помимо этого необходимы фундаментальные структурные преобразования». Подробно обосновывает эти и иные указанные выше положения М. Спенс, лауреат Нобелевской премии по экономике 2001 года, в книге «Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М. Издательство Института Гайдара. 2013. С. 126-127. (334 с.).

экономики лежит усиление экономической взаимосвязи и взаимозависимости всех стран мира, кардинальный рост мировой торговли и межстранового движения капитала, глобализация. В современном мире ни одна страна не может рассчитывать на долговременный рост, если ее правительство не стимулирует и не поддерживает своевременные структурные изменения. Дело в том, что по мере экономического роста увеличивается и заработка плата. Поэтому постепенно в такой растущей экономике становятся все менее конкурентоспособными на мировом рынке отрасли, использующие трудоемкие технологии. Даже если численность населения и внутренний рынок такой страны велики, раньше или позже появятся менее развитые страны с существенно более низкой заработной платой, предлагающие многие виды продукции по более низким ценам, чем обеспечивают внутренние производители. Попытка закрыться от такой конкуренции таможенными барьерами – краткосрочный паллиатив, который лишь затормозит необходимую структурную перестройку. Правильный выход – развитие новых технологий, существенно снижающих трудоемкость продукции, а также создание принципиально новых видов продукции и отраслей, где данная страна снова будет длительный период конкурентоспособной. То есть, речь идет о создании и внедрении (трансфере) инноваций. И такие процессы реструктуризации должны происходить регулярно. А для этого данная страна должна иметь постоянно воспроизводимые кадры, способные как распространять, так и создавать новые продукты и технологии, соответственно, новые машины и оборудование. А это достижимо только при постоянном повышении уровня и качества образования, а также науки, как прикладной, так и фундаментальной. Это же относится и к необходимости постоянного развития и совершенствования инфраструктуры. Частный бизнес не способен по определению решать эти задачи целиком, лишь участвовать в их решении. Ведущая роль принадлежит в этой сфере государству и государственным инвестициям в неё.

Аналогично – сфера регулирования финансов страны, валютного курса, обеспечения финансовых условий для бизнеса⁴. Деньги кредитная система должна предоставлять бизнесу на условиях, доступных для него, то есть, процент не должен существенно превышать уровень рентабельности. А в предкризисный и кризисный период, когда складывается дефицит денежных средств, должны действовать государственные программы так называемого количественного смягчения, то есть предоставление денег под низкий процент, практически – намного ниже инфляции. И это позволяет предотвратить развитие кризиса, сократить период снижения производства или не допустить его, смягчить негативные последствия. Здесь есть, конечно, свои нюансы. В частности, предложение дешевого кредита помогает преодолеть кризисные явления и запустить рост, если не допускается отток этих дешевых денег на валютный рынок. Иначе они уходят на спекуляции и способствуют инфляции, а рост экономики не наблюдается.

От российской науки исходят аналогичные рекомендации. Конечно, есть некоторые нюансы во взглядах и предложениях отдельных экономистов⁵. Есть программа изменения экономической стратегии С.Ю. Глазьева⁶. Есть программа Российской Академии наук⁷.

⁴ Ошибки финансового регулирования в наиболее крупных экономиках ведут к затяжным кризисам, причем не только в данной стране, а по всему миру, как показывает, анализируя кризисы XX и XXI веков П. Кругман, Нобелевский лауреат по экономике 2008 года в книге «Возвращение великой депрессии?». М.: Эксмо. 2009. 335 с.

⁵ Есть, как всегда, и те, кто готов пойти против совести и истины, но «порадеть родному руководству» в надежде, что их не забудут.

⁶ Глазьев С.Ю. Доклад «О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития». <http://www.glazev.ru/upload/iblock/797/79731df31c8d8e5ca59f491ec43d5191.pdf>

⁷ Волчкова Н. Страсти по стратегии. РАН предлагает свое видение научно-технологического развития страны. Поиск (poisknews.ru), 26/02/2016. <http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/17781/>

Весьма содержательная статья с конкретными предложениями по социализации российской финансовой системы опубликована В.Т. Рязановым в восьмом номере журнала «Экономист» за 2016 год⁸. Под социализацией автором понимаются такие меры общественного регулирования, которые позволяют повысить регулирующую роль государства в финансовой сфере и существенно повысить отдачу финансов в виде роста производства. Одна из основных идей работы состоит в развитии банковского финансирования инвестиционных проектов не в форме кредита, а под процент от ожидаемой прибыли. То есть, банк должен зарабатывать не на проценте, автономно от производства, а на той прибыли, которую принесет производство. Это существенно меняет правила игры в финансовой и экономической сферах.

Государству надо не ждать, когда «мы оттолкнемся от дна», а самому активно «отталкиваться», то есть вкладывать средства и помогать вкладывать их частному бизнесу.

Таким образом, причины кризисного развития – не в ценах на нефть, и не в санкциях, а в ошибочной экономической политике.

В связи с изложенным можно поставить вопрос, почему же на фоне общего неблагополучия и ошибочной, как сказано выше, экономической политики, сельское хозяйство, о котором еще не так давно говорили как о страдающей отрасли, растет уже несколько лет подряд по 2-3% в год? То, что в этом году получен хороший урожай зерна, 119 млн. тонн, это верно. Это не самый лучший урожай за всю историю России, как иногда говорят, но очень хороший. В 1990 году в РСФСР было произведено 117 млн. тонн.

Причины неплохих в целом результатов в сельском хозяйстве частично связаны с тем, что, во-первых, как было отмечено, санкции сократили импорт и расширили тем самым поле деятельности

⁸ Рязанов В.Т. Социализация финансов и беспрецентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка. //Экономист. №8. 2016. С. 3-23.

для российских производителей. Но главное не в этом, а в том, что как раз по отношению к сельскому хозяйству экономическая политика правительства была примерно с 2005 года относительно разумной, так как был запущен Приоритетный национальный проект «Развитие АПК на 2006–2007 годы». Далее была разработана, принятая и финансировалась Государственная программа развития сельского хозяйства – сначала на 2008–2012 годы, а затем на 2013–2020 гг. Объем ежегодного финансирования из федерального бюджета последние 3 года превышает 200 млрд. руб. Для сельскохозяйственных организаций выделялись льготные кредиты даже в 2015 и текущем годах, выделялись средства на субсидирование инвестиционных проектов, прежде всего, в производстве свиней и мяса птицы. Отсюда и стабильный рост. О судьбе сельского хозяйства его работники и ученые беспокоились не зря, так как это ключевая отрасль для обеспечения безопасности страны. И это дало свои результаты – практически по всем видам продукции, за исключением молока, минимально-необходимый уровень продовольственной независимости достигнут, в том числе и по мясу, где доля отечественной продукции уже в 2015 году составила 87,4%, а в 2016 году будет, видимо, 90% при норме продовольственной независимости 85%. По молоку и всей молочной продукции требуется, чтобы доля импорта в суммарных ресурсах продукта не превышала 10%, а фактически она росла (с 12% в 1990 году) до 1998 года и после 2000 года, и с 2012 года устойчиво превышает 20%.

То есть, причина стабильного роста сельского хозяйства том, что удалось убедить правительство вложить целевым образом некоторые средства в него, а направления вложений разрабатывались совместно с учеными и сельхозпроизводителями.

Есть и другие отрасли с высоким темпом роста в 2016 году, например, сельскохозяйственное машиностроение, показавшее рост 24%. Но это, к сожалению, несмотря на рост последних лет, подъем от очень низкого уровня. Наша страна выпускает последние годы 7–14 тыс. тракторов в год, а комбайнов зерноуборочных – около

6 тыс. В 1986–1990 годах в РСФСР выпускалось в среднем 246 тыс. тракторов и 81 тыс. комбайнов зерноуборочных, то есть в десятки раз больше, чем сегодня. Рост последних лет связан, во-первых, с программой субсидирования затрат производителям сельхозтехники⁹, а во вторых – с вызванным санкциями удорожанием и сокращением импорта.

Но, конечно, не все отрасли нуждаются в государственной поддержке. Часть отраслей, прежде всего, связанных с переработкой экспортимемых ресурсов, имеет неплохую конкурентоспособность и может расти без нее.

Обратимся теперь к данным о динамике цен и уровня жизни. В 2016 году цены продолжают быстро расти, доходы населения – снижаются. За январь – декабрь этого года индекс потребительских цен вырос на 7,1%. На первый взгляд, это немного, но если учесть, что зарплаты и доходы растут намного медленнее цен, а пенсии практически совсем не растут, то получается грустная картина. По статистике реальные располагаемые доходы населения снизились за 2016 год на 5,9%. Этот показатель включает все известные статистике виды доходов – пенсии, стипендии, пособия, зарплаты и даже доходы от собственности.

Но самое печальное, что снижение доходов населения вновь запускает порочный круг – ниже доходы, ниже спрос – значит, будет снижаться производство. Мы, собственно, топчемся в нем практически с 2010 года. За этот период средний рост получается лишь 1,2%.

Между тем, эти семь лет отнюдь не являются кризисными для мировой экономики, что могло бы частично оправдать нашу депрессию. Мировая экономика в целом устойчиво растет уже седьмой год. Средний темп прироста валового продукта в мире в 2010–2015 годах — 3,8% в год, ВВП США — 2,1%, ВВП стран

⁹ До марта 2015 года производителям сельхозтехники субсидировалось 15% затрат, а с марта – 25% и по ряду регионов – 30%. На это в 2016 году было выделено порядка 10 млрд. руб.

ЕС – 1%¹⁰. В Китае темпы роста 6,9-7,7% в год¹¹. После кризиса мировой экономики в 2008-2009 годах рост в Китае несколько снизился с уровня 9,9-10%, но это, тем не менее, мощный рост уже самой мощной в мире державы, если считать по паритету покупательной способности валюты. Китай успешно перестраивает свою экономику так, чтобы основным мотором роста был внутренний спрос, а не экспорт. Там успешно управляют курсом своей валюты, поддерживают низкий процент за кредит 4-6%¹², государство во все возрастающих масштабах вкладывается в развитие инфраструктуры, науки, образования, поддерживает инновации. И у нас могли бы быть теперь аналогичные темпы роста и масштабы экономики, если бы мы пошли в 1992 году не по пути так называемой «шоковой терапии», а по пути разумного, поэтапного введения регулируемой рыночной экономики.

Повторим еще раз, что надо делать, чтобы разорвать порочный круг, возникающий в период кризиса, когда снижение доходов снижает спрос и вслед за ним падает производство, вызывая следующий цикл падения доходов. Государство должно отказаться от либеральных мантр и начать активно инвестировать в развитие инфраструктуры, науки, образования, поддерживать перспективные отрасли, сделать кредит доступным для бизнеса, помогать переквалификации и созданию новых мест работы, индексировать пенсии, стипендии. Не на словах, а на деле, прежде всего, финансами поддерживать отечественную науку. И с инфляцией надо бороться не повышением до небес

¹⁰ World Economic Outlook: Too Slow for Too Long. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/pdf/text.pdf>. Annex. Tables A1, A4. Разумеется, ВВП – это еще не реальный сектор, в нем – немалая доля финансовых услуг и иных отраслей, которые к реальному сектору отношения не имеет.

¹¹ Акаев А., Коротаев А. Шестой большой цикл Кондратьева в развитии мировой экономики вступает в силу. <http://polit.ru/article/2016/06/14/kondratiev/>

¹² Российский статистический ежегодник. М. Роскомстат. 2015. С. 707.

ставок за кредиты, а поддержкой экономического роста, который и позволяет в итоге снизить инфляцию¹³.

У нас же эта стратегия не работает..., просто потому что она не проводится. На самом деле, в той мере, в какой она проводится – она весьма успешно работает, как было показано на примере сельского хозяйства и сельскохозяйственного машиностроения. Но проводится она в крайне недостаточных объемах, а в целом политики, направленной на рост, нет, есть лишь слова о нем. Что касается Центробанка, то в Законе о нем нет требования содействовать устойчивому экономическому росту, а есть лишь требования содействовать устойчивости финансовой системы, национальной валюты¹⁴. И там, видимо, полагают, что наибольшая устойчивость – в нулевой точке, когда в экономике уже ничто не шевелится. Иначе ЦБ не поднял бы ключевую ставку до 17% в декабре 2014 года и не убивал бы нашу промышленность этим, а нашел бы иные способы регулирования валютного курса.

Но не только Центробанк внес свой вклад в снижение производства. Позитивное действие девальвации рубля может быть (и было) заторможено и даже торпедировано в случае отсутствия адекватных действий правительства, например, если оно не помогает продолжить или завершить уже начатые проекты перевооружения предприятий на базе импортного оборудования. К сожалению, правительство не решилось на существенное субсидирование проектов импортозамещения. Сократились, по указанным выше причинам, и инвестиции частных компаний. В сумме вложения в основной капитал сократились в стране за январь–май 2015 года на 4,8%.

¹³ Подробно мы рассматривали эти меры, например, в статье Эпштейн Д. Какая экономическая политика решает проблемы сельского хозяйства? // Экономика сельского хозяйства России. 2015, № 2, с. 23–29.

¹⁴ Закон о Центральном банке. http://www.cbr.ru/today/status_functions/law_cb.pdf

Возникает вопрос – почему в стране нет политики, направленной на рост, а есть лишь слова о ней. Разумеется, не потому, что у нас не знают о рекомендациях экономической науки. Правда, и сегодня все еще можно «на экономическом поле» найти рекомендации в духе «Вашингтонского консенсуса»: денег промышленности не давать, бюджетные расходы урезать, открыть свою экономику полностью для продукции других стран, валютный курс не регулировать и т.п., чего сами развитые никогда не делали и не будут, но другим – советовали. Но истинная причина такой странной экономической политики и вызванной этим нашей стагнации, на наш взгляд, в том, что у нас торжествуют интересы сырьевых монополий и экспортёров сырья. Им не нужна диверсификация экономики, им не нужно перераспределение доходов от нефти и газа (их доходов!) в другие отрасли, им не нужно опережающее развитие образования и науки. То есть, как говорили древние римляне *«Cui prodest!»*, то есть делает нечто (или не делает то, что должен) тот, кому выгодно. Не очень поэтому понятно, каковы были механизмы, позволившие с большим отрывом победить известной партии, если образованное ею правительство уже три года не в состоянии вывести экономику из падения.

В связи с этим странно и то, что в период избирательной компании в Думу не было (во всяком случае, автор статьи не заметил) каких-либо серьезных дебатов об экономических программах парий и экономическом положении страны. Могу лишь высказать предположение, что думские партии так договорились. Может быть, боятся «раскачивать лодку». Или их захватила волна борьбы с русофобией и за интересы России в Сирии... А, с другой стороны, большинство наших избирателей, видимо, реально напуганы угрозой конфликта со всем миром и считают, что в такой ситуации лучше ничего и никого не менять. Многие еще помнят об эйфории первых лет перестройки и так называемых реформ Горбачева, а затем Ельцина-Гайдара и чем это кончилось, боятся повторения краха.

Что же необходимо для перехода от политика падения, которая проводится, по сути дела, с 1992 года, к экономической стратегии, способной обеспечить реальный экономический рост?!

В связи с ограниченным размером статьи большинство этих элементов мы просто перечислим, остановившись лишь на наиболее существенных, выделив некоторые группы мер.

I. Политические меры:

1) необходим принципиальный отказ от праволиберальной парадигмы, от идеи, что действия государства в экономике – это «вмешательство», а вмешательство государства заведомо неэффективно, что, якобы, государство неэффективно и как предприниматель, и как собственник; все это многоократно опровергнуто и реальным опытом экономического развития, и в теории;

2) отказ от праволиберальной парадигмы должен выражаться в демонстративно объявленном переходе от преимущественно праволиберальной экономической политики, делающей упор лишь на совершенствовании институтов, то есть, «правил игры», к активной социально-ориентированной политике экономического роста в интересах всех классов и слоев общества, к политике развития на новой технологической базе; демонстративность этого отказа должна означать замену ключевых фигур правительства, сторонников праволиберального «невмешательства» на активных и известных обществу, высококвалифицированных и авторитетных сторонников альтернативной линии – на сторонников и стратегов новой индустриализации;

3) должна быть усиlena социальная и антикоррупционная составляющие экономической политики, в том числе, путем введения прогрессивного налогообложения, принятия законов о конфискации имущества чиновников и госслужащих, размер и происхождение которого не соответствуют декларируемым доходам, реальной деофшоризации экономики.

II. Финансовые и антиинфляционные меры:

1) необходим отказ от нерегулируемого изменения курса рубля и переход к удержанию курса рубля на относительно низком

уровне, даже и в случае повышения цен на нефть и другие экспортные ресурсы, на уровне, гарантирующем высокую конкурентоспособность отечественной экономики, как добывающего, так и обрабатывающего сектора, а также сельского хозяйства; этот элемент экономической политики гарантированно создает благоприятные фоновые условия для повышения и сохранения конкурентоспособности уже существующих отраслей отечественной экономики и поэтому играет ключевую роль, на чем мы остановимся подробнее после перечисления других мер;

2) Борьба со спекулянтами на валютном рынке не должна превращаться в борьбу с собственной экономикой, то есть, стремясь ограничить доступ спекулянтов на валютный рынок, нельзя существенно увеличивать процентную ставку, поскольку это оказывает резко тормозящее действие на всю экономику и не только не уменьшает, а, наоборот, разгоняет инфляцию. Дело в том, что, не имея доступа к краткосрочным кредитам, предприятия будут вынуждены поднимать цены. Для борьбы с валютной спекуляцией целесообразно найти нестандартные способы, например, продажу валюты лишь тем покупателям, кому она нужна для оплаты реальных закупок по импорту, подтверждаемых контрактами, или для погашения долгов. А добившись таким путем стабилизации валютного курса, необходимо создать условия для резкого удешевления кредитов под проекты увеличения производства, вплоть до использования эмиссионного финансирования отраслей и предприятий, дающих достаточно быструю и надежную отдачу. Разумеется, все это возможно лишь при отказе от праволиберального курса и переходе к активной социально-ориентированной экономической политике, нацеленной на инновационный рост нашей экономики;

3) аккумулирование сырьевой ренты в руках государства в существенно больших объемах, чем в настоящее время, в том числе, за счет повышения налогообложения сырьевых отраслей;

4) государственный контроль и полная прозрачность издержек и цен в сырьевом секторе, регулирование цен на нефть, газ,

основные виды горючего и топлива, а также на продукцию отраслей – естественных монополий по принципу издержки плюс минимально-необходимая прибыль;

III. Меры инновационной политики:

1) создание Государственного комитета по науке и инновациям как единого органа для организации инновационного процесса, то есть, создания и постепенного перехода к трансферу преимущественно отечественных инноваций на основе взаимодействия государства, бизнеса, имеющихся звеньев инновационной инфраструктуры, прикладной и фундаментальной науки;

2) переход от политики «экономии на науке» и ее «реструктуризации», «оптимизации» и т. п. к повышению престижа фундаментальной науки и ее работоспособности с помощью резкого увеличения заработной платы в ней и к таким объемам финансирования фундаментальной и прикладной науки, которые создают условия для быстрого сокращения отставания от стран-конкурентов в сфере создания научных заделов для инноваций, то есть, в объемах, примерно в два раза опережающих средний уровень финансирования науки в ОБСЕ (1,8% ВВП в ОЭСР, в то время как в России до 2015 г. было 1,1%)¹⁵.

IV. Меры структурной политики:

1) использование государственных капиталовложений и государственных субсидий и льгот для обеспечения опережающего роста капиталовложений в высокотехнологичные секторы, где мы имеем шансы обгонять конкурентов, не догоняя, например, в – производство медицинского оборудования на новых принципах,

– производство новых материалов;

¹⁵ Альтернативная Концепция реформирования фундаментальной науки, утвержденная в 2014 году Конгрессом работников образования, науки и культуры, изложена в работе: Бузгалин А.В., Миронов А.С., Эпштейн Д.Б. О ситуации в российской науке.//Свободная мысль, №4, 2015, с. 140-163.

- освоение космоса;
- развитие образования и науки;
- развитие медицины и др.;

2) одним из приоритетов государственной политики обязательно должно стать универсальное машиностроение, производящее станки, роботизированные и автоматизированные комплексы, их электронную базу, а также программное обеспечение, используемые для производства машинного оборудования в специализированных отраслях; именно эта сфера является ключевой для реального повышения производительности труда на отечественной машинной базе.

309

ЗИО

«Форсайт “Россия”: новое индустриальное общество.

Перезагрузка»

Том I

Сборник пленарных докладов

Санкт-Петербургского

Международного Экономического Конгресса (СПЭК-2017)

Заведующий редакцией

И.А. Эбаноидзе

Оформление

И.Э. Бернштейн

Верстка

С.Е. Куликов

Корректор

Е.П. Лесничая

Подписано в печать 02.10.2017.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1

Печать офсетная. Печ. л. 19,5.

Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Культурная Революция»

Адрес: Москва, ул. Новосущёвская, д. 19б

Телефон (499) 973 1662, e-mail editor@kultrev.ru